

Коллективная монография

**МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ:
ИСТИНА И ИМИТАЦИЯ**

Нижний Новгород
2020

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

Коллективная монография

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ:
ИСТИНА И ИМИТАЦИЯ

Под общей редакцией профессора М.М. Прохорова

Нижний Новгород
ННГАСУ
2020

ББК 15.1+87.3
М 64
УДК 1/14

Публикуется в авторской редакции

Рецензенты:

А. В. Ерахтин – д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный политехнический университет»

А. Р. Каримов - д-р филос. наук, зав. кафедрой социальной философии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

М 64 Коллективная монография

Мировоззренческая парадигма в философии: истина и имитация [Электронный ресурс]: монография: / Рук. авторского колл. и отв. редактор - проф. М. М. Прохоров; Нижегород. гос. архитектур. - строит. ун-т – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2020. – 250 с. 1 электрон. опт. диск (CD-R) ISBN 978-5-528-00388-7

В монографии предметом исследования выступают теоретические и прикладные, практические аспекты взаимоотношения истины и имитации. Имитация в последние годы стала распространенным явлением, что породило необходимость специального философско-мировоззренческого анализа проблемы взаимоотношения истины и ее имитации.

Рекомендуется научным работникам, аспирантам и соискателям, студентам и всем интересующимся философскими, мировоззренческими проблемами.

ББК 15.1+87.3

ISBN 978-5-528-00388-7

© ННГАСУ, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.....	4
Глава 1. ПРИРОДА ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ ИСТИНЫ И ИМИТАЦИИ (М.М. Прохоров).....	22
Глава 2. ТИПОЛОГИЯ ИМИТАЦИЙ ИСТИНЫ (Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров).....	38
Глава 3. ФИЛОСОФСКАЯ ПАРАДИГМА ИСТИНЫ (В.П. Петров).....	50
Глава 4. ПАРАДОКСЫ ПЕРЕВЕРНУТОЙ ИСТИНЫ (А.Ф. Кудряшев, О.И. Елхова).....	57
Глава 5. ИСТИНА И ЦЕННОСТИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ (М.Г. Зеленцова).....	74
Глава 6. ОБ ИСТИНЕ:К ПРЕОДОЛЕНИЮ ДИКТАТА РЕЛЯЦИОНИЗМА (А.Н. Фатенков).....	86
Глава 7. О НЕКОТОРЫХ ПРЕДЕЛАХ ПРИМЕНЕНИЯ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТРИКИ ИСТИННОСТИ ЗНАНИЯ (К.М. Магомедов).....	95
Глава 8. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ РЕФЛЕКСИВНАЯ ТЕОРИЯ ИСТИНЫ (А.А. Гагаев, П.А. Гагаев).....	111
Глава 9. АБСОЛЮТНАЯ ИСТИНА КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ (С.В. Димитрова, А.В. Туркулец).....	130
Глава 10. РЕФЛЕКСИВНАЯ ПРИРОДА ИСТИНЫ (ПОЛИЭВОЛЮЦИОННАЯ ПАРАДИГМА) (Д.В. Ермолович).....	145
Глава 11. ИСТИНА И ЕЕ МЕНТАЛЬНЫЕ ИМИТАЦИИ (А.И. Лойко).....	163
Глава 12. РЕДАКТОРСКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СИМУЛЯКРОВ В МЕДИАТЕКСТАХ (С.В. Зеленко).....	178
Глава 13. ЛОЖЬ И «ЛОЖЬ ВО БЛАГО» В МЕДИЦИНЕ КАК ИМИТАЦИЯ БЛАГА (Т.И. Волкова).....	192
Глава 14. ПРОБЛЕМА РОСТА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В ЭПОХУ БИОМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ (А.А. Кожуховская).....	208
Глава 15. ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ, ФАЛЬСИФИКАЦИЯ И ПРОПАГАНДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (А.В. Ляпанов).....	213
Глава 16. РЕЛИГИЯ, НАУКА И СОЗДАТЕЛЬ ИСТИНЫ (В.К. Шрейбер).....	222
Глава 17. ФАНТАЗИЯ, ИСТИНА И РЕФЛЕКСИЯ (М.М. Прохоров).....	239
НАШИ АВТОРЫ.....	247

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Предлагаемая читателям монография подготовлена в русле научной школы «Мировоззренческая парадигма в философии», которой руководит доктор философских наук, профессор М.М. Прохоров. Книга является четырнадцатым выпуском (номером) серии, которая издается с 2003 года. Она продолжает разработку философской проблематики в ключе мировоззренческой парадигмы, с которой читатель может ознакомиться по ранее опубликованной серии книг.

Назовем предшествующие монографии: 1) Прохоров М.М., Фатенков А.Н., Белоусов В.А., Антаков С.М. Проблемы метафизики и метафилософии: история и современность: Монография/Под ред. Проф. Прохорова М.М. – Нижний Новгород: ВГИПА, 2003; 2) Мировоззренческая парадигма в философии: Метафизика и процесс: Монография/Под ред. Проф. Прохорова М.М. – Нижний Новгород: ВГИПА, 2004; 3) Мировоззренческая парадигма в философии: Категориальный анализ: Монография/Под ред. Проф. Прохорова М.М. – Нижний Новгород: ВГИПА, 2005; 4) Мировоззренческая парадигма в философии: Экзистенциальный аспект: Монография/Под ред. Проф. Прохорова М.М. – Нижний Новгород: ВГИПУ, 2006; 5) Мировоззренческая парадигма в философии: Бытие, его генеалогия и обновление: Монография/Под ред. Проф. Прохорова М.М. – Нижний Новгород: ВГИПУ, 2007; 6) Мировоззренческая парадигма в философии: Парадоксы гуманизма: Монография/Под ред. Проф. Прохорова М.М. – Нижний Новгород: ВГИПУ, 2008; 7) Мировоззренческая парадигма в философии: религия, pro et contra: В 2 ч.: Монография/Под ред. Проф. М.М. Прохорова. – Нижний Новгород: ВГИПУ, 2010; 8) Мировоззренческая парадигма в философии: Бытие и мышление (подлинное, мнимое и реальное): Монография/Под ред. Проф. М.М. Прохорова. – Нижний Новгород: ВГИПУ, 2011; 9) Мировоззренческая парадигма в философии: взаимодействие философии и науки (История и современность): Монография/Под ред. Проф. М.М. Прохорова. – Нижний Новгород: НГПУ, 2011; 10) Мировоззренческая парадигма в философии: Современность и история: Монография/Под ред. Проф. М.М. Прохорова. – Нижний Новгород: НГПУ, 2012; 11) Мировоззренческая парадигма в философии: Модусы и модальности теоретические и практические: Монография/Под ред. Проф. М.М. Прохорова. – Нижний Новгород: НФ МЭСИ, 2014; 12) Мировоззренческая парадигма в философии: Бытие и сущее, культура определения: Монография/Под ред. Проф. М.М. Прохорова. – Нижний Новгород: НФ МЭСИ, 2015; 13) Мировоззренческая парадигма в философии: Основоположения онтогносеологии: [Электронный ресурс]: монография: / Рук, авторского колл. и отв. редактор – проф. М.М. Прохоров; Нижегородский государственный архитектор-строит, ун-т – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2018. 269 с.

Члены авторского коллектива, как и в предыдущих монографиях, нередко стоят на разных позициях. Порой различия весьма существенны. Покажу это путем анализа одной из глав. Так, в шестой главе ее автор предлагает «растянуть» анализ истины между субстанциональным и реляционным подходами, фактически отказываясь от единства онтологии и гносеологии, от понимания философии как знания онтогносеологического, устраняя базисность принципа единства онтологии и гносеологии в философской системе, вставая на позиции апологии, оправдания теистического, гилозоистического и пантеистического мировоззрения. На стр. 85 говорится: «В рамках *субстанционального* подхода содержательно истина вплотную приближается к понятию бытия, наиболее достоверной и ценной реальности, и к понятию субстанции, реальности самопричинной, а в более сильной версии – реальности, имеющей основание в самой себе. Подобный взгляд в той или иной степени характерен для разных типов мировоззрения: а) теистического, б) пантеистического, в) гилозоистического. В их оптике подлинная реальность – либо Бог а) самодостаточный, б) растворяющий в себе Природу и растворенный в ней, либо в) сама одушевлённая Природа, не нуждающаяся в божественном вспоможении, – и есть Истина. Причем абсолютная, с большой буквы.

Не по плечу подобная роль материи, – продолжает наш автор шестой главы монографии – содержательно обеднённой заместительнице полноценного природно-космического бытия, лишь акцидентально включающей в себя сферу идеального. Хотя потребность в полновесной истине, открывающейся людям в их уникальном опыте, материалисты несомненно испытывают» (Очевидно, что здесь автор отказывается от материализма, приписывая ему некую ущербную ограниченность – *М.П.*).

Зеркальной – в плане истинностной недостачи – оказывается ситуация с объективно-идеалистически представляемым мировым разумом, лишённым материальной фактуры. И даже гегелевская абсолютная идея, в снятом виде вбирающая в себя природный мир, может быть заподозрена в потере значимого конкретно-истинного материала (того, что остался в «косной» природе). (Здесь автор аналогичную ограниченность приписывает уже идеализму – *М.П.*).

Фактически автор считает, что материализм и идеализм базируются на представлении об абсолютной, самовозрастающей противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, доводимой до разрыва отношений между ними, что было характерно для средневековья и христианства. Такое представление действительно распространилось в Европе, по словам Ф. Энгельса, со времени упадка классической древности. Но разве на этом основано понимание противоположности материализма и идеализма, на чем настаивает автор в шестой главе? Уместно отметить, что в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», Ф. Энгельс возражает против стремления человека к господству над природой, когда человек, мыслящее существо предстает как «кто-либо находящийся вне природы». Он пишет, что мы нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим природе и находимся внутри нее. Чтобы научиться регулировать эти процессы требуется

нечто большее, чем простое познание, требуется полный переворот в нашем существующем до сих пор способе производства и вместе с ним во всем нашем общественном строе [Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения. Изд. второе. М.: Госполитиздат, 1961 с. 496-497], чтобы освободить его от слепой игры неконтролируемых сил. Здесь Ф. Энгельс воспроизводит основные идеи совместной с К. Марксом работы «Немецкая идеология», которая непосредственно примыкает к «Тезисам о Фейербахе» К. Маркса, что свидетельствует о существенных расхождениях нашего автора с марксизмом.

На мой взгляд, нужно восстановить в правах и диалектику и материализм, соединив их вместе. Как это можно сделать? Во-первых, диалектика требует исходить из того, что «философская теория о любых проявлениях материи всегда должна покоиться на адекватном отражении общих свойств движения» (Свидерский В.И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М.: «Мысль», 1965. С. 5.). Ими являются материальность (объективность), абсолютность, относительность и противоречивость. Во-вторых, нужно восстановить связь диалектики с материализмом. В целом мир есть движущаяся материя или материальное движение, отдельные состояния которых есть результат движения материи, или материального движения.

Иначе говоря, принципиально важно учитывать *взаимобусловленность материи и движения*, их неразрывность как моментов действительности, в которой движение есть всеобщий способ существования материи, материальной субстанции, внутренне присущий ей атрибут, который, как писал Ф. Энгельс, «обнимает собой все происходящие... изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением». Подход диалектического материалиста Ф. Энгельса явно опровергает утверждение автора, будто «Не по плечу подобная роль материи – содержательно обеднённой заместительнице полноценного природно-космического бытия, лишь акцидентально включающей в себя сферу идеального» (с. 85). Учтите также специальные разъяснения Ф. Энгельса о роли сознания в изменении общественных процессов при объяснении им сути исторического материализма в известных письмах об историческом материализме, критиковавшего упрощенные его версии, которые полностью игнорирует наш автор. Зачем же понижать материализм Маркса, Энгельса и Ленина до этих устаревших версий?

Вы, уважаемый автор, лучше исправьте Ваши представления о марксизме, о материализме, соединенном с диалектикой, о диалектике, воссоединенной с материализмом. Искажение марксистских взглядов опаснее их простого неприятия. И нужно ли пытаться выйти в какую-то систему философских взглядов за пределы противоположности материализма и идеализма? Вот как описывает этот «выход» в мировоззрение мифологического типа сам автор: «Обыденными и сверхобыденными (в частности, метафизическими) усилиями мы воспринимаем определённый срез природы и культуры, которые ожидаемо – в согласии с нашими интуициями и убеждениями – представляются либо умалённо-объективированно (материализмом и идеализмом), либо жизненно-конкретно (*реализмом*

экзистенциально-гилозоистического толка). Последняя точка зрения сопрягает подлинность человеческого бытия с подлинностью природно-культурного мира. Гилозоизм – философия близости человека и природы. Экзистенциализм, часто упрекаемый за склонность к индивидуализму, на деле обращается к нам с иным: если нет близости, нет ничего, разве что только абсурд. В экзистенциально-гилозоистической смысловой конфигурации сугубо объективная истина – не истина вовсе». Все, с материализмом вроде покончено (путем возрождения мировоззрения мифологического типа с его «синкретизмом», обозначаемом нашим автором другим термином – *М.П.*). В самом деле: 1) «если характер бытия лжив – что, вообще говоря, возможно [в монологе Ф. Ницше легко уловим картезианский мотив. – *А.Ф.*] – чем была бы тогда истина, вся наша истина? Бессовестной фальсификацией фальшивого? Высшей потенцией лживости?..» (стр. 87), 2) А вот еще один пассаж, возвращающий нас в русло мировоззрения мифологического типа: «Когда женщина с излучающими счастье глазами говорит мне о географии, я поверю и в то, что Земля – плоский диск, покоящийся на трех китах: глаза эти убедительнее и консенсуса научного сообщества, и результатов общественной практики» (стр. 90).

Иной является философская позиция Редактора монографии, которую я предлагаю учесть читателю монографии: онтологически движущаяся материя или материальное движение есть всеобщая основа, общее содержание всех состояний изменения, гносеологически – объективная реальность, отражающаяся в ощущениях, представлениях и понятиях субъекта познания.

Из этого принципа *взаимообусловленности материи и движения* следует *абсолютность движения*. Абсолютная природа движения реализуется всегда и только в конкретных, качественно и количественно определенных, локально и исторически ограниченных, зависимых от конкретных условий, преходящих и в этом смысле относительных формах движения. *Относительность* заключается в признании преходящего характера всех его конкретных форм. Как писал Ф. Энгельс, «ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи, законов ее движения и изменения». На любое состояние материи следует смотреть как на состояние ее движения и всегда нужно ожидать ее изменения и перехода в иное состояние движения. *Противоречивость движения* выступает в форме единства устойчивости и изменчивости: любое изменение состояния сопровождается сохранением, устойчивостью, покоем основы данного изменения; само движение, изменение, развитие предполагает относительную устойчивость того, что изменяется; без устойчивости объектов изменения невозможно само изменение, как таковое. Движение, изменение, развитие связаны с устойчивостью, сохранением, и без них не существуют, наоборот, всякий покой, устойчивость есть лишь выражение состояния движения и развития материи. Движение и развитие устойчивы, а устойчивость есть устойчивость самого движения и развития материи. Каждая противоположность противоречива сама по себе, утверждает и отрицает другую противоположность, значит, утверждает и отрицает саму себя. Их

соотносительность раскрывает природу процессов: «мир состоит не из готовых, законченных *предметов*, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении» (Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 302, 363, 391, 554). Ведущей выступает изменчивость, вторичной – устойчивость, покой: все новое в состоянии материи, в мире привносится движением и развитием, устойчивость фиксирует результат изменчивости.

Из принципа *взаимообусловленности материи и движения* следует смысл противоречивости движения как общего свойства мира, вытекает его связь с основным вопросом философии о первичности или вторичности материи по отношению к сознанию, которое является вторичным, производным, подчиненным по отношению к материи в целом (Свидерский В.И. О некоторых принципах и направлениях современного исследования проблем диалектики // Современные проблемы материалистической диалектики. М.: Мысль, 1971. 5-12 с.).

Разумеется, я как Редактор ограничиваюсь раскрытием различия позиций между разными авторами монографии лишь на примере только указанной главы, и читателю придется самостоятельно разбираться с ними при чтении данной монографии во всех других случаях.

Учитывая подобные «разночтения» содержательность коллективной монографии заключается не только в отдельно взятых и написанных разными авторами главах, но в эффекте дополнительности, эффекте взаимообогащения и «просвечивания» глав при их совместном прочтении, которое требует активной умственной проработки со стороны читателя. При таком прочтении книги возникает целостная по содержанию система положений книги, большая (и по содержанию!), чем совокупность отдельных глав монографии, возникает «большее содержание» книги, чем простая «сумма» глав. К этому «большему содержанию» и должно быть приковано внимание читателя.

В пространстве книжного текста царит атмосфера диалога, а ее результатом должна быть модальность кооперативного эффекта: из мозаики отдельных частей или глав появляется целое, содержательно большее, чем совокупность или сумма глав. Чтобы понять этот «кооперативный эффект» книги читатель должен пойти на сложный труд «совместного прочтения» всех глав. Тогда только возникнет эффект «умножения содержания», проистекающий из того, что данный труд предлагается читателю не как сборник статей, но в качестве *монографического* исследования.

Коллектив авторов надеется на умного, вдумчивого, внимательного читателя, на его способность самому оценить позицию того или иного *отдельно взятого* автора, главы, как и всей совместной работы. В каждой главе авторы стремятся оказаться на «переднем крае» исследований, значит, в пространстве споров, как и в пространстве толерантности. Но, как полагает Редактор, все же последняя имеет свои грани и границы. При чтении отдельных

глав и монографии важно дифференцировать знание, которое призвано нести «заряд объективности», от позиций оценочных, доходящих до «выражения субъективности», порой, может быть, и «субъективизма». Определить грань, отделяющую «субъективность» от «субъективизма» Редактор предлагает самому читателю.

Монографии предшествовала научная конференция по проблеме истины и ее имитации 2018 года, по итогам которой был выпущен сборник материалов (Мировоззренческая парадигма в философии: Истина и ее имитация: Сборник статей по материалам XIV Международной научной конференции (Н. Новгород, ННГАСУ, 28 ноября 2018 г.). – Нижний Новгород: Изд-во ННГАСУ, 2018).

В монографии анализируются теоретические и практические или прикладные аспекты проблемы взаимоотношения истины и имитации.

В первой главе, написанной доктором философских наук, профессором кафедры истории, философии, педагогики и психологии ФГБОУ ВО Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета М.М. Прохоровым, предметом анализа является **«Природа философии в контексте противоположности истины и имитации»**. Основная идея главы состоит в следующем. Знание как субъективный образ объективного мира обычно рассматривается в динамике соотношения истины и лжи, или заблуждения, когда мы движемся дорогой наращивания истины и преодоления лжи и заблуждения, оставаясь в пределах взаимоотношения абсолютной и относительной истины, без выхождения за эти границы в область соотношения мышления, *познающего* окружающий мир и человека, и имитации, *симулирования* познающего мышления. В данной главе автор выходит за эти границы в область имитации как симулирования познания, он выявляет природу философии, опираясь на положения отечественных и западных мыслителей, обращается к концепциям К. Ясперса, Х. Ортега-и-Гассета и Б. Рассела, выдающихся философов XX столетия, подвергая их анализу, выявляя их достоинства и недостатки, чтобы предложить собственное понимание природы философии в контексте противоположности истины и имитации. Природа философии интерпретируются не только в контексте противоположности истины и лжи, но и в контексте противоположности истины и имитации, который становится главным, в котором философия выступает против имитации за утверждение истины.

Вторая глава коллективной монографии **«Типология имитаций истины»** написана **Зеленовым Львом Александровичем**, доктором философских наук, профессором кафедры истории, философии, психологии и педагогики Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета и **Владимировым Александром Анатольевичем**, доктором философских наук, профессором, заведующим кафедрой философии и социально-правовых наук, Волжского государственного университета водного транспорта. В статье типологически рассматривается проблема различных вариаций понимания критерия истины. Проанализированы 18 точек зрения,

которые представлены в истории гносеологии. Авторы рассматривают проблему критериев истины как концептуальную основу всей гносеологии. Критический анализ существующих критериев истины осуществляется с позиций диалектико-материалистического понимания практики как универсального критерия истины. При этом в статье уточняются виды практики и ее многообразные функции. Авторы рассматривают проблему критериев истины как общую проблему всех типов мировоззрения: народного, мифологического, религиозного, художественного, научного и философского.

Третья глава монографии **«Философская парадигма истины»** принадлежит перу доктора философских наук, профессору кафедры истории, философии, педагогики и психологии ФГБОУ ВО Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета **Петрову Вадиму Петровичу**. Анализ истины ведет к раскрытию сути познания как человеческой деятельности. Согласно автору, в познавательной деятельности следует выделять восемь компонентов: субъект, объект, средства, процесс, условия, продукт, система, среда. В главе дана экспликация каждого компонента.

Особо характеризуется научное познание. Система наук включает четыре междисциплинарных комплекса: естествознание, технознание, обществознание и гуманитарное знание или человековедение. Для научного познания принципиально важным было формирование методологии познания, детерминированное потребностью осуществления научной деятельности, результатом чего стали такие методы как наблюдение, измерение, сравнение, эксперимент, индукция, дедукция, анализ, синтез, экстраполяция, моделирование, аналогия, системный подход, построение когнитивных карт и многие другие; они отражают логику научного исследования, методологию научного творчества. Знание имеет биполярный характер, оно одновременно вероятное (гипотеза и проблема) и достоверное (теория); истинное (истина) и ложное (заблуждение). Истина есть *единство* объективного и субъективного, абсолютного и относительного, абстрактного и конкретного.

Четвертая глава книги **«Парадоксы перевернутой истины»** написана доктором философских наук, профессором, исполняющим обязанности заведующего кафедрой философии и политологии Башкирского государственного университета; профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД РФ **Кудряшевым Александром Федоровичем** и доктором философских наук, доцентом, профессором кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета **Елховой Оксаной Игоревной**. Ими вводится понятие перевернутой истины как истины, не подчиняющейся логике здравого смысла, принятым в науке и ставшим привычным представлением, идеалам и нормам рассудочной деятельности. Приводится и обсуждается множество примеров использования перевернутой истины в классической литературе, а также обнаруживается ее присутствие в методологии науки. Перевернутая истина используется для эвристического анализа фантастических миров из сочинений Свифта, Распе и Бюргера, Кэрролла, Губарева, Рассела,

арифметического парадокса $2*2=5$, понятий мифа, религии, утопии и антиутопии, антимира, трикстера, розыгрыша в жанре «фикшн», «Новой хронологии» Фоменко и Носовского, постмодерна и виртуальной реальности, фейка, фишинга. Делается вывод, что фактически определить истину можно только в некотором диапазоне истинностной оценки, за счет чего истинными следует признавать близкие варианты, составляющие целый пучок приемлемых в качестве истины ответов.

В пятой главе доктором философских наук, профессором кафедры философии Ивановского государственного химико-технологического университета **Зеленцовой Мариной Григорьевной** подвергнуты анализу «**Истина и ценности в научном познании**». В данной главе рассматривается проблема релятивизации истины и ценностей в научном познании. Показана односторонность точки зрения, согласно которой научные ценности субъективны, иррациональны и полностью определены социокультурным контекстом. Наличие в познании субъективно-личностных и исторически-конкретных элементов не подлежит сомнению. Однако нельзя отрицать и объективное, рациональное содержание научных идеалов и норм. Зеленцовой Мариной Григорьевной обосновано положение об объективности самого субъекта познания и оценки. Субъект является результатом длительного процесса биологической и культурной эволюции. Все ценности (в том числе, истина) имеют глубокие основания в человеческой природе и детерминированы, с одной стороны, биологией человека, а с другой, – социальными и природными условиями его существования. Концепция объективной природы ценностей получает подтверждение в современном научном знании в когнитивной и гуманистической психологии, эволюционной теории познания, социобиологии, генетике. Отказ теоретического мышления от понятий истины и правды, от нормативности приводит к деградации личности и общества в целом. Реальной оказывается опасность иррационализации и дегуманизации общественного сознания.

В шестой главе «**Об истине: к преодолению диктата реляционизма**», написанной **Фатенковым Алексеем Николаевичем**, доктором философских наук, профессором Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского автор выделяет в мировом культурном наследии два главных подхода к толкованию истины: субстанциональный и реляционный. В рамках субстанциональной трактовки содержательно истина вплотную приближается к понятию бытия, наиболее достоверной и ценной реальности, и к понятию субстанции, реальности самопричинной или, в более сильной версии, имеющей основание в самой себе. В рамках реляционной трактовки истина рассматривается неким отношением или композицией отношений: соответствием смысло-образа, сложившегося в индивидуальном или коллективном сознании, действительности; взаимосогласованностью фрагментов идеально-знаниевой сферы сущего; отношением схождения, равенства между элементами семиотического пространства. Применительно к сегодняшнему дню констатируется ослабление

онтолого-гносеологических позиций истины. Одна из главных причин этого видится автором в изъянах доминирующего до сих пор реляционного толкования истины, в его неспособности содержательно решить проблему абсолютной истины. В качестве альтернативы, способной изменить ситуацию к лучшему (насколько это вообще во власти теории), выдвигается стратегия экзистенциального реализма, которая, в частности, идее абсолютно истинного в вечности приоритетно противопоставляет идею абсолютно истинного в мгновении.

В седьмой главе **«О некоторых пределах применения гносеологической метрики истинности знания»**, принадлежащей перу кандидата философских наук, доцента онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета (г. Махачкала) **Магомедова Камиля Магомедовича**, предлагается опыт обобщения некоторых форм постижения мира и человека, которые трудно уложить в «прокрустово ложе» гносеологической метрики познания, хорошо известной из классической, неклассической и постнеклассической науки, философской гносеологии и эпистемологии. В основе такой гносеологической, субъектно-объектной парадигмы познания лежит классическая, аристотелевская логика мышления и матрица истинности, получившая название корреспондентской концепции истинности, которая ориентирована на определение меры соответствия знания и действительности. При всей важности для науки и культуры данной парадигмы, она, согласно автору, не является универсальной, поскольку не все можно описать в форме знания, упорядоченного по данному критерию истинности. В связи с этим автором рассматриваются некоторые негносеологические метрики постижения мира, достаточно хорошо известные исследователям. Это, во-первых, религиозная форма постижения мира, где логика теоцентризма существенно ограничивает возможности гносеологического подхода к постижению мира и человека. Во-вторых, это алетейя, хорошо разработанная античностью и М. Хайдеггером, которую также невозможно постигнуть гносеологическими механизмами. Наконец, это так называемая «физиологическая концепция истины», связанная с использованием полиграфологической техники и профайлерских технологии детектации информации, популярные в последние годы.

В восьмой главе **«Этнокультурная рефлексивная теория истины»**, написанной доктором философских наук, профессор кафедры философии Мордовского государственного университета (г. Саранск) **Гагаевым Андреем Александровичем** и доктором педагогических наук, профессором кафедры педагогики Пензенского государственного университета **Гагаевым Павлом Александровичем** рассматривается основная форма истины - рефлексивная, синтезирующая образы пяти рефлексий: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной в отношении совместимости, выводимости следования особенных и нередуцируемых языков жизни и науки в модели космологического принципа: мир прост и сложен, одного и разного рода, самосогласован и несамосогласован, системен и уникален, абсолютен и

изменяется. Набор этих рефлексий в психогенетике каждого этноса уникален и неповторим. Рефлексивной является и теория троичной истины в информатике Н. П. Брусенцова. Обе эти логики являются основанием открывающего и изобретающего мышления. Свертывание этих логик в интуиции этночеловека информационного общества генерирует процесс исчезновения знания и роста воинствующего невежества информационного типа. В качестве ключевых выступают система рефлексий, феноменологическая, атрибутивная функциональная, структурная, субстратная рефлексия, формы мышления Н. Лобачевского, Д. И. Менделеева, Н. Васильева, А. Н. Колмогорова, А. А. Маркова, Н. П. Брусенцова, А. Фридмана, русская модель мышления.

В девятой главе монографии **«Абсолютная истина как способ актуализации личностного бытия»**, написанной совместно доктором философских наук, профессором кафедры философии Волгоградский государственный университет **Димитровой Светланой Васильевной** и доктором философских наук, профессором кафедры философии, теории и истории государства и права Хабаровского государственного университета экономики и права **Туркулец Алексеем Владимировичем** рассматривается процесс становления современных подходов к определению бытия и связанных с ними концептуальных версий понимания истины. Анализируются концепции истины, сформированные в рамках классической, неклассической и постнеклассической типах рациональности. Обосновывается тезис о том, что плюрализм истин и различные интерпретации их относительной природы указывают на возможность существования абсолютной истины, которая, в свою очередь, выступает одним из способов актуализации личностного бытия. Обретение смысла, ведущее к пониманию, сосредоточено не на способах познания многообразия мира, а на процессах включенности, ответственности, значимости самого человека в условия существования и развития мира.

В десятой главе монографии **«Рефлексивная природа истины (полиэволюционная парадигма)»**, написанной кандидатом философских наук, доцентом, старшим научным сотрудником Центра управления знаниями и компетенциями Института философии Национальной академии наук Беларуси (г. Минск) **Ермолович Дмитрием Валентиновичем**, отмечается, что бурное развитие IT-сферы, интеллектуализация производств вытесняет «массовидного» человека на периферию жизни, где ему уготована, по мнению автора, роль пассивного потребителя – вплоть до полного отстранения от участия в формировании потребительской корзины. Отмечается опасность такого развития. Она усматривается в прямой связи качества производимой и потребляемой информации, эволюции баз данных и интеллекта (естественного и искусственного) с социокультурной трансформацией представлений об истинности (истина \equiv естина, в древнерусском языке) окружающей нас действительности. Рефлексия заявленной проблематики направлена не на апокалиптическое разрешение проблем человечества, а обращена к технологическим вопросам конструирования интеллектуальных и социогуманитарных практик в современную эпоху.

В одиннадцатой главе **«Истина и ее ментальные имитации»**, автором которой является профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета (г. Минск) **Лойко Александр Иванович**, делается упор на очевидность тенденции формирования в межкультурных отношениях доминанты ментальных приоритетов партикулярной психологии. В этих условиях информационные технологи оказываются в непростой ситуации выбора между профессиональными критериями предоставления потребителю достоверной информации и критериями, формируемыми ментальными ожиданиями национальной аудитории. В первом случае технолог работает с источниками информации, гарантирующими ее достоверность. Во втором он конструирует информацию под ожидания аудитории, жертвуя часто критериями ее достоверности, значит, истинности. В результате истина оказалась в локальном пространстве ментальности, которое, по мнению автора, формирует координаты достоверности. Объективность относится к области когнитивной логики мышления, в пределах которой доминируют ментальные структуры, опыт, жизненный мир, рассудок, идентичность. Они формируют критерии объективности знаний. В данном же случае может иметь место филигранная имитация истины, которая может и будет доминировать длительное время.

В двенадцатой главе монографии, написанной **Зеленко Сергеем Викторовичем**, кандидатом филологических наук, доцентом кафедры медиалингвистики и редактирования факультета журналистики Белорусского государственного университета (г. Минск), предлагается **«Редакторско-концептуальный анализ интертекстуальных симулякров в медиатекстах»**. Автор главы на основе анализа обширной эмпирической информации (примеров интертекстуальных вкраплений в публицистических текстах из средств массовой информации) описывает критическую ситуацию, сложившуюся в современном публицистическом дискурсе, опосредованную экстралингвистическими факторами оперативности функционирования медиаиндустрии, одной из ключевых характеристик которой является перерождение интертекста как художественного смыслообразующего приема в симулякр – структурную единицу авторского медиатекста с нулевой семантической нагрузкой. Автор анализирует сложные проблемные вопросы редакторской подготовки к опубликованию авторских журналистских текстов, которые содержат интертекстуальные вкрапления различных типов и видов: цитат, аллюзий, реминисценций, интерстилевого тонирования. Им предлагается подробная схема проведения соответствующего редакторско-концептуального анализа, призванного совершенствовать процесс подготовки авторского текста к адекватному восприятию разнородной аудиторией.

В тринадцатой главе **«Ложь и «ложь во благо» в медицине как имитация блага»**, представленной кандидатом социологических наук, доцентом кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Южно-Уральского государственного медицинского университета (г. Челябинск) **Волковой Татьяной Ивановной**, анализируется ложь в ее особой форме –

«лжи во благо». Автор концентрируется на проблеме правомерности лжи в современном обществе и академической медицине. Исследуются природа, сущность, формы и особенности лжи в различных философских школах и учениях, анализируется взаимосвязь лжи с истиной и заблуждением. Особое внимание уделяется такому феномену как «ложь во благо», «ложь во спасение». Обсуждается проблема целесообразности и допустимости такой лжи, прежде всего, в практической медицине. Автор включает в содержание главы результаты конкретного социологического исследования, проведенного ею с целью выявления к данной проблеме отношения молодых людей, студентов, будущих врачей.

В четырнадцатой главе **«Проблема роста фальсификации лекарственных средств в эпоху биомедицинских технологий»**, написанной аспирантом кафедры философии, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» **Кожуховской Анастасией Анатольевной**, изучается феномен угрожающего роста поступления на потребительский рынок фальсифицированных лекарственных средств. Согласно автору текста, современные реалии таковы, что основными группами фальсифицированных лекарственных средств являются: противомикробные препараты, пищеварительные ферменты, антигистаминные препараты, спазмолитики, противовоспалительные средства. Фальсификация лекарственных средств была известна еще в древности. Так, древнегреческий врач и фармаколог Диоскорид, живший в I в. н.э., описывает особенности бальзама «чистого» и «нечистого», и способы подделки. В наше время проблемы фальсификации лекарственных средств, «серого» импорта, контрафактной продукции и БАД (биологически активных добавок) к пище приобрели международный характер. Автор считает, что широкое внедрение в жизнь биомедицинских технологий может привести к росту и появлению самых различных форм фальсификации медицинских услуг. Наибольшую опасность для человека представляют последствия использования биологического материала в корыстных коммерческих целях.

В пятнадцатой главе предлагаемой читателям монографии исследуется **«Тенденциозность, фальсификация и пропаганда в исторической науке»**. Глава написана **Ляпановым Артемом Владимировичем**, кандидатом исторических наук, доцентом кафедры истории России Педагогического института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Автор анализирует разнообразны объективные и субъективные, сознательные и несознательные обстоятельства, побуждающие к фальсификациям в исторической науке. Он обращается к летописи монаха Киево-Печерского монастыря Нестора «Повесть временных лет» в составе Лаврентьевского списка 1377 г. и Ипатьевского списка XIV—XV вв. Отмечает ожесточённое сопротивление крещению, которое возникло, по мнению ряда историков оттого, что осуществлялось по велению Киева, являлось инструментом укрепления киевского господства, тягостного, например, для новгородской общины: не отказываются от веры предков столь легко, как это

было показано в «Повести временных лет», даже в угоду верховному правителю.

Вторым историческим событием выбирается церковный раскол середины XVII в. Реформа патриарха Никона и царя Алексея Михайловича Романова имела своей целью сделать Русское государство более привлекательным для иноземных православных в свете падения Византии, а также с учетом недавнего присоединения Малороссии и концепции «Москва – третий Рим». Реформа коснулась переписывания старых русских церковных книг в соответствии с новыми греческими образцами, замены двоеперстия на троеперстие, отмены земных поклонов и замены их поясными, изменения направления крестного хода (против солнца), написания слова Иисус (раньше Исус) и т.д. Реформа Никона привела к расколу церкви на господствующую и старообрядческую. Церковный раскол стал расколом русского общества, разобщил его. По мнению автора, народ в своей общей массе не принял нововведения, что привело к множеству восстаний. В настоящее время ложно трактуются события Второй мировой войны.

В шестнадцатой главе «**Что может быть создателем истины в религии**», написанной кандидатом философских наук, доцентом Челябинского государственного университета *Шрейбер Виктором Константиновичем*, отмечается, что созидание истины принадлежит к самым обсуждаемым в западной эпистемологии темам. Под создателем истины (СИ) понимается тот фрагмент реальности, который придает рассматриваемому утверждению алетическую модальность. В первой части статьи дается скетч понятий и проблем, с которыми сталкиваются сторонники теории СИ. Особое внимание обращается на проблему СИ для негативных экзистенциальных утверждений. Второй раздел посвящен анализу отношений между СИ и беллетристикой. Автор полагает, что механизмы, обеспечивающие принятие художественных истин, сохраняют свою действенность в обыденном религиозном сознании. В третьем разделе, поскольку современный тип науки сложился в христианской культуре, делается попытка выделить те особенности христианского мировоззрения, которые явились концептуальными условиями возникновения экспериментальной науки. Наконец, в четвертом разделе обсуждаются отношения между СИ и базисными положениями религиозной картины: бессмертие души, жизнь после смерти и — что разбирается специально — доказательства существования бога.

Завершается монография главой профессора М.М. Прохорова «**Фантазия, истина и рефлексия**», в которой вносятся принципиальные коррективы в образы сознания, во-первых, как отражающие объективную реальность, так и образы, во-вторых, являющиеся продуктом человеческой фантазии, на что обращал внимание уже Ф. Энгельс при анализе развития классической немецкой философии. Фантазию автор подразделяет на стандартную, религиозную и идеалистическую. Эти представления должны быть использованы в процессе чтения, в частности, предыдущих глав, без чего ее содержание вряд ли может быть верно понято и оценено.

Представленные в монографии главы свидетельствуют, как видно по материалам самой монографии, о распространении явлений имитации в

условиях современного мира. Это приводит к подрыву у развития современной социальной материи характера устойчивости и возникновения противоречия между объективной тенденцией развития к устойчивости и появлением неустойчивости развития.

Поясню: социальная материя, являющаяся предметом изучения социальной философии онтологически есть часть действительности, на которую распространяется влияние онтологических оснований, поскольку, как уже было сказано выше, философская теория о любых проявлениях материи всегда должна покоиться на адекватном отражении общих свойств движения [Свидерский В.И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М.: «Мысль», 1965. С. 5]: материальности (объективности), абсолютности, относительности и противоречивости материального движения. Они производны от принципа *взаимообусловленности материи и движения*: последние есть неразрывные моменты действительности, в которой движение, как отмечалось, есть всеобщий способ существования материи, материальной субстанции, внутренне присущий ей атрибут, который, как писал Ф. Энгельс, обнимает собой все происходящие изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением. Онтологически понятие материи обозначает всеобщую основу, общее содержание всех состояний изменения, гносеологически оно обозначает объективную реальность, отражающуюся в ощущениях, представлениях и понятиях субъекта познания. Поэтому для философии диалектического материализма все равно, как отмечал В.И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», сказать ли мир есть «движущаяся материя» или мир есть «материальное движение» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 286).

К сожалению, сегодня эти базисные положения философии подвергаются пересмотру. 14-15 ноября 2019 года я был участником Четвертой международной научной конференции в г. Минске, которую проводил Институт философии НАН Беларуси под названием «Когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания» (Интеллектуальная культура Беларуси: Когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания: Материалы Четвертой международной научной конференции (14-15.11.2019, г. Минск). В 2 тт. – Минск: Четыре четверти, 2019.), где выступил модератором третьей секции «Социально-философское знание и социальная практика XXI века». Этой теме вполне соответствовал мой доклад «Социальная философия: анализ онтологических оснований современного мира социальной материи» (Интеллектуальная культура Беларуси: Когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания: Материалы Четвертой международной научной конференции (14-15.11.2019, г. Минск). В 2 тт. Т.1. – Минск: Четыре четверти, 2019. – С. 68-72). Тематика конференции была обусловлена тем, что в ходе «перестройки» вместо «исторического материализма», в основу которого закладывалась формационная концепция истории человечества, в Беларуси и в России введена «социальная философия».

Хотя с тех пор прошло много времени, сохраняются сложные вопросы, остающиеся проблемными для понимания сути самого предмета и специфики «социальной философии». Анализ докладов свидетельствует, что наиболее важными и сложными оказались вопросы, связанные с положенными в их основание исходными принципами. Именно они задают *общее освещение* анализируемым предметам и образам. Попадая в зону их действия, каждая вещь, событие *высвечивает* свою сущность, или *получает* сущность, в нее попадая. Проблема «оснований» стала, как представляется, основной, поскольку в докладах обнаружил себя отказ от основоположений, доминировавших до перестройки. Показательным в этом плане стал доклад к.ф.н. В.К. Игнатова «Свобода абсурда или абсурд свободы: модерн – завершённый проект» на секции (Интеллектуальная культура Беларуси: Когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания: Материалы Четвертой международной научной конференции (14-15.11.2019, г. Минск). В 2 тт. Т.2. – Минск: Четыре четверти, 2019. – С. 98-101). Он выступил с критикой понятия истины в пользу отказа от этого понятия, которое возникло еще в эпоху «осевого времени», позволяя выделять среди многообразия человеческих представлений, включая представления мифологические, фантастические и т.п., те, которые бы соответствовали самой действительности, что означало настоящую революцию в трактовке человеческого сознания.

В основу отказа от понятия истины В.К. Игнатовым были положены возведенные в принцип утверждение плюрализма, релятивизма и всеобщего сомнения во всех представлениях продолжающейся эпохи Нового времени, «модерна». При ответе на уточняющие вопросы относительно исходных постулатов, В.К. Игнатов признал, что он сомневается во всех «больших нарративах», руководствуется принципами сомнения, скептицизма, релятивизма, абсолютизации относительности, проистекавшего из этого плюрализма, ведущего к непризнанию истины, наконец, необходимостью поиска нового «мышления». Как известно, к поиску «нового мышления» призывал М.С. Горбачев, провозгласив курс на перестройку в СССР (вместо мышления он говорил «мышление»). Выяснением смысла «нового мышления» стали заниматься философы периода перестройки, правда, без значимых результатов. Последующая же история вполне однозначно прояснила смысл «нового мышления», связав его с теми изменениями общественного устройства страны в духе рыночной экономики, буржуазно-капиталистической переориентации эволюции нашего общества. «Мышление», или «новое мышление», предстало как мышление, обслуживающее интересы новых господствующих правящих классов, социальных слоев, и представляющих их «элит», которые пришли к власти в результате «перестройки» и разрушения СССР, социалистической экономики, утвердив начала буржуазного, капиталистического общества, «рыночной экономики» во всех государствах на территории уничтоженного СССР, где сформировался «периферийный», колониальный капитализм.

Как известно, теоретиком перестройки был А.Н. Яковлев, предложивший вместо формационной концепции исторического процесса его цивилизационный вариант, который в 2009 году раскрыл свои взгляды и план уничтожения СССР, социализма во вводной статье «Большевизм – социальная болезнь XX столетия» (См.: Стефан Куртуа. Черная книга коммунизма. С. 1-24. Код доступа: [бесплатная электронная библиотека Royallib.ru](http://royallib.ru)). Во вступительной статье к книге антикоммунистов А.Н. Яковлев заявляет, что он никогда коммунистом не был, и описывает предложенную им технологию ликвидации СССР, коммунизма, большевизма. Это «мышление» было основано на подмене истины ее имитацией. Характерно, что новые «основоположения» обнаружили себя и в докладах пленарного заседания, порой словесно сохранивших верность классическим положениям философии.

Если оставаться на позициях признания понятия истины, то надлежало установить меру истинности формационной, цивилизационной, постиндустриальной и постмодернистской концепции универсальной концепции человеческой истории, а не уравнивать их сомнением, скептицизмом, что вело к релятивизму, абсолютизации относительности. Объективно такая субъективная установка вела к поиску «нового мышления», быть может, за пределами всех четырех концепций, с позиций скептицизма и релятивизма, отказа от понятия истины, отказа от необходимости исследовать каждую из них с точки зрения истины, соответствия или несоответствия самой действительности, то есть реальной истории. Примечательно, что такая установка может оставаться «социальной», если рассматривать ее как результат (продукт) человеческого мышления, если «исходить из ее общественной ориентированности» (См.: Адуло Т.И. Социальная философия как предельно общая теория исторического процесса // Интеллектуальная культура Беларуси: Когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания: Материалы Четвертой международной научной конференции (14-15.11.2019, г. Минск). В 2 тт. Т.1. – Минск: Четыре четверти, 2019. С. 4). Такая социальность отвязана от истины. В литературе она проанализирована, например, московским профессором А.Н. Никифоровым при характеристике «прикладной науки» и подвергнута им критике, хотя она находит и своих апологетов, игнорирующих социально-классовую подоплеку «ценностей» и отрицающих формационную концепцию. «В «боях за историю» не до истины, главное – уничтожить противника» (Материалы Четвертой международной научной конференции (14-15.11.2019, г. Минск). В 2 тт. Т.2. – Минск: Четыре четверти, 2019. – С. 180). В таком контексте представления о жизни в обществе приобретают черты игровой деятельности и имитации.

В заключение хочу обратить внимание на доклад аспиранта Института философии НАН Беларуси А.Ю. Косенкова «Цифровизация и цифровые трансформации в Республике Беларусь: опыт социально-философского осмысления» (Материалы Четвертой международной научной конференции (14-15.11.2019, г. Минск). В 2 тт. Т.2. – Минск: Четыре четверти, 2019. – С. 138-141). Охарактеризовав основные концепции, он пришел к выводу о социальных

последствиях цифровизации в производстве и в обществе в целом. Благодаря творчеству специалистов в области искусственного интеллекта и внедрению их результатов в производство последнее оказывается способным к качественной трансформации: оно становится «безлюдным», ибо отпадает надобность в людях как главной производительной силе; рабочие, «пролетариат» становятся излишними. «Анализ социальной реальности на данном этапе технологического развития демонстрирует, что посредством цифровизации происходят трансформации социальных институтов и социальной структуры, вырабатываются новые социальные нормы, появляются новые культурные практики, а социализация индивида происходит в цифровой среде» (Материалы... Т. 2. С. 138). Встает вопрос о возможности появления новой структуры общества, состоящего из 1) олигархов – владельцев средств безлюдного производства, 2) создателей I-T технологий и 3) становящейся лишней массы рабочего люда, которые могут обеспечиваться (идея базового дохода) или не обеспечиваться минимальными средствами для существования. Даже если современные олигархи согласятся «кормить» широкие народные массы, которые становятся «лишними» в условиях безлюдного производства, то последние утрачивают смысл жизни.

Так обнаруживает себя новый ракурс в продвижении перестройки, «нового мышления», проясняющий замысел перестройки уже на современном этапе, тогда как во времена правления М.С. Горбачева он оставался еще скрытым. Это свидетельствует о том, что «перестройка» не завершена, что в процессе современного продолжения перестройки обнаруживается новая череда изменений, поскольку она продолжается вплоть до настоящего времени и в ходе этого «продолжения» мышление продолжает вытесняться «мЫшлением». Если фашисты уничтожили в СССР порядка 32 тысячи предприятий, то в постсоветской РФ (значит, за вычетом остальных входивших в состав СССР республик) уничтожено порядка 78 тысяч предприятий, а нынешний правящий класс способен «пустить под нож» практически всех работников предприятий, вытесняемых цифровой экономикой. Таковы итоги обновления борьбы олигархата и чиновников с пролетариатом, социальный замысел авторов «нового мышления», нынешних «новых русских», самоназывающих себя «элитой».

Как признает А.Ю. Косенков, идеи цифровой экономики внедряются в жизнь представителями современных правящих «элит», политиками и т.п., которые выражают именно свои социальные замыслы по изменению всей общественной жизни. При таких условиях истина уже не трактуется как результат постижения сущности исследуемого объекта. Как пишет С. Кара-Мурза (Кара-Мурза С. Потерянный разум. – М.: Изд-во Эксмо; Изд-во Алгоритм, 2005. – 736 с.; Его же: Манипуляция сознанием. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 832 с.), она рассматривается как проявление интерпретационного выражения субъекта, сопровождаемого представлением о гиперреальности, которая оказывается ни истинной, ни ложной, будучи «по другую сторону» от них, как и от других рациональных различий, имея специфическую онтологию,

ибо в ее пространстве всё оказывается продуктом «потерянного разума» и имитаций, «манипуляции сознанием».

Доктор философских наук, профессор М.М. Прохоров

Глава 1.

ПРИРОДА ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ ИСТИНЫ И ИМИТАЦИИ

Доктор философских наук, профессор. Профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород

Прохоров Михаил Михайлович

Знание как субъективный образ объективного мира принято рассматривать в динамике соотношения истины и лжи/заблуждения, когда мы движемся дорогой наращивания истины и преодоления лжи и заблуждения, оставаясь в пределах взаимоотношения абсолютной и относительной истины, без выхождения за эти границы в область соотношения мышления, *познающего* реальный мир, и имитации, *симулирования* мышления, познающего окружающий мир и человека. В данной главе автор выходит за эти границы в область имитации как симулирования познания, он выявляет природу философии, опираясь на положения отечественных и западных мыслителей и интерпретируя их в контексте противоположности истины и имитации.

Начну с известного. Стремление к имитации, моделированию реальности обнаруживается на границах обыденного и научного знания. В философии к имитации прибегал Зенон, в мире которого Черепаха, вопреки отрицающей ее «фактуальности», оказывается впереди Ахиллеса. Такой «мир» стал прологом к мирам субъективистов, софистов, скептиков, к религиозному миру Средневековья, ныне к миру симулякров постмодернистов, к «игровым мирам», отвязанным от действительности «мирам возможного», всевозможным новым «моделям реальности», прорывам к трансцендентному и т.п. Уже в античности Платон указал на симулякр как на «копию копии...», которая не имеет оригинала, принципиальной отнесенности к прообразу в объективной реальности, характеризовал симулякр как крайнюю форму субъективизма. Постмодернисты пишут о симулякре как об онтологической проекции, фиксирующей способ осуществления событийности, реализуемый в акте семиозиса, который не имеет иной формы бытия, помимо перцептивно-символической [1, с. 727]. А.А. Зиновьев привязывает феномен имитации к «тенденции к упадку» или даже к «нисходящей ветви социальной эволюции». Именно они порождают имитации, которые в свою очередь пролонгируют их существование, тогда как истина порождается процессами восходящего развития и обслуживает их. Восходящая и нисходящая ветви бытийной эволюции, будучи *противопоставлены* друг другу, оказываются связанными между собой «законом зеркальности» [2, с. 439]. При симулировании мышления

и творчества социальные законы продолжают свое действие, но оказываются *зеркальными* к законам «традиционного» развития с доминированием восхождения над нисхождением. При симулировании «действуют те же общие социальные законы, что и на восходящей ветви, но действуют» они «как зеркальное отражение их действия на восходящей ветви, то есть одновременно похоже, но и наоборот». В результате люди стремятся мыслить и творить «так, как положено действовать для успеха, но их усилия, которые могли бы принести успех в восходящей ветви эволюции, теперь, в ситуации эволюционного упадка, дают результаты противоположные. Получается лишь имитация подъема, успеха» [2, с. 441]. А.А. Зиновьев рассматривает постсоветскую Россию зоной иллюстрации своих теоретических положений.

Имитация несет в себе опасность вывести познающего субъекта за границы действительности и ее познания в вымышленный мир, создаваемый человеческим сознанием. Как противодействие ей возникает потребность в отграничении мышления, познающего действительное бытие, и имитации мышления, устремляющегося за пределы объективной реальности, что привело к постановке и решению основного вопроса философии (ОВФ) [3, с. 84]. Как известно, ОВФ имеет две стороны – онтологическую и гносеологическую, взаимно предполагающие друг друга в составе «онтогносеологии» [4, с. 16-34]. Давно было замечено, что структура основного вопроса философии «образует содержательно-логический каркас философии как особой формы знания» [5, с. 3]. Она образует «динамическую круговую структуру, которая прерывается и вновь восстанавливается в том или ином звене, в зависимости от цели и задач исследования» [6, с. 48]. В ней резюмируется «все содержание философского знания» [5, с. 4].

В ее сути мыслители пытались разобраться на протяжении всей истории философии, фиксируя различие истины и ее имитации. Так, Б. Рассел, анализируя учение Дж. Беркли, утверждает, что «основания, с точки зрения которых защищается идеализм, обычно берутся из теории познания». И он ставит фундаментальный, онтологический вопрос «о различении в нашем восприятии вещей акта и предмета», «так как вся наша способность познавать другие вещи связана с ним» [7, с. 180-187]. Беркли, согласно Б. Расселу, допускает такую ошибку смешения онтологии и гносеологии, в силу которой термин «идея» приобретает двусмысленное значение. Чтобы преодолеть двусмысленность, нужно «строго расчленив два совершенно различных вопроса, возникающих при рассмотрении чувственных данных и физических предметов». «С одной стороны, существует вещь, о которой мы знаем что-то», «с другой – имеет место реальное сознание, ментальный акт постижения вещи. Несомненно, что ментальный акт духовен, но есть ли основание предполагать, что и сама воспринимаемая вещь духовна?». Б. Рассел утверждает, что Беркли должен был доказать «в самой общей форме, что познание вскрывает идеальность (mental) вещей», что «все, что может быть непосредственно познано, должно быть в сознании». Но такого доказательства он не дал: «Для доказательства этого положения частные аргументы (Беркли – *М.П.*),

касающиеся зависимости чувственных данных от нас, бесполезны». Но ничего более Беркли не доказал, вступив на путь смешения «воспринимаемого явления с актом восприятия», назвав то и другое «идеей», перенося выражение «идеи находятся в сознании на идеи в ином (онтологическом – *М.П.*) смысле, а именно в смысле вещей, воспринимаемых в актах восприятия» [7, с. 181-184]. Можно утверждать, что аргументация Беркли несостоятельна в силу его попытки непосредственного «наложения» («на/склеивания») положений онтологии и гносеологии друг на друга в духе дофилософского, мифологического мировоззрения.

Сам Б. Рассел прошел через сложный процесс «распочкования» философии и мистики. Вначале он соединял науку и мистику. В статье «Мистицизм и логика» (1914) он пишет, что «Метафизика, или стремление постичь мыслью мир в целом, всегда развивались в единстве и конфликте двух противоположных человеческих импульсов: один из них побуждал к мистицизму, другой – к науке. Некоторые люди достигли величия, следуя первому импульсу, некоторые – следуя только второму... Но величайшие люди, те, кого мы называем философами, ощущали нужду *одновременно* (выделено мной – *М.П.*) и в науке, и в мистицизме: в попытке гармонического соединения того и другого состояла цель их жизни». В это время Б. Рассел утверждал, что такого «соединения» удалось достичь Гераклиту и Платону. «Именно превращение изнуряющей неопределенности этой альтернативы превращает философию в более высокое занятие, чем наука, или религия» [8, с. 37].

Чтобы разобраться в этом процессе, напомним, что в отличие от конкретных наук философию часто (вслед за Аристотелем, Гегелем и марксизмом) определяли как *науку* о всеобщем. Ныне философию относят к семейству мировоззрения (родовой признак философии), характеризуя ее как мировоззрение *теоретическое* (видовой признак философии) в отличие от нетеоретического: мифологического, религиозного, художественного, обыденного и др. Характеристика философии как теории всеобщего определилась исторически и логически в результате «отпочкования» от нее конкретных, частных наук. Последние приобрели самостоятельность по мере выделения той или иной «части» мироздания, исследуемой на эмпирическом и теоретическом уровнях, благодаря открытию соответствующих законов. «Объективность (обращенность к миру) и всеобщность (универсальность), – писал В.А. Штофф, – вот те критерии, которые отличают онтологию (философское учение о бытии – *М.П.*), с одной стороны, от гносеологии, а с другой – не дают ей раствориться в тех частных науках, которые также изучают мир в его исторически преходящих и локальных состояниях» [9, с. 21]. Следовательно, философия непосредственно к семейству частных наук не может быть отнесена, ни онтологически, ни гносеологически. Современные «стандартные» науки имеют эмпирический и теоретический уровни исследования, тогда как в философии эмпирического уровня нет, его аналогом выступает совокупный опыт человечества.

В противоречии со сказанным позитивистски ориентированный Б. Рассел ищет сближения философии с наукой. Он признает, что со времен Пифагора в философии существовала противоположность между людьми, чьи мысли в основном стимулировались математикой, и теми, на которых больше влияли эмпирические науки. Платон, Фома Аквинский, Б. Спиноза и И. Кант называются Б. Расселом в числе «партии, которую можно назвать математической; Демокрит, Аристотель и эмпирики нового времени, начиная с Дж. Локка и до наших дней, относятся к противоположной партии» [10, с. 918]. Его собственный «аналитический эмпиризм... включает в себя математику и развивает мощную логическую технику. Поэтому он способен достигнуть определенных ответов на некоторые вопросы, имеющие характер науки, а не философии» [10, с. 924]. На *позитивной* стадии человек довольствуется выделением, благодаря эмпирическому уровню, постоянных связей явлений, на основе которых формулируются законы. Б. Рассел встает на путь интерпретации природы философии в духе доразвития самой философии до стандарта науки, когда пишет, что *Ничейная Земля философии «между теологией и наукой»* «подвергается атакам с обеих сторон».

«Философия в течение всей своей истории состояла из двух частей, не гармонизировавших между собой. С одной стороны, теория о природе мира, с другой стороны – этические и политические учения о том, как лучше жить. Неспособность достаточно четко разделять эти две стороны была источником большой путаницы в мыслях» [10, с. 6, 25]. Здесь налицо признание соотношения истины и имитации. Философскими Б. Рассел называет «концепции жизни (человека, *homo sapiens* – *М.П.*) и мира (*world*)», которые «являются продуктом двух факторов: один из них представляет собой унаследованные религиозные и этические концепции, другой – такого рода исследования, которые могут быть названы «научными», употребляя это слово в самом широком смысле. Отдельные философы сильно различаются между собой в зависимости от пропорции, в какой эти два фактора входили в их систему, но наличие обоих является в определенной степени тем, что характеризует философию» [10, с. 6].

Фактически Б. Рассел упирается здесь в двойственность, даже в противоположность идеального: «идеальное – это гносеологические образы» (выводящие к противостоянию истины и имитации, как «неистины» – *М.П.*) и «высшие ценности бытия человека (добро, правда, справедливость, красота и т.п.), которые подлежат реализации в деятельности человека» [11, с. 260]. Идеальное во втором смысле ограничено сферой «общественного», оно присуще общественному сознанию и было зафиксировано идеализмом, который не дал его научно-материалистического объяснения [12, с. 150], что было сделано в рамках материалистического понимания производства как человеческого творчества.

Ныне в этой сфере все чаще констатируются нерешенные проблемы, которые отграничивают гносеологическую функцию, выводя в сфере «постнеклассической науки» за ее пределы. Трактую ее как «прикладную», А.Л.

Никифоров пишет: 1) «как только была осознана прикладная ценность научного знания, оно все больше стало подпадать под власть крупного капитала», 2) «научное знание становится товаром, ученый – наемным рабочим, производящим этот товар», 3) «происходит вытеснение внутринаучных ценностей», 4) «резкое сокращение доли фундаментальных исследований в общем объеме научной деятельности. 5) Кто платит, тот и заказывает музыку. Ныне платят капитал и государство, финансисты и политики, и именно они направляют науку в область прикладных исследований... В прикладных исследованиях внутринаучные ценности и цели действительно заменяются...» прикладными [13, с. 63-64]. Разумеется, теми, кто заказывает эту «музыку», что приводит к обесцениванию фундаментальной науки, дающей истинное знание действительности, заслуживающее доверие с точки зрения и онтологии, и гносеологии. Тем самым выявляются внепознавательные основания, социальные корни имитации.

Рассуждая аналогичным образом, Б. Рассел уподобляет философию науке, идеальному в первом смысле и противопоставляет ее религиозному мировоззрению, где доминирует идеальность во втором смысле. Согласно позитивизму, они должны быть разнесены во времени, чтобы понять их логически и исторически. Начиная с О. Конта позитивисты признавали вредным для развития науки союз с умозрительной «метафизикой», какой именуется традиционная философия, которая, согласно предложенному им закону трех стадий, следует за первой, теологической, где явления объясняются на основе религиозных представлений. Она предшествует третьей, позитивной, научной или высшей стадии познания, идеальности в первом смысле слова. На третьей стадии происходит отказ от объяснения природы «абстрактными» причинами – некими метафизическими сущностями, *гипостазированными абстракциями*, заменяющими сверхъестественные «факторы» религии, но родственные последним. Рациональный смысл этих положений Б. Рассела состоит в противопоставлении научного мышления с присущим ему движением знания в разных его формах, источником которого выступает противоречие истины, лжи и заблуждения, позволяющее наращивать истинность в науке, с одной стороны, и выходом за эти пределы в сферу симулирования, с другой, где категории истины, лжи и заблуждения вообще утрачивают свое значение. Традиционная философия критикуется им за попытку «органичного соединения» этих несовместимых трендов как «метафизика», которую должно преодолеть, ориентируясь на идеалы естествознания, «стандарта» науки, с идеальностью в первом смысле слова.

Итак, Б. Рассел обуславливает природу философии исторической *промежуточностью* ее «между» наукой и религией, которым свойственны противоположные типы *идеальности и гипостазирования*. «Словарь иностранных слов» сообщает, что «гипостазировать [греч. *hypostasis* сущность, субстанция] – приписывать отвлеченным понятиям самостоятельное существование, рассматривать общие свойства, отношения и качества (напр. мышление, волю) как самостоятельно существующие объекты; характерно для

идеалистической философии» [14, с. 134], а «Новейший философский словарь» добавляет, что гипостазирование есть рассмотрение абстрактных объектов, не обладающих временными и пространственными онтологическими статусами, в качестве непосредственных объектов человеческого мышления. Вневременность и внепространственность гипостазированных объектов отличает их от эмпирических объектов внешнего мира, обладающих пространственно-временными характеристиками [15, с. 170]. С. Кара-Мурза полагает, что такое гипостазирование есть «порча сознания» или «сбой в мышлении», «способность» изобретать абстрактные, туманные термины, а затем создавать в воображении образ некоего явления и уже его считать реальностью и даже порой чем-то жизненно важным». Эти «псевдообразы» не опираются на хорошо разработанные понятия, воспроизводящие реальность, зато обозначаются словом, которое приобретает некую магическую силу. Эта «склонность» особенно проявила себя в эпоху перестройки [16, с. 35-70], то есть зоной иллюстрации этих теоретических положений С. Кара-Мурза, как и А.А. Зиновьев, признает постсоветскую Россию.

По мнению Б. Рассела такое гипостазирование абстракций наследуется философией от религии, тогда как со стороны науки приходит гипостазирование в значении возведения в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является только свойством либо отношением чего-либо. Для чего? Для того, чтобы сделать его предметом специального исследования. Его и должна освоить «научная» философия. «По сравнению с философиями, которые создают системы, логический эмпиризм имеет то преимущество, что он в состоянии биться *над каждой из своих проблем в отдельности* (выделено мной – М.П.), вместо того, чтобы изобретать одним махом общую теорию всей вселенной. Его методы в этом отношении сходны с методами науки. Я не сомневаюсь, что, насколько философское познание возможно, его надо будет искать именно такими методами. Я не сомневаюсь также, что с помощью этих методов многие очень старые проблемы могут быть полностью разрешены» [10, с. 924]; «все, что может быть познано, может быть познано с помощью науки, но вещи, которые законно являются делом чувства, лежат вне ее сферы» [10, с. 925].

Рациональный смысл этих утверждений соответствует сути мышления как источника познавательной деятельности, в рамках которого происходит построение теорий, объясняющих наблюдаемые явления, открывающих законы той области действительности, которая выступает предметом изучения той или иной теории с помощью основных видов абстрагирования – обобщающе различающего, отождествляющего, изолирующего абстрагирования и идеализации, – о которых говорит логика [17, с. 16-18]. Тем самым Б. Рассел указывает на векторность в эволюции человеческого познания, от традиционной философии к «стандарту» науки (например, «Г. Лейбниц верил в реальность бесконечно-малых величин, но, хотя эта вера соответствовала его метафизике, в математике она не имела твердой основы» [10, с. 919]), отсекая гипостазирование, связанное с основным вопросом философии, в пользу

научного абстрагирования, которое для самостоятельного исследования того, что является лишь свойством или отношением чего-либо, возводит их в ранг самостоятельно существующего объекта/субстанции или так называемого абстрактного объекта (например, математическая точка, идеальный газ и т.п.). «Различие между духом и материей пришло в философию из религии, – заявляет Б. Рассел, – хотя долгое время казалось, что оно достаточно обосновано. Я думаю, что дух и материя – это просто удобные способы группирования событий. Я должен допустить, что одни единичные события принадлежат только к материальной группе, другие – к обеим группам и поэтому являются одновременно духовными и материальными. Такая картина значительно проясняет нашу картину структуры мира» [10, с. 923].

О том, что религиозному мировоззрению предшествовало мифологическое, откуда и берет свое начало различие между духом и материей, Б. Рассел вообще не упоминает, следуя позитивистскому «закону трех стадий» и «снижая» мировоззренческую нагруженность философского знания, чтобы усилить за ее счет конкретно научную составляющую гипостазирования, порой оставаясь чутким и к мировоззренческому гипостазированию. Так, обращаясь к соотношению объективного и субъективного в философском познании Б. Рассел пишет о страхе греков перед *hybris* (судьбой) и их верой в необходимость, или судьбу, о средних веках пишет, что здесь покорность людей зашла еще дальше в виде смирения перед Богом, о Возрождении, которое, напротив, восстановило и довело человеческую субъективность до степени анархии, пишет, что современная техника оживила сознание коллективной силы человеческого общества настолько, что человек начал считать себя почти богом. И указывает на опасность «космической непочтительности» со стороны человека по отношению к объективности, на несоответствие между тем, что человек делает, и тем, что он думает о том, что он делает. Это видно из следующей характеристики им «истины»: «Понятие «истины» как чего-то, зависящего от фактов, в значительной степени не поддающихся человеческому контролю, было одним из способов, с помощью которых философия до сих пор внедряла необходимый элемент скромности. Если это ограничение гордости снято (т.е. объективность отброшена – *М.П.*), то делается дальнейший шаг по пути к определенному виду сумасшествия – к отравлению властью (субъективности – *М.П.*), которое вторглось в философию с И. Фихте и к которому тяготеют современные люди». «Я убежден, что это отравление является самой сильной опасностью нашего времени и что всякая философия, даже ненамеренно поддерживающая его, увеличивает опасность громадных социальных катастроф» [10, с. 918]. В изложении Б. Рассела «Учение Джемса – это попытка возвести надстройку веры на фундаменте скептицизма, и, как все подобные попытки, она ведет к ошибкам. В данном случае ошибки проистекают из попытки игнорировать все факты вне человека (это звучит материалистически – *М.П.*). Берклианский идеализм в сочетании со скептицизмом привели к тому, что бога подменили верой в бога и считают, что это ничуть не хуже. Но это только одна из форм субъективного сумасшествия,

характерного для большей части современной философии» [10, с. 908].

Нужно исправить подход Б. Рассела. Уместно напомнить, что исторически первой стадией «воззрений о мире» было устное народное творчество с мифологическим мировоззрением, где объективное и субъективное не противопоставляли друг другу, а брали их «синкретично» [18, с. 6-14]. Религия сделала первый шаг к преодолению синкретичности. Она не только расчленила их, но и ввела представление о двух мирах, естественном и сверхъестественном, сделав новый шаг к имитации. Естественный мир попал в полную зависимость от сверхъестественного, истина попала в зависимость от имитации. В то же время религия не вполне преодолела синкретичность, сохранив ее в понимании божественных обитателей сверхъестественного мира, наделенного одновременно чертами объективности, независимости от всего человеческого и в то же время субъективными, человекообразными чертами [19, Гл. 1]. Не случайно, древность породила ироничные замечания, что если бы быки и львы имели руки, то они нарисовали бы богов, наделив их своими чертами, как это делает каждый народ, наделяя своими признаками своих богов. Антропоморфность богов Ксенофан характеризовал как нелепость, настаивая на демифологизации природных явлений, в которых «светится» сам человек и недостает объективности. Этим была обусловлена необходимость появления философии, ибо мировые религии поднялись к более абстрактным представлениям, освобождая бога от национально-этнических черт, но не от черт человека вообще. Не случайно, что философия поставила вопрос, действительно ли мир создан антропоморфным Богом, Творцом, Субъектом или же он существует как объективная реальность, не зависящая ни от какого субъекта. Ф. Энгельс не случайно констатировал, что вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, высший вопрос всей философии, имеет свои корни – не в меньшей степени, чем всякая религия – в ограниченных представлениях людей периода «дикости и невежества», т.е. в мифологии, но «со всей резкостью» он мог быть поставлен и «приобрести все свое значение» только после Средневековья.

Чтобы преодолеть ограниченность позитивистского подхода Б. Рассела обратимся к концепции осевого времени К. Ясперса. Согласно К. Ясперсу, вместе с появлением философии формируются наиболее важные понятия мировоззрения, в которых люди осознают мир, себя и свое место в мире, что позволяет связать ее с «поворотным периодом» в истории человечества, одновременно исключая указание «на то, что произошло божественное вмешательство. Ни в коей мере. Ибо это было бы не только *salto mortale* из сферы познания в сферу видимости (*имитации* – М.П.) познания, но и непозволительной навязчивостью по отношению к божеству». Вопрос о божестве он оставляет «открытым», говорит о сохраняющейся здесь «тайне» [20, с. 48]. Учитывая различия в вере разных народов, он ищет то, что свойственно не только его «верующей части», но всему человечеству. Он заявляет, что основой, на которой может произойти объединение всех людей, не может быть *откровение*, что ею может быть только *опыт*. «Откровение – это

образ исторически частной веры, опыт же доступен человеку как таковому. Все мы, люди, можем сообща знать о действительности этого универсального преобразования человечества в осевое время», которое «охватило всех людей» [20, с. 49]. Ось мировой истории может быть обнаружена только *эмпирически*, в качестве *факта*, который значим для всего человечества.

Здесь заметен дух методологии Ф. Бэкона, для которого «исходной клеточкой» выступало онтогносеологическое «раздвоение единого» на бытие и знание бытия как результат «анализа», который становится анализом тогда, когда он «добирается» до *онтогносеологического* «раздвоения единого». Поэтому Ф. Бэкон выступает против *подмешивания* человеческого, субъективного в познаваемую реальность, которое называет призраком рода. Истинную связь вещей он видит в определении ее *естественной* причинностью, хотя все еще разделяет концепцию двойной или двойственной истины Средневековья при рассмотрении науки в виде пирамиды. Ф. Бэкон пишет, что «ближе всего к основанию» ее расположена физика, к вершине – метафизика, тогда как самая верхняя часть пирамиды, конус указывает на тайну творения, «которое от начала до конца есть дело рук Бога». Тем не менее, за «единственное основание» Ф. Бэкон признает «историю и опыт» [21, с. 239]. Итак, объективная реальность дается человеку в его эмпирических ощущениях и восприятиях, которые есть то, что находится *между* нею и человеком.

Следуя «здравому смыслу», не сомневаясь в существовании внешнего мира истории, которой и принадлежит (или не принадлежит) ось времени, К. Ясперс стремится обнаружить в ней «нечто общее в своей глубине», выявить «истоки человеческого бытия», в силу которых «происходит однотипное развитие» [20, с. 38-39] человеческого рода. Он предлагает искать ось времени там, где возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть, где «с поразительной плодотворностью шло такое формирование человеческого бытия, которое, *независимо от определенного религиозного содержания* (выделено мной – М.П.), могло стать настолько убедительным, – если не своей эмпирической неопровержимостью, то, во всяком случае, некоей эмпирической основой для Запада, для Азии, для всех людей вообще, – что тем самым для всех народов были бы найдены общие рамки понимания их исторической значимости» [20, с. 32]. К. Ясперс относит появление оси во времени около 500 лет до н.э., говоря о духовном процессе *очеловечивания*, который шел между 800 и 200 гг. до н.э., когда произошел «резкий поворот» в истории, когда появился современный человек, человек «такого типа, какой существует и по сей день» [20, с. 32], вырабатывая важнейшие понятия мировоззрения, в которых люди до сих пор осознают мир, себя и свое место в мире. По К. Ясперсу, «одухотворение» состоит в «закладке» основных категорий и концепций, которые хотя и ставятся ныне под вопрос представителями постмодернизма, все же сохранились и по сей день. Тогда «во всех направлениях совершался переход к универсальности» [20, с. 33-34]. Синкретичность мифа отступала, были найдены «общие рамки» понимания бытия и человека, появился человек современного типа, какой сохранился и по сей день, шел процесс

формирования философии как теоретического мировоззрения в качестве лидирующей формой духовной культуры.

Укажем и на ограниченность концепции К. Ясперса. Во-первых, мифологическое мировоззрение характерно всем формам устного народного творчества, тогда как у К. Ясперса мы наблюдаем сведение мифологического мировоззрения к мифу, одной из форм устного народного творчества. Во-вторых, К. Ясперс полагал, что формирование базисных, «осевых категорий» происходило в философском и в религиозном мировоззрении. Существенные уточнения находим в концепции Хосе Ортега-и-Гассета, указавшего на «распчкование» философии и религии в духе противопоставления истины и имитации. Будучи экзистенциалистом, Ортега в работе «Вокруг Галилея» писал о философе как человеке, который уверен в своей способности и возможностях познать окружающий мир, себя и свое место в мире. Раскрывая же суть религиозной веры, Ортега указывает на то, что она является свойством «отчаявшегося человека», разуверившегося в своих способностях. Такой человек, «осознавая ничтожность или неполноту своей жизни самой по себе, начинает испытывать потребность опереться на иную – прочную – экзистенцию и реальность. Эта иная жизнь раскрывается диалектически как четкая противоположность нашей жизни, той, которая у нас есть и которую мы ведем. Иная реальность воспринимается через атрибуты, прямо противоположные природной человеческой реальности: у нее нет начала и конца, она вневременна и вечна, она есть условие самой себя, она всеильна т.п. Одним словом, эта реальность есть Бог» [22, с. 358]. В результате появляются представления о Высшем Разуме, *господствующем* Субъекте (S), Сверхъестественном, Потустороннем, Трансцендентном Боге, и о человеке (s), *подчиненном* существе, *ничто-жном* «самом по себе», с надеждой взирающим на Бога как на Спасителя. В десятой лекции Ортега представляет религиозное средневековье «кинематографически». Оно начиналось с утверждения полного превосходства веры над разумом (хотя вера была лишь стремлением «хоть как-то сориентироваться в жизни» [22, с. 359]), а завершалось освобождением разума от веры, истины от имитации. Ортега, рассматривая знание как субъективный образ объективного мира с учетом динамики соотношения истины и заблуждения/лжи, признает, что мы движемся дорогой наращивания истины и преодоления лжи и заблуждения, а не выпадаем за эти границы в область имитации, *симулятивного* мышления, принимая во внимание, что знание объективно, а религиозная вера в бога субъективна, ибо верующий в бога человек поступает так, как если бы бог существовал, вне зависимости от того, существует бог или нет.

Итак, Б. Рассел, К. Ясперс и Х. Ортега-и-Гассет стремились выйти за границы утверждения, будто борьба различных форм мировоззрения связана только с борьбой истины и лжи/заблуждения, они признавали возможность выхода за эти пределы в плоскость противостояния мышления, действительно остающегося в рамках указанной гносеологической противоположности познающего бытие мышления, и процесса его имитации, симулирования.

Согласно своему «стандарту» наука движется в границах противоположности истины, лжи и заблуждения, она стремится выявлять истину, которая становится все более полной и точной, и заблуждением, которое хотя и содержит те или иные зерна истины, все же является ее противоположностью, не переставая от этого быть субъективным образом объективного мира, что обязывает нас относить к форме знания не только истины, но ложь и человеческие заблуждения. В случае с религией мы оказываемся в иной ситуации, позволяющей говорить вообще о выходе за границы самой противоположности истины, лжи и заблуждения, за границы знания как субъективного образа объективного мира: «Вместо объявления религиозного знания (не *только* истинным, но даже – М.П.) ложным, не соответствующим действительности учением о *реальности*, его провозглашают одним из многих, равно имеющих право на существование способов *субъективного восприятия реальности*, в отношении которых не применимы категории истинности-ложности как в отношении художественного творчества. Вместо заблуждающихся богословы становятся интересными людьми с интересными мнениями. Эти мнения, однако, не соотносимы с реальным бытием и в этом смысле (подразумевается, но не высказывается вслух) ничего не говорят о реальности, но только о своих авторах», признает М.А. Шахов [23, с. 73]. Признает, разумеется, с сожалением, будучи ярким защитником религии.

Ученые нередко указывают на симулятивный характер религиозных псевдообъяснений. Согласно А.В. Болдачеву, ученый, который признает в качестве «научной» гипотезу божественного творения, *автоматически* выводит себя за пределы противоположности истины и заблуждения в биологии, ибо «содержательная часть креационизма исчерпывается цитированием ряда мест из Библии и неутомимым использованием универсальной формулы «такова воля Творца», с помощью которой разрешаются все проблемы» [24, с. 244-245]. И это свойственно для любой науки. Например, невозможно представить, что физик, предложивший какой-либо новый закон, на вопрос о его доказательстве ответит «такова воля Творца», а в подтверждение своей правоты станет рьяно убеждать всех в ошибочности формулы своего конкурента и цитировать Библию.

Конечно, в ходе научного спора ученый может отрицать ту или иную *конкретную* научную теорию, но это не есть отрицание научности, «однозначности и проверяемости», ибо предел научного познания всегда *относителен* и может быть отодвинут, но это не может принимать форму выхода за пределы научности, не может служить основанием для выхода в сферу имитации, симулирования. Это будет «всего лишь» отрицанием *достаточности* достигнутого предела познания, учитывающим диалектику истины, лжи и заблуждения, диалектику абсолютной и относительной истины. После же упоминания воли творца ход познания вообще прекращается: «использование его (термина «Бог» – М.П.) в логических (по определению ограниченных) высказываниях лишает последние какой-либо возможности быть истинными или ложными, быть доказанными или опровергнутыми. А

утверждение понятия «Бог» в качестве основы познавательного процесса принципиально исключает возможность каких-либо логических построений – все продуцируемые высказывания о Мире получаются сразу и автоматически и исчерпываются одним тезисом: «так захотел Творец». Значит, место человеческого мышления, познающего действительность как бытие и сущее, занимает симулятивное мышление, в основании которого лежит гипостазирование понятия бога, и потому «в сфере научной рациональности оперирование понятием «Бог» крайне неэффективно» [24, с. 8].

Впрочем, религия – не единственная форма «порчи» мышления, встающая на путь выхода за пределы действия категорий истины, лжи и заблуждения как форм знания, субъективных образов объективной реальности, в которых реализуется бесконечный процесс познания действительности человеком, переход от незнания к знанию, от неполного и неточного знания к знанию все более полному и точному. Знания о действительности вырабатываются не только усилиями многих поколений профессиональных ученых, но и философов. Ученые познают «сущее», философы – «бытие». М. Хайдеггер в книге «Что зовется мышлением» пишет: «Когда мы говорим «бытие», то это означает «бытие сущего». Когда мы говорим «сущее», то это означает: сущее относительно бытия. Мы говорим всегда из двусложности. Последняя уже пред-дана... Двусложность раскрыла уже область, внутри которой отношение сущего к бытию становится представимым» [25, с. 278].

К имитирующей «порче сознания» мы относим предложения некоторых отечественных философов поставить и решить проблему *происхождения* бытия, словно материя не есть субстанциальное «первоначало». Например, Н.М. Солодухо требует постановки вопроса «откуда взялось само это начало», полагая, что «бытие само по себе», «также не познано, не является доказанным и обоснованным», «ускользает от понимания», как если бы онтология существовала в изоляции от гносеологии, и в то же время сам настаивает на таком изолировании онтологии от гносеологии, утверждая тут же, что само бытие (в качестве которого якобы можно «выбрать» и материю, и идею, и Бога – М.П.) возникает из «небытия». Статус субстанции он придает «абсолютному небытию», возникающему как продукт гипостазирования того факта, что каждое сущее, локально ограниченный в пространстве и времени «предмет (как таковой) является из своего небытия и в конечном счете уходит в небытие» [26, с. 47]. Но разве можно это обстоятельство экстраполировать на категорию материи, которая должна быть «углублена» до категории субстанции? Именно из такого гипостазирования, отрицающего понимание материи как субстанции, у Н.М. Солодухо появляется «небытие» как «обобщенный образ предмета метафизики», в качестве которого выступает «непостижимое трансцендентное небытие», как и надуманный вопрос «о происхождении материи» из небытия [27, с. 302-303]. Повторю, что сущее, предмет или вещь есть «любой обладающий устойчивой целостностью и качеством фрагмент непосредственного бытия, реализующийся в соотношении с собой и другими частями внешнего мира» [28, с. 42], чего нельзя сказать о субстанции. То, что

никакое *сущее* (*нечто, чтойность*) не тождественны *бытию*, подметили уже античные мыслители, утверждая, что они возникают из бытия и «возвращаются» в него, заканчивая своё существование. Эта мысль важна и сегодня. Как верно пишет В.Н. Сагатовский «Нельзя игнорировать значение различения физического понимания материи как вещества, поля и т.п. и ее философского понимания как объективной реальности и роли такого понимания в защите существования объективной истины» [29, с. 92]. Следует согласиться с М. Хайдеггером, что бытие и сущее должны мыслиться в корреляции друг с другом, над которой надстраивается корреляция философии и науки, раскрываемая исторически и логически как «союз», взаимодействие философии, ориентированной на бытие, и частных наук, ориентированных на сущее. А.Т. Свергузов характеризует логику М.Н. Солодухо как логику «замкнутого в себе мышления, которая не согласуется с принципами научной философии. Хотя философия не имеет собственного эмпирического уровня познания, но ее нельзя отрывать от действительности. Мир существует – это эмпирический факт для философского познания», а «метафизическое признание возникновения бытия из абсолютного небытия ведет к иррационализму и идеализму» [30, с. 6, 27]. Только путем отказа от мышления, *познающего* бытие, замены его на *симулирование*, выходящее за пределы познающего бытие мышления, можно утверждать, что признание абсолютного небытия субстанцией столь же обосновано, как и признание субстанциальности материи. Напомню, что термин симулякр был введен Ж. Батаем для отказа от концепции референции, отказа от борьбы за сохранение бытия и его отражения. Он указывает на копию, оригинал которой никогда не существовал. Поэтому альтернативу симулякрам и симулированию следует видеть в истинном мышлении, ориентированном на поиск истины и на непрерывное наращивание истинностного знания – объективного и предметного. Чтобы породить бытие, абсолютное небытие Н.М. Солодухо должно уже содержать *причину* бытия, то есть *не быть* небытием, иначе без мистики не обойтись: «признание какого-нибудь содержания (не только диалектического) у абсолютного небытия противоречит идее его существования» [30, с. 61]. Поэтому утверждение Н.М. Солодухо, что основной вопрос философии нужно «дополнить» некоей «исходной философской проблемой» (выходя за пределы «онтогносеологической структуры» – *М.П.*), чисто онтологической проблемой соотношения «бытия и небытия» (чтобы ответить на вопрос о происхождении бытия, материи из небытия) является продуктом имитации, симулятивного подхода автора [31, с. 7-10].

Но нельзя согласиться и с А.Т. Свергузовым, который предлагает понимать субстанцию исключительно как «единство физических форм движения», исключая «социальную форму движения материи», чтобы не искать «общее между камнем и мышлением», а лишь «отвечать на вопрос о происхождении материи» [30, с. 63-54]. Ссылаясь на физику, основным онтологическим вопросом он признает «происхождение» материи, которое осталось «забытым», «элиминированным», поскольку не раскрыто «содержание

самой субстанции», в силу ее отождествления с материей [30, с. 91]. Как известно, «единство мира» (всеобщее – *М.П.*), согласно философии, состоит не в «физичности», а в его «материальности». При этом нельзя забывать, что «первым и самым важным из прирожденных свойств материи является движение», которое «высваивает» как природные формы движения материи, так и социальную. Как субстанция, причина самой себя материя предстает подлинно абсолютной, ни от чего не зависимой реальностью, тогда как всякая конкретная вещь, сущее не имеют в себе необходимых и достаточных оснований для своего существования, выступая преходящим, порождаемым в ходе движения материи образованием, сущим. Конкретно существующее нельзя отождествлять с материей. Абсолютная неуничтожимость материи «держится» на постоянном уничтожении сущего, отдельных конечных «чтойностей», на их относительности. Любая конкретная вещь, процесс, явление есть, и «есть» и «не есть» одновременно в одном и том же отношении, выводя к категориям «бытия» и «небытия» как наиболее фундаментальным категориям не материи, как утверждает А.Т. Свержузов, а движения, выражая противоречивость движения, «устойчивость» и «изменчивость» как единство противоположных характеристик движения. В силу движения не только существует, живет все сущее, все существующее, все живущее, но и погибает, уходит из «бытия» в «небытие». Поэтому постановка вопроса о «происхождении» материи «из небытия», представляется симулякрот, отрицающим ее субстанциальность.

Именно взятые вместе, коррелятивно, бытие и сущее представляют действительность, которая не может быть понята с односторонних позиций, ни с позиций науки, ни с позиций философии. Козьма Прутков точно подметил, что специалист подобен флюсу. Всякая специальная наука односторонняя, ибо раскрывает свои объекты только в аспекте специфических черт и законов, единичного, особенного и общего (если иметь в виду и общенаучный подход). Но всякий предмет помимо единичных, особенных и даже общих свойств и законов обладает всеобщими признаками, то есть свойствами, характерными для всех вообще предметов действительности, на него распространяется действие всеобщих законов и категорий, выражающих в своих соотношениях универсальные и закономерные отношения. Они раскрываются философией как мировоззренческой теорией всеобщего. Философия не дает исчерпывающего знания именно потому, что имеет своим предметом всеобщее. Действительность может быть познана только философией и наукой, взятыми «вместе», «коррелятивно». На это и обратил внимание М. Хайдеггер, говоря о «двусложности» человеческого мышления.

«Двусложность» имеет важное значение и для философии, и для науки. Для науки их «союз» исключает гипостазирование, рассмотрение тех или иных явлений действительности с изъятием их из мира, в качестве какой-то вещи-в-себе. При таком отчуждении от мира вещи на самом деле предстали бы в качестве непостижимых вещей-в-себе И. Канта. Чтобы преодолеть это представление о «непознаваемости», нужно брать их в контексте бытия, ибо

только в ходе изменения и развития самого бытия присущее всей материи свойство отражения эволюционирует, достигая на уровне человека способности познавать действительность, бытие и сущее. Для философии значение «двусложности» заключается в том, что она выступает универсально-теоретическим уровнем познания, по отношению к которому вся наука оказывается в роли эмпирии, отсекая «право» философии на чрезмерные спекуляции как незаконные, уводящие в сферу гипостазирования. В.И. Свидерский выразил это разграничение и взаимосвязь бытия и сущего, философии и науки в *принципе относительности* конкретных форм движения материи [32, с. 12-30], подчеркивая, что этот принцип позволяет преодолевать не только механицизм, физикализм, но и иные подобные «измы», создающие не образы бытия в целом, но их симулякры, «подделки», что нужно брать окружающий мир как движущееся бытие, а все «нечто» – как исторические, бесконечно разнообразные его состояния, результаты *движения* бытия. Именно благодаря такой методологической установке преодолевался механицизм – продукт незаконной экстраполяции механики Ньютона за границы ее применимости, превращавший механицизм в симулякр, представляющий собой не философское мировоззрение, но лишь его *имитацию*.

Список использованной литературы:

1. Можейко М.А. Симулякр // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпресссервис; Книжный Дом, 2011. С. 727.
2. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 439.
3. Комарова В.Я. Учение Зенона Элейского: попытка реконструкции системы аргументов. СПб.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 84.
4. Прохоров М.М. От онтологии и гносеологии к онтогносеологии // Мировоззренческая парадигма в философии: Основоположения онтогносеологии: монография / Под ред. проф. М.М. Прохорова. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2018. С. 16-34.
5. Киссель М.А. Судьба старой дилеммы (рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века). М.: Мысль, 1974. С. 3.
6. Дубровский Д.И. Относительное и абсолютное // Релятивизм как болезнь современной философии. М.: Канон, 2015. С. 48.
7. Рассел Б. Проблемы философии. М.: Республика, 2000. С. 180-187.
8. Рассел Б. Почему я не христианин. Избранные атеистические произведения. М.: Политиздат, 1987. С. 37.
9. Виктор Александрович Штофф и современная философия науки. СПб., 2007. С. 21.
10. Рассел Б. История западной философии. Ростов-на-Дону, 1998. С. 918.
11. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. 4 изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 260.
12. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии, 1979, № 7. С. 150.

13. Никифоров А.Л. Что такое «постнеклассическая наука»? // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVI, № 2, с. 63-64.
14. Словарь иностранных слов. Изд. седьмое. М.: Русский язык, 1980. С. 134.
15. Новейший философский словарь. / Сост. Грицанов А.А. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998. С. 170.
16. Кара-Мурза С. Потерянный разум. М.: Алгоритм, 2005. С. 35-70.
17. Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика. – М., Владос-Пресс, 2001. С. 16-18.
18. Прохоров М.М. Онтогносеология: актуальные аспекты взаимоотношения онтологии и гносеологии // Мировоззренческая парадигма в философии: Онтогносеология: Сборник статей по материалам XIII Международной научной конференции (Н. Новгород, ННГАСУ, 14 марта 2017 г.). – Нижний Новгород: Изд-во ННГАСУ, 2017. С. 6-14.
19. Прохоров М.М. Мировоззренческая самоидентификация человека. Монография. Н. Новгород, 1998. Гл. 1.
20. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. 2-ле изд. М.: Изд-во «Республика», 1994. С. 48.
21. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1971. С. 239.
22. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: «Весь мир», 1997. С. 358.
23. Шахов М.А. Реализм как общая основа религиозного и научного знания // Вопросы философии. 2008. № 10. С. 73.
24. Болдачев А.В. Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы. СПбГУ, 2007. С. 244-245.
25. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2007. С. 278.
26. Солодухо Н.М. Философия небытия в очень кратком изложении // Философия. Язык. Познание: Сборник материалов, посвященных 10-летию кафедры теоретических основ коммуникации и юбилею доктора философских наук, профессора Э.В. Тайсиной / под ред. Н.М. Мухарямова, М.Н. Закамулиной, О.Б. Януш. – Казань, КГЭУ, 2011. С. 47.
27. Солодухо Н.М. Отношение онтологии и метафизики в курсе философии // Учебник философии: материалы 1-ой, 2-ой и 3-ей всероссийских научно-методических конференций (Казань, 2006, 2007, 2008) Казань: КГТЛУ, 2008. С. 302-303.
28. Кучевский В.Б. Анализ категории «материя». М.: Наука, 1983. С. 42.
29. Сагатовский В.Н. Конец онтологии? // Вестник Российского философского общества. 2010. № 4(56) . С. 92.
30. Свергузов А.Т. Небытие как онтологическая категория диалектического материализма. Казань: КНИТУ, 2016. С. 16, 27.
31. Солодухо Н.М. Философия небытия. Казань: КГТУ, 2002. С. 7-10.
32. Свидерский В.И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965. С. 12-30.

Глава 2.

ТИПОЛОГИЯ ИМИТАЦИЙ ИСТИНЫ

Доктор философских наук, профессор. Профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород

Зеленов Лев Александрович

Доктор философских наук, профессор. Заведующий кафедрой философии и социально-правовых наук, Волжский государственный университет водного транспорта, г. Нижний Новгород

Владимиров Александр Анатольевич

Исторически представлено множество трактовок *истины* и ее *критериев* от античных времен Сократа, скептиков, циников, стоиков, дуалистов, номиналистов, реалистов, агностиков, релятивистов, конвенционалистов, прагматистов до диалектико-материалистического учения об истине К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Но дискуссии продолжаются, принимая форму *суммативных* суждений об истине и ее критериях. В «Вестнике Российского Философского Общества» [1, с. 11] опубликована статья профессоров Губанова Н.И. и Губанова Н.Н. «Возможна ли универсальная теория истины?». Авторы анализируют «10 концепций истины» С.А. Лебедева, делая важное заключение: «Вопреки попыткам постмодернистов и некоторых аналитических философов, в том числе и отечественных, устранить категорию истины, она остается системообразующим концептом гносеологии».

Что касается «постмодернизма» с его субъективизмом, плюрализмом и эклектикой, то нами показана его общая несостоятельность в нашей монографии «Историческая логика становления постмодернизма» [2]. Аналитический же подход философии к учению об истине неизбежно подводит к исследованию проблем «истинности» в разных типах мировоззрения, что многократно показано в ряде работ профессора М.М. Прохорова. Углубляя этот аспект анализа истины, мы в монографии «Общая теория мировоззрения» [3] исследовали не только шесть типов мировоззрения (народное, мифологическое, религиозное, художественное, научное, философское), что представлено и в работах А.Ф. Лосева и В.С. Степина, но и систему всех аспектов каждого мировоззрения, отраженных в онтологической модели: гносеологического, аксиологического, методологического и праксеологического. Как верно замечено Н.И. и Н.Н. Губановыми истина везде «остается системообразующим концептом гносеологии».

Включение проблематики истинности в гносеологический аспект каждого мировоззрения увеличивает сумму концепций истины, а суммирование является первым шагом в построении системы теоретического знания.

Общим родовым понятием по отношению к истине является понятие «знание», которое мы определяем как «субъективную форму бытия объектов». Субъективный характер знания важен для понимания духовного способа существования истины в сфере познания, а не материального бытия. Истина является не объектом бытия или объектом познания, а *продуктом*, результатом познания, субъективной формой бытия объекта в реальности. Объективной истина является *по содержанию*, как подчеркивал В.И. Ленин, то есть по адекватному отражению объектов материального мира.

В этот ряд понятий-видов «родового знания» вместе с истиной попадают все понятия духовно-идеального характера: ощущения, восприятия, представления, идеи, учения, теории, аксиомы, постулаты, догматы, проблемы, концепции, гипотезы... мировоззрение в целом. Но «истина» как системообразующий концепт *гносеологии* имеет отношение ко всем иным понятиям как определитель адекватности отражения ими объектов: истинные или ложные ощущения, восприятия, представления, учения, мнения, взгляды, воззрения...

«Истина» проверяет все названные и иные духовно-субъективные образования на *адекватность* отражения ими реальных объектов. Эта адекватность, как подобие, задается механизмами отражения, поэтому гносеология (теория познания) основана на теории отражения, из которой, в частности, следует: «Сознание есть отражение бытия» (а не распространенное толкование их отношения во времени как «вторичного» и «первичного»). Богатейший эвристический потенциал категории «отражение» исследован нами в ряде работ [4].

Само отражение мы понимаем вслед за В. Украинцевым как процесс (продукт) воспроизведения особенностей одной системы особенностями другой системы. Это «воспроизведение» может быть представлено как изоморфное отражение, а изоморфизм – это элементное и структурное подобие. Любой вид знания является истинным, если он изоморфно отражает объект.

Поиски критерия истинности превращаются в поиски критерия изоморфизма отражения объекта в знании, которое выражается в вербально-знаковой форме «суждений», «протокольных данных», «высказываний», «мнений» и т.д. При этом совершается экспликация истинного знания в его критериях: если «полезность» – критерий истинности, то истинным становится знание, которое «полезно»; если «практика» – критерий истинности, то истинным является знание, которое «практически подтверждается» и т.п.

Исторически *имитация* истинности знаний предстает как поиск и утверждение альтернативных вариантов *критерия* истины. Совокупность таких вариантов в типологическом представлении рассмотрим ниже.

1. Аксиоматичность. Не только в обыденном, но и в научном сознании в качестве бездоказательного критерия полагается «очевидность», «аксиоматичность» тех или иных видов знания, например, пословиц и поговорок: «нет дыма без огня», «за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» и т.д.

В.И. Ленин, поясняя этот критерий, замечает, что аксиомы – это «миллиарды раз повторенная практика». Эта «практическая» сущность аксиом хорошо характеризует природу народного мировоззрения, основанного на миллиарды раз повторенных *действиях* народов, опыт которых закрепляется в «народных аксиомах»: обычаях, обрядах, традициях, пословицах, поговорках.

Правда, народ-мудрец *осознает* условную достоверность «аксиоматической истинности», поэтому высоко ценит *практический* опыт людей, прошедших «огонь, воду и медные трубы». Более того, народное мировоззрение — это свое *осознание* ограниченной аксиоматики истин *передает* афористически всем другим типам мировоззрения:

- религиозному: «на Бога надейся, а сам не плошай»;
- художественному: «учение и труд все перетрут»;
- научному: «в споре рождается истина»;
- философскому: «век живи – век учись»;
- мифологическому: «не Боги горшки обжигают».

2. *Постулаты*. В научно-познавательной практике в качестве критерия истинности фигурируют *постулаты*, т.е. познавательные декларации. У постулатов общее с аксиомами состоит в *бездоказательности* (или ограниченной аргументированности), но постулаты – это такие формы знания, которые *открыты* для опровержения, развития, уточнения, т.е. обладают эвристическим «зарядом» («перпетуум мобиле», постулаты Эвклида...). Критическое отношение к индуктивным постулатам классической механики и физики позволило А. Эйнштейну выйти на простор эвристической релятивистской физики и квантовой механики, а критическое отношение к постулатам геометрии Эвклида позволило Лобачевскому и Риману сформулировать принципы «неэвклидовой геометрии». Подобное *творческое* отношение к декларативным постулатам в науках объясняет теоретические открытия Бруно, Галилея, Коперника, Менделеева и т.д.

Полезно напомнить, что «постулат о невозможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране» Маркса и Энгельса в «Немецкой идеологии» 1845 года, был критически осмыслен В.И. Лениным на основе анализа *практики* современного ему мира в 1916 году («Империализм как высшая стадия капитализма», «О лозунге Соединенных штатов Европы»...) и сделан, социально доказанный вывод о возможности социалистической революции и построении социализма в одной стране – России (1917-1991 гг.). Враги творческого марксизма до сих пор ненавидят Ленина за это.

3. *Интерсубъективность*. Критерий «общепризнанности», «интерсубъективности» с XIX века стал распространенным в науке и обыденном общении, им охотно пользуются в философии (Кант, Дюринг...), религии (Фома, Августин...), искусстве (Христиансен...), мифологии, народном мировоззрении. Б.А. Грушин в монографии «Мир мнений и мнения о мире» хорошо показал механизм возникновения и функционирования «общественного мнения» как вида общественного сознания, его зомбирующую человека силу,

силу «неофициальных суждений» толпы, рождающей и панику, и смуту, и моду, и рекламу, и «виртуальное сознание». В.И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» критикует концепцию «общепризнанности», ссылаясь на непреложный факт объективного содержания истинных суждений («независимость от человеческого сознания») и на банальные примеры, когда «Один идет в ногу, а Все не в ногу». Истинность знаний не определяется количеством голосов, не определяется мнением большинства. Либералы, например, в России используют этот контраргумент для критики принципа «демократического централизма», для критики результатов голосования в избирательных кампаниях.

В единственном числе или в меньшинстве были многие исторические деятели (Бруно, Галилей, Коперник, Менделеев, Ленин, Эйнштейн...), но они оказывались адекватно-истинными в своих астрономических, химических, политических, физических суждениях и прогнозах.

4. *Утилитарность.* Критерий «обыденно-меркантильной полезности» для оценки истинности знаний был развернуто провозглашен Иеремией Бентамом, английским дельцом в середине XVIII века. Он же считается основателем философии «утилитаризма», которая в основательном философском осмыслении как *прагматизм* стала «национальной американской философией» с начала XX века [5]: У. Джемс, Д. Дьюи, С. Хук, Ч. Пирс... Прагматизм-утилитаризм «индивидуально-деляческой полезностью» определяет истинность любых знаний, учений, суждений. Человеческое сознание в его индивидуально-персональном проявлении становится критерием оценки истины, выявляя ее прагматическую полезность (выгодность, значимость, ценность) для субъекта: «истинно то, что полезно». Более того, критерий *полезности* (утилитарности) становится универсальным, пригодным для аксиологических оценок *позитивности* любого вида: художественно-эстетического, этического, политического, правового, медицинского, спортивного и т.д.:

- «прекрасно то, что полезно»,
- «справедливо то, что полезно»,
- «законно то, что полезно»,
- «добро то, что полезно»,
- «спортивно то, что полезно»...

В основу этой полезности, утилитарности положены не ценности меры человеческого рода, не родовые качества человека (сознание, язык, общение, деятельность), не принципы гуманизма, которые объективны, объективно-позитивно значимы, а индивидуальные, субъективные мнения персон об утилитарно-деляческой, «бизнесменской» значимости того или иного явления как материального, так и духовного характера. Отсюда все производные ошибочные установки прагматизма-постмодернизма: плюрализм, эклектика, эгоизм, сиюминутность и виртуальность («здесь и сейчас»), нарративы, дискурсы, произвол и волюнтаризм.

5. *Логическая непротиворечивость.* Этот критерий истинности суждений был изощренно разработан античными софистами, использовавшими хитроумные уловки формальной логики. Известны, например, знаменитые «апории» Зенона, которые в их логических моделях он использовал для доказательства «неспособности Ахиллеса догнать черепаху» или утверждений об «отсутствии движения». Как известно, эти логические «софизмы» были с позиций *диалектической логики* опровергнуты Гегелем и Энгельсом, поэтико-осмеяны А.С. Пушкиным (стихотворение «Движение»). Сегодня этот критерий истины используется позитивистами и неопозитивистами «семантического» и «логического» направлений. Используя общее забвение *диалектики*, постмодернизм максимально поддерживает подобные «формально-логические» заблуждения.

6. *Конвенционализм.* С начала XX века в науке и философии вместе с «эмпириокритицизмом», «махизмом» и другими позитивистскими течениями утверждается конвенционализм как концепция условно-договорного критерия истины. Условности положений «релятивистской физики», неуловимая неопределенность (Шредингер) состояний элементарных частиц и явлений микромира стимулировали обращение ученых к *условным договорам* о «заранее заданном понимании» значений информационно-математических знаков, фиксирующих эти «неопределенности». Конечно, ошибка заключается уже в ориентации критерия истинности на мнения, суждения группы специалистов, пусть даже любого количества и любого высокого качества. Мы уже говорили, что содержание истинных суждений своей объективностью не зависит от человеческого сознания. Неоднозначность данной концепции усиливается в середине XIX века лингвистом Де-Сосюром в его учении о нетождественности не только значений знаков, но и смыслов значений. Сегодняшняя семиотика усвоила эту теорию всеми своими разделами (сигматикой, семантикой, синтаксикой, прагматикой) [6]. Кстати, один из членов Нижегородского Философского клуба – В. Серегин уже около 40 лет призывает задуматься о «научной состоятельности» формулы А. Эйнштейна « $E = mc^2$ », поскольку C – скорость света, как *константа*, не может быть удвоена.

7. *Концептология.* XX век в конце своего бытия выплеснул в философское сознание серию проблем, связанных с формами существования *небытия*: «виртуальная реальность», «виртуальный мир», «симулякры», «имиджи», «кажимости»... Нами при выделении видов знания наряду с признанными: теории, проблемы, гипотезы, аксиомы, постулаты, догматы, заблуждения *представлены* и *виртуальные* виды – «концепты» [7]. Концепт – это субъективная интегральная форма знания, служащая критерием оценки истинности тех или иных видов знания, пригодных для построения целостных концепций. В системе концепции как целостного духовно-интеллектуального образования концепты являются «строительным материалом», но сами они строятся на базе иных видов знания: проблем, гипотез, теорий, аксиом...

Данный «концептуальный» критерий истинности можно рассматривать как вариант «конвенционального» (условно-договорного) критерия, но в нем

виртуально-субъективный аспект заявлен открыто как позиция, как идеология, как виртуальная реальность, как ценностная ориентация.

8. *Авторитеты*. В формальной логике запрещены логические ссылки на *авторитеты*, запрещена аргументация истин ссылками на персоны, на человека («аргументум ад гоминем»). Но вся научная деятельность, вся философия проникнуты регулярными ссылками на авторитеты, на известных ученых, великих специалистов: «Платон писал...», «Гоббс утверждал...», «Галилей сказал...», «Левверье высчитал...», «Дарвин заключал...», «Маркс полагал...». Знаменитый ВАК – Высшая Аттестационная Комиссия стимулирует, одобряет, побуждает молодых ученых к максимальному использованию идей, учений, положений тех или иных известных личностей. Не спасает и ссылка на точное цитирование первоисточника, и на охрану «авторских прав», ибо рынок вмещивается в научные отношения известными «правами на интеллектуальную собственность». К тому же юридических прав на научные открытия в общественных науках нет. Роль авторитетов в научной сфере может и должна быть оценена с позиций значимости концептуальных построений, формирующих *научные школы*. В отношении философских исследований нами предпринята методологическая попытка анализа *семи философских школ* в Нижнем Новгороде в XX-XXI веках [8].

9. *Тексты*. Близким к критерию «авторитетов» является критерий аргументации истинности объективно заявленными *текстами* тех или иных гносеологически значимых положений, утверждений, обнародованных в знаковых системах общества: «Библия», «Новый завет», «Коран», «Тора», «Конституции стран», монографии и диссертации, доклады и статьи ученых, философов, общественных деятелей. Ссылка на утверждения в письменных и устных текстах становится аргументом в интеллектуальных дискуссиях, а сам *текст* становится *критерием* истинности, специальным образом-имиджем истины. Такие ссылки на тексты как знаковые носители информации типичны для всех типов мировоззрения с их гносеологическим аспектом: народного, мифологического, религиозного, художественного, научного, философского. Это как бы выравнивает статус разных мировоззрений в отношении поиска критерия истинности в своих специфических знаковых текстах: священник ссылается на «Библию», а философ на «Сущность христианства» Фейербаха; ученый апеллирует текстами физика Маха, а философ ссылается на работы Дидро; художник ищет защиты у Гароди с его работой «Реализм без берегов», а эстетик ссылается на разоблачение несостоятельности абстракционизма в откровениях Мюнха, опубликованных в его работе «Беспредметное искусство – ошибка против логики» и т.д.

Ссылка на тексты стала обычным явлением в научных дискуссиях, когда объективный критерий *практики* заменяется удобным субъективным критерием текстов, знаковый характер которых якобы делает их объективными (См.: Ю.М. Лотман Анализ поэтических текстов). Такая подмена является наивным приемом многих субъектов, сознательно уходящих от *суда практики* – объективного критерия истины.

10. *Догматы.* Одним из духовных образований, выступающим критерием истинности, являются *догмы* (догматы) как бездоказательные константные утверждения, обладающие статусом аксиом. Специфика догматов состоит в том, что они уходят из поля верификации, не требуют не только опровержения, но и доказательства, поскольку обладают статусом «категорических *императивов*» (И. Кант), «непреложных максим», «естественных законов». Их единственной функциональной силой является «*вера*», призыв к «*вере*», а не сомнениям, доказательствам, аргументам. Всем известен такой догмат-императив (Конфуция, «Библии», И. Канта) как нравственный принцип: «Поступай по отношению к другим так, как ты хочешь, чтобы они поступали по отношению к тебе». Догматы становятся *канонами* как инвариантными критериями истинности: «Венера Милосская», «Давид» Микельанджело, «Мадонна» Леонардо и т.д. Гойя предупреждал «Сон разума рождает чудовищ», поэтому историческое пробуждение разума у человечества (см. работы А.И. Субетто) приводит к утрате слепой веры, к сомнениям и поискам аргументов. Эта знаменательная тенденция (закон культурологии!) приводит даже религиозное мировоззрение с его догматическим принципом: «Верую, потому что абсурдно» (Тертуллиан) к трансформации в *теологическое* мировоззрение, оснащенное историческими, научными, археологическими, нравственными, философскими, логическими, социальными *аргументами*. Эта доминирующая аргументация *догматов* превращает их в постулаты, в гипотезы, в проблемы или даже аксиомы, апеллирующие к *доказательной* практике общества.

11. *Индукция.* Индуктивный критерий истинности основан на логическом *обобщении* серии единичных, отдельных гносеологических фактов наблюдения, описания, эксперимента или объяснения реальных объектов действительности. Этим критерием истинности максимально пользовался И. Ньютон в своих механических, физических и астрономических исследованиях, гордившийся тем, что «гипотез я не изобретаю». За это Ф.Энгельс называл Ньютона «индуктивным ослом», диалектически понимая необходимость единства индукции и дедукции, синтеза и анализа, движения от отдельного к общему и от общего к отдельному. Заметим, что в XX веке английские ученые-позитивисты вынуждены были развернуть аргументацию в пользу презираемого Ньютоном «гипотетико-дедуктивного метода» познания сложных явлений микромира. Важно также иметь в виду, что индуктивные выводы не обладают достоверной истинностью, а являются вероятностными. Такова особенность индуктивного критерия истинности.

12. *Дедукция.* Дедуктивный критерий истинности предстает в виде *общих* суждений, которые механизмами формально-логических умозаключений становятся основанием выводного знания. Гипотетико-дедуктивный способ получения истинного знания является вариантом дедуктивного критерия, где функции *общего* суждения выполняют *гипотезы*, вероятностные предположения возможной истинности *выводных* знаний. Потенциально-вероятностный характер истинности выводных знаний усиливается *неоднозначной* достоверностью гипотез. Дедуктивные выводы из гипотезы

становятся достоверно истинными, если гипотеза погружается в сферу практической проверки объектом истины, а не в сферу логико-мыслительных операций с содержанием гипотетического знания. От практики в любой ее форме (эксперимент, социальный опыт, производственная деятельность...) избавиться невозможно, как и при обращении к критериальной роли аксиом, постулатов, интерсубъективных суждений, индукции и т.д.

13. *Аналогия.* Умозаключения об истинности того или иного знания могут быть сделаны по *анalogии* (сравнительному сходству) с уже изученным объектом, уже полученными истинными знаниями. Критерий *анalogии* широко представлен в моделировании как познавательном методе, когда изучаемый объект (натура) исследуется на его моделях. Сама модель точно определяется профессором О.М. Сичивицей (кандидатская диссертация 1966 г. в ГГУ им.Н.И. Лобачевского) как «эвристический заместитель природы». Знания, полученные на модели обладают вероятностным поисково-эвристическим характером и нуждаются в коррекции законами-принципами моделирования. Подобное следует сказать об использовании критерия аналогии в экстраполяции как методе опосредованного познания объектов. В нашей статье «Экстраполяция и эксперимент» («Вопросы философии», 1967. - №4) вероятностный характер заключений по «аналоговой экстраполяции» специально исследован.

14. *Релятивизм.* Метафизически несостоятельное исследование диалектического противоречия абсолютного и относительного в истинном знании (как и в движении, в пространстве и времени) не могло не закончиться крайними концепциями догматизма (доминанта абсолютности) или релятивизма (доминанта относительности). В.И. Ленин, критикуя релятивизм в понимании истины в «Материализме и эмпириокритицизме», в «Философских тетрадах» замечал, что метафизик в относительном видит только относительное, игнорируя абсолютное содержание, которое определяется и *объективным* характером любого, в том числе, и относительного знания. Истинное знание является относительным с точки зрения ограниченного отражения в нем определенных сторон, граней, свойств изучаемого объекта, но это же знание является абсолютным, поскольку отражает реальные объективные стороны, аспекты, свойства данного объекта. Забвение объективности полученных знаний приводит к абсолютизации их относительности, понимаемой к тому же как условность, конвенциональность. Отсюда критериальное утверждение релятивистов об относительности любой истины, о недостижимости абсолютной истины даже понимаемой как «сумма относительных истин» (что ошибочно).

15. *Скептицизм.* Философский статус – это сомнение в возможности объективного критерия истины получает в работах Д. Юма (например, «О человеческом уме»), когда он пишет, что мы не знаем ни одной причины существования явлений мира; что мы вынуждены довольствоваться условными, сомнительными мнениями на уровне «впечатлений от объектов». Этот скептицизм не конструктивного, а разрушительного, деструктивного характера

не является абсолютным агностицизмом, открыто объявляющим познание объектов невозможным, но скептицизм делает оперативное познание бессмысленным, так как выражает сомнение в истинности любого знания. Такова его нигилистическая сущность.

16. *Дуализм Канта.* Особой имитацией критерия истинности является гносеологический *дуализм* И. Канта. Он заложен уже в выделении «априорного» и «апостериорного» знания, «аналитических» и «синтетических» суждений, но жестко проявляется в дуалистическом бытии «вещей-в-себе» и «вещей-для-нас», *вещей непознаваемых* и *вещей познанных*. Строго говоря, Кант не является агностиком, поскольку признает возможность познания *явлений* «вещей-для-нас», но в то же время его отрицание возможности познания *сущности* «вещей-в-себе» – это путь к концепции агностицизма. Эту двойственность Канта В.И. Ленин точно характеризует в «Материализме и эмпириокритицизме». Подобная двойственность всей философии Канта отражает половинчатость его методологических принципов: способность видеть *противоречивость* реальности и даже констатировать наличие *противоположностей* (например, его знаменитые «антиномии») и не способность схватить их диалектическое единство. Даже раздвоенность познанных явлений и непознанных сущностей подталкивала философов к декларации принципиальной *непознаваемости* реальных объектов. В.И. Ленин и здесь делает диалектические уточнения, разграничивая «непознанное» и «непознаваемое»: существуют вещи непознанные, но нет вещей непознаваемых. И именно историческая человеческая практика, на которую постоянно ссылается В.И. Ленин, доказывает эту диалектическую природу знания, поэтому В.И. Ленин позитивно оценивает учение Гегеля о «познании как *процессе* формирования истины».

17. *Непознанное.* Как ни странно, но «непознанное» выступает как критерий познанного, то есть истины. Это продемонстрировал в XIX веке Дюркгейм своей знаменитой работой «Мировые загадки». В ней он предупреждает человечество о множестве *непознанных* явлений, которые ограничивают область познанного, область «истинного знания». Подобная ситуация возникает на каждом этапе человеческой истории: *сосуществование познанного и непознанного*. Сократ, как известно, диалектически разрешал эту «проблемную ситуацию», утверждая, что «чем больше я знаю, тем больше я не знаю». В XX веке в работах советских философов: П. Копнина, Е. Жарикова, И. Мочалова это сократовское понимание «проблемной ситуации» положено в основание *диалектического* учения о проблеме как *единстве знания и незнания*: «знания о незнании». Профессор А.М. Дорожкин в докторской диссертации о «Научном поиске» эту ситуацию *проблематизации* представил как сущностное понимание философии вообще: она должна ставить проблемы, фиксировать знание о незнании, а не давать готовых ответов познавательного характера. Можно заметить, что все науки обладают этой эвристически-проблемной функцией, а она толкает не только к спекулятивному процессу дальнейшего

познания, но и к необходимому обращению к *практике* как универсальному критерию истинности.

18. *Практика*. Среди множества заслуг марксистской философии особо выделяется открытие марксизмом места и роли *практики* в познавательной деятельности людей и в общественном развитии в целом. Ф. Энгельс корректно замечал, что и Гегель учитывал роль практики в познании, но он саму практику понимал как «мыслительную деятельность», как «спекулятивный, интеллектуальный опыт». В СССР подобная тенденция представлена в «методологической школе» Г.П. Щедровицкого с его концепцией «мыследеятельности».

Философское учение марксизма о практике не завершено, поскольку даже две проблемы ее статуса не исследованы основательно:

- а) проблема типологии практики и
- б) проблема функций практики.

В ряде наших работ [9] рассмотрены некоторые аспекты названных проблем.

А. Типология практики традиционно представлена такими ее видами как «научный эксперимент», «материальное производство», «социальная активность» (стачки, забастовки, революции...). Почему-то игнорируются очевидные ссылки на такие виды практики как «производственная практика», «педагогическая практика», «медицинская практика», «художественная практика», «спортивная практика», «управленческая практика» и т.д. Мы имеем в виду *обозначение материально-объективного содержания* в родах, типах, видах человеческой социальной *деятельности* [10]. Компонентный анализ деятельности, ее реальное бытие выявляют диалектическое единство в ней духовных и материальных, субъективных и *объективных* аспектов, где материально-объективные моменты выполняют практически-контрольные функции по отношению к духовно-субъективным целям и операциям. В связи с этим мы в обобщенно-интегральном виде выделяем *восемь типов практики по родам константных деятельностей общества*: экономическую и экологическую, научную и художественную, управленческую и педагогическую, медицинскую и физкультурную.

Б. Функции практики ограничено сводят к критериальной и «источниковой». Наш анализ этой проблемы позволяет выделить по крайней мере более представительное функционирование феномена «практики» в познании:

- 1) практика как конечная, опосредованная *цель* познания, основанная на непосредственной мысленно-поисковой цели познавательной деятельности,
- 2) практика как побудительный симулирующий *источник* познания, определяющий задачи познавательной деятельности,
- 3) практика как объективная *основа* познания, определяющая включение познавательных целей и задач в сферу реально-функционирующих социальных деятельностей,

4) практика как *определиватель* того, что необходимо исследовать в реальных объектах,

5) практика как универсальный *критерий* истинности в ее всемирно-историческом существовании,

6) практика как *хранитель* познавательного опыта человечества (мемориальная функция технологий).

Типологически выделенные нами 18 таксонов, обозначающих альтернативные позиции в понимании критериев истины, могут быть дифференцированы на множество видов-разновидностей или, наоборот, интегрированы в более крупные, общие типы. Важно, что концептуальная системообразующая гносеологию проблема истины и ее критериев остается объектом дискуссий и не является однозначно решенной.

В обыденно-утилитарном применении эти критериальные позиции могут быть представлены кратко:

- истина – это очевидное знание,
- истина – это декларативное знание,
- истина – это общепризнанное знание,
- истина – это полезное знание,
- истина – это эмпирически полученное знание,
- истина – это логически доказанное знание,
- истина – это сравнительно полученное знание,
- истина – это традиционно-каноническое знание,
- истина – это *практически* подтвержденное знание...

В заключении хочется сказать, что *вся проблематика общей теории мировоззрения* предполагает возможность организации аналогичных научных конференций, в ряду которых можно назвать хотя бы две темы:

- 1) проблема специфики *истины* в *типах* мировоззрения;
- 2) проблема компьютера как *квази-субъекта* в условиях современной роботизации.

Список использованной литературы:

1. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Возможна ли универсальная теория истины? // Вестник Российского философского общества. 2018. № 3. С. 11.
2. Зеленев Л.А., Владимиров А.А. Историческая логика становления постмодернизма. Монография. Н.Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2019. 87 с.
3. Зеленев Л.А., Владимиров А.А. Общая теория мировоззрения. Монография. Н.Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2017. 134 с.
4. Зеленев Л.А. Процесс исторического отражения. М.: Искусство, 1969; Зеленев Л.А., Владимиров А.А. Методологический потенциал философии. Монография. Н.Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2016. 168 с.
5. Джемс У. Вселенная с плюралистической точки зрения. М., СПб: Шиповник, 1911.
6. Клаус Ф. Сила слова. М., 1965.

7. Зеленов Л.А., Балакшин А.С., Серафимов М.М. Прогностическая концептология. Н.Новгород: ОАЧ, 2017. 230 с.

8. Зеленов Л.А., Владимиров А.А. Философские школы Нижнего Новгорода (1958-2018). Монография. Н.Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2019. 252 с.

9. Зеленов Л.А. Система философии. Н.Новгород: ННГУ, 1991. 130 с.; Зеленов Л.А., Владимиров А.А., Щуров В.А. История и философия науки. М.: Наука, Флинта, 2008. 472 с.

10. Зеленов Л.А. Альтернативная праксеология. Монография. Н.Новгород: ОАЧ, 2017. 140 с.

Глава 3.

ФИЛОСОФСКАЯ ПАРАДИГМА ИСТИНЫ

Доктор философских наук, профессор. Профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород
Петров Вадим Петрович

Философский разговор об истине ведётся многими поколениями мыслителей. Важным элементом его является выявление сути познания. Познание – это прежде всего деятельность. Такое утверждение основано на том, что познание и деятельность, познание и труд, познание и обучение, познание и обобщение представляют единство. Познание, как и деятельность, труд, обучение, обобщение обязательно включает компонентное обеспечение. Оно представляет специфическую деятельность человека – *познавательную деятельность*, со всеми присущими ей особенностями: ощущением, восприятием, представлением, переживанием, сравнением, осмыслением, абстрагированием, экспериментированием, наблюдением, анализом, синтезом, дедукцией, индукцией и т.п. Это всё различные виды человеческой деятельности, опирающиеся на его духовный мир. Закономерным итогом этой деятельности и является достижение истины.

Деятельность предполагает целесообразное взаимодействие человека с предметным миром. А это целесообразное взаимодействие (целеполагание обязательно) может существовать только тогда, когда оно обеспечено всем набором компонентов деятельности. Их восемь – субъект, объект, средства, процесс, условия, продукт, система, среда. Каждый из компонентов имеет особенности и важен при осуществлении познавательной деятельности. Это проявляется в том, что познавательную деятельность осуществляет человек – субъект познания, обладающий определёнными качествами, и эта деятельность является *субъектной*. Она также *объектна*, то есть акцентирована на объект познания. Она *орудийна*, так как связана со средствами познания. Она *процессуальна*, то есть представлена совокупностью познавательных операций. Она осуществляется при определённых *условиях*, то есть включённости в неё компонентов других систем деятельности. Познавательная деятельность *продуктивна* (результативна), так как целью её является получение конкретного продукта (знаний), иначе деятельность превращается в безрезультатное процессуирование. Она *системно* организована, упорядочена, структурирована. Познавательная деятельность осуществляется в *среде*, то есть во взаимоотношениях с другими системами деятельности, которые выступают в качестве активного фона и потенциала компонентов познавательной деятельности [1, с. 141].

Субъект познания. Субъектом познания является индивид, включённый

в процесс познания и осуществляющий его, обладающий потребностью и способностью к познавательной деятельности. Субъект познания – это функциональное образование человека на своей собственной основе, потому как человек многофункционален и может быть и субъектом управления, и субъектом права, и субъектом хозяйствования и т.п. Чтобы быть субъектом познания, человек должен обладать двумя обязательными качествами: потребностями и способностями. Потребности – побудительная сила человека (мотив); способности – его деятельностная сила (умения). Всё остальное в этом аспекте – интересы, влечения, воображение, мышление, речь, память и т.п. – это разнообразные вариации потребности и способности.

В структуре потребностей субъекта познания концептуальными блоками являются – «цель познания: задачи познания: программа познания». Это полагает следующее: на основании цели познания (интегратор целеполагания) развёртываются задачи познавательной деятельности, а они оформляются в конкретную программу познания.

В структуре способностей субъекта познания концептуальными блоками являются – «методы : способы : методики». Здесь также идёт движение от абстрактного к конкретному: методы познания конкретизируются в способах, а способы в конкретных методиках. Это является инструментальной, технологической стороной познавательной деятельности.

Объект познания. Объект познания – это тот аспект действительности, реальности, предмета, который включён в познавательную деятельность, на который направлена активность субъекта познания. Например, «дерево» – это предмет познания, то есть общее, а его биологические или лесотехнические, экологические или эстетические, валеологические или геометрические, физические или химические свойства – это объект познания биолога или лесоведа, эколога или художника, валеолога или архитектора, физика или химика.

Средства познания. Познавательная деятельность человека представлена отношением субъекта и объекта. Весь массив познания связан с посредниками между субъектом и объектом – приборы, оборудование, инструменты, орудия, аппараты. Средства познания – это все материальные образования, которые использует субъект познания объекта: микроскоп и телескоп, камера Вильсона и синхрофазотрон, космический корабль и логарифмическая линейка, анкеты у социолога и животные у зоолога. Всё это материальные средства познавательной деятельности. Они могут быть естественными и искусственными.

Процесс познания. Познавательная деятельность процессуальная. Процесс познания – это вся совокупность познавательных операций субъекта: ощущение, восприятие, представление, осмысление, наблюдение, эксперимент, объяснение, анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, моделирование, экстраполяция и многое другое.

Процессуальность познавательной деятельности представлена в различных подходах: «от простого созерцания – к абстрактному мышлению – и

от него к практике», чувственный и рационально-логический этапы познания, гипотеза – эксперимент – теоретические выводы.

Условия познания. Это компоненты внешних, иных систем деятельности, которые включены в познавательную деятельность: обслуживающий персонал, транспортные средства, статистические работники, управленцы, производственные и военные полигоны, заказчики, финансовые органы и другие. Они определяют, обрамляют, обеспечивают, используют познавательную деятельность, не являясь ни субъектами, ни объектами, ни средствами, ни результатом, ни средой данного познавательного процесса.

Результат познания. Цель познания должна быть достигнута, чтобы процесс познания состоялся. Цель реализуется в результате, но результат богаче «реализованной цели», потому что могут быть получены те результаты, которые не представлены, не спрогнозированы, не спроектированы, не заданы в цели (результат – это «продукт» и «отход», то есть достигнутая цель и дополнительные результаты познания).

Система познания. Речь идёт об организации познавательной деятельности, об упорядоченности. Система – это структурный состав. Система есть единство состава и структуры. Состав – это совокупность компонентов деятельности (субъект, объект...). Структура – это совокупность отношений компонентов. Отношение – это единство связи (сходство, общность, единство) и отграниченности (обособленность, различие, специфичность). Между компонентами познания и устанавливаются объективно и субъективно отношения сходства и различия, единства и противостояния.

Среда познания. Познавательная деятельность как система существует в сложных отношениях с другими системами деятельности общества: управленческой, производственно-экономической, педагогической, экологической, медицинской, художественной, физической, оборонной, общественной безопасности и их подсистемами. Всё это мы и называем средой: активный фон и потенциал познавательной деятельности. Фон влияет на познание, из среды черпаются недостающие, новые компоненты, в среду адресуются результаты познания [2, с. 141-145].

Отдельно необходимо сказать о научном познании.

Познавательная деятельность человека может быть направлена на познание уже познанного, изученного – это узнавание, распознавание, усвоение, образование; и на познание ещё непознанного, неизвестного, нового – это исследование, научное познание, открытие, создание интеллектуальной собственности.

Наука занимается исследованиями новых объектов. Научное познание связано с генерированием, производством нового знания, которым наука насыщает общество и его институты. Достоверные знания способствуют эффективному развитию общества, всех сфер общественной жизни. Возникновение науки, её современное состояние, перспективы обусловлены общественной потребностью в знаниях.

Система человеческого знания, система наук включает четыре

междисциплинарных комплексов: 1) естествознание – учение о природе, комплекс естественных наук; 2) технoзнание – учение о технике, комплекс технических наук; 3) обществознание – учение об обществе, комплекс общественных наук; 4) гуманитарное знание (человековедение) – учение о человеке, комплекс гуманитарных наук.

Процесс познания, то есть приращение знаний происходит в системе всех четырёх комплексов знания. В каждом из них учёные, научные коллективы используют как специфические методы исследования, так и междисциплинарную методологию, внося свой вклад в познавательную деятельность. При этом стоит отметить, что человекознание, человековедение как самостоятельный междисциплинарный комплекс пока ещё находится в стадии формирования, и многие научно-познавательные проблемы рассматриваются не комплексно, а через специфику частнонаучного знания о человеке.

В целом же история науки, научного познания показала, что формирование методологии познания было детерминировано потребностью осуществления научной деятельности, результатом чего и стали такие методы как наблюдение, измерение, сравнение, эксперимент, индукция, дедукция, анализ, синтез, экстраполяция, моделирование, аналогия, системный подход, построение когнитивных карт и многие другие. Они отражают логику научного исследования, методологию научного творчества. В частности, *наблюдение* – это познание предмета в его естественных условиях; *эксперимент* – изучение предмета в искусственных, контролируемых условиях; *индукция* – подведение частных знаний к общему выводу; *дедукция* – выведение частных знаний о предметах из общих положений; *анализ* – познание предмета на основе изучения его частей, компонентов; *синтез* – познание целостности предмета путём объединения знаний о его составных частях, элементах; *экстраполяция* – познание предмета путём переноса знания с одного (изученного) предмета на другой; *моделирование* – изучение предмета не в непосредственном виде, а на основе познания его моделей, заместителей натурального бытия предмета; *системный подход* – изучение предмета как системы (совокупность компонентов) и структуры (способ связей компонентов); *построение когнитивных карт* – отражение результатов активного взаимодействия субъекта с окружающим миром.

Уяснив природу и сущность познания, включая научное познание, мы и определяем характер и сущность истины. Знания об истине являются предметом гносеологии. Истина – продукт познания.

Наше знание – это отражение объективно существующего мира. То есть такого мира, каким он есть сам по себе независимо от нашего сознания, которое принадлежит субъекту, следовательно, субъективно. Закономерно встаёт вопрос об истинности человеческого знания: что представляет собой истина, чем она достигается, каков критерий отделения истинного знания от ложного?

Это непростой вопрос, но он предметен, так как результаты человеческого познания могут быть различными. В ходе познания человек

может приходить не только к новому знанию, но и к непониманию отдельных вещей. Поэтому возникают проблемы, требующие дополнительного исследования, оценки фактического материала, иной методологии. Например, история искусственного осуществления термоядерной реакции – создание водородной бомбы в США и СССР. В США в середине XX в. Эдвард Теллер – физик-теоретик в лабораторных условиях на современном по тем временам компьютерном оборудовании рассчитал варианты управляемой термоядерной реакции в земных условиях. На засекреченной научной конференции в Лос-Аламосе в 1946 г. он представил отчёт LA-551, суть которого состояла в том, что водородную бомбу на дейтерии создать невозможно. Советские учёные-физики, в числе которых были А.Д. Сахаров и В.Л. Гинзбург решили задачу осуществления термоядерной реакции теоретически и практически: в 1949 г. в СССР было создано атомное оружие, а в 1953 г. прошло испытание водородной бомбы. Сахаров позднее занимал пацифистскую позицию, осуждал ввод советских войск в Афганистан. 8.01.1989 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был лишён наград и званий, включая звание трижды Героя Социалистического Труда, сослан в город Горький, но в марте 1989 г. был избран народным депутатом СССР. Гинзбург в 2003 г. стал лауреатом Нобелевской премии по физике. Практически параллельная деятельность двух ведущих научных центров мира по схожей тематике в области ядерной физики подтверждает необходимость поиска достоверного знания разными методами.

Наше знание необходимо рассматривать как биполярное, оно одновременно: вероятное (гипотеза и проблема) и достоверное (теория); истинное (истина) и ложное (заблуждение).

Истина понимается как знание, достоверно отражающее действительность. Она есть фактическое знание, то есть основанное на фактах, доказательствах, проверках.

Ложное знание искажает реальность, неверно отражает действительность, не имеет достаточного, всестороннего фактического обоснования. Существует два вида ложного знания: заблуждение и ложь. Заблуждение – это ошибка, неумышленное, бессознательное, непреднамеренное искажение реальности; ложь – это преднамеренное, умышленное, осознанное искажение действительности.

В результате познания формируются основные его продукты: ложное знание; проблема (проблематичное знание); гипотеза (гипотетическое знание); теория (достоверное знание).

Истина представляет сложное диалектическое образование: она есть *единство* объективного и субъективного, абсолютного и относительного, абстрактного и конкретного. Данная поляризация необходима для понимания истины, понимания истинности продуктов познания.

Объективное в истине то, что её содержание не зависит ни от человека, ни от человечества; то, что содержится в истинном суждении, не зависит от сознания и воли человека (например: свинец – металл; Пётр I – российский император).

Субъективное в истине то, что она является формой человеческой деятельности. Истина субъективна по происхождению и существованию: её создаёт человек, обладающий сознанием, и она существует в человеческом сознании. Истина – продукт нашего сознания, а не предмет отражения: человек познаёт не истину, а объекты, а истина как суждение – это результат его познания. Поэтому речь должна вестись не о том, что истина субъективна, а о субъективности истины (например: понятия, данные субъектом познания).

Абсолютное в истине то, что существует неизменно, ибо в нашем знании имеется нечто такое, что не опровергается последующим ходом науки, а обогащается новым содержанием. Чтобы доказать абсолютность истины, достаточно указать хотя бы на одно отношение, в котором она сохраняет свою достоверность, истинность (например: Земля вращается вокруг Солнца).

Относительное в истине то, что в каждый данный момент наше знание относительно, поскольку оно неполно отражает действительность, следовательно, является истиной лишь в определённых пределах, которые расширяются или сужаются в ходе развития познания. Истина достоверна лишь по отношению к конкретным свойствам, временным и пространственным условиям, то есть по месту, времени, ситуации, свойству. Чтобы доказать относительность истины, достаточно указать хотя бы одно отношение, в котором она недостоверна, неистинна (например: утверждение, что каждое утро начинается с рассвета. А на Севере?).

Абстрактное в истине то, что она отвлекается от конкретных обстоятельств, обладает общим и всеобщим характером. Абстрактными, то есть всеобщими или общими являются все виды познавательных выводов (например: все люди обладают сознанием; трение рождает теплоту).

Конкретное в истине то, что она приложима к любому конкретному явлению, которое входит в класс, в тип отражённых в ней явлений (например, суждение о том, что трение рождает теплоту, относится и к трению деревянных предметов, и к трению колёс о поверхность дороги, и к трению ладони о ладонь).

Общий принцип в отношении истины достаточно прост с позиций диалектического метода:

- единство объективности и субъективности в истине;
- единство абсолютности и относительности в истине;
- единство абстрактности и конкретности в истине.

Иначе говоря, не может быть объективной и субъективной истины, абстрактной и конкретной истины, абсолютной и относительной истины. В каждой истине содержатся оба аспекта. Мы можем говорить лишь об объективности и субъективности истины, абстрактности и конкретности истины, абсолютности и относительности истины.

Истина – достоверное знание.

Стоит отметить роль практики в достижении истины, её зачастую считают критерием истины.

Практика – это материальная, чувственно-предметная деятельность,

содержанием которой является освоение и преобразование природных и социальных объектов.

История научного познания свидетельствует о том, что вслед за практическими применениями открытий начинается активное развитие пограничных областей знания. Естественные, технические, общественные, гуманитарные науки, выйдя на арену практического применения, создают механизм обратной связи между теорией и практикой, который становится определяющим при выборе перспективных направлений деятельности. На практике проверяется истинность знаний, она становится их критерием.

Новые знания, полученные в ходе познавательной деятельности, во многом характеризуют её как творческую. Творческий подход – это проявление незаурядных способностей человека. Его сутью является создание новых по замыслу продуктов деятельности (научных, технических и иных). Применительно к научному познанию – это выявленные закономерности, новые методы, прорывные теории, учения. Их применение способствует появлению инноваций во всех сферах общественной жизни: в экономике, медицине, обороне и других. Инновации, основанные на новациях, блестяще зарекомендовали себя в различных областях, в частности, в приборостроении, авионике, космической технике. Творческие замыслы здесь реализованы на практике, подтверждая суть и необходимость познавательной деятельности [3, с. 269-271].

Список использованной литературы:

1. Зеленов Л.А. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. I. Философия. Н.Новгород: Гладкова О.В, 2006. 168 с.
2. Там же.
3. Петров В.П. Философия : Курс лекций. Учеб. для вузов. М.: Издательство ВЛАДОС, 2018. 461 с.

Глава 4.

ПАРАДОКСЫ ПЕРЕВЕРНУТОЙ ИСТИНЫ

доктор философских наук, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой философии и политологии Башкирского государственного университета; профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД РФ, Уфа,

Кудряшев Александр Федорович;

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета, Уфа,

Елхова Оксана Игоревна

*And is it True? It is not True.
And if it were it wouldn't do,
For people such as me and you
Who pretty nearly all day long
Are doing something rather wrong...*

Hilaire Belloc [13, p.144]

Данной работой мы хотим привлечь внимание к особенностям, которыми обладает выделенная нами разновидность истины и которую предлагается называть перевернутой истиной. По каким-то непонятным нам причинам эту разновидность истины специальному исследованию философы еще не подвергали, хотя она весьма часто встречается в различных областях деятельности, причем несет в себе заряд парадоксальности, мастерски обыгрываемой в ряде широко известных сочинений из разряда мировой классики. Вместе с тем, она может служить и средством имитации своего двойника – исходной, «неперевернутой» истины – с софистической целью «доказать недоказуемое».

Собственно говоря, речь идет не об истине и неистине, как таковых, а об истинных и неистинных высказываниях. Тем не менее, будем считать, что мы договорились относительно того, какую именно концепцию истины полагаем справедливой, и значит, мы знаем, что такое истина и что такое ложь. Для любителей большей конкретности пусть, например, от лжи истина отличается посредством критериев верификации и фальсификации. Слово «перевернутый» мы берем здесь в значении – извращённый, но не как выходящий за рамки общепринятой морали, как *не подчиняющийся* логике здравого смысла, представлениям, принятым в науке и ставшим привычными, идеалам и нормам рассудочной деятельности и т.п.

Хотя истина считается категорией гносеологии, мы будем искать и ее опору на онтологический фундамент. В каком именно отношении определяется

такая опора, будет ясно из приводимых ниже соображений. «Перевернутая истина» – это тоже истина, т.е. истинное высказывание, но противоположное «неперевернутой», или нормальной, истине, и потому она истина не там и не тогда, где и когда истиной является ее отрицание.

О высказываниях типа «перевернутой истины» известно давно, но только почему-то как определенный тип высказываний они мало кого интересовали. Вот что мы можем найти, например, у Л. Витгенштейна: «Каждое высказывание является, по сути, истинно-ложным. Чтобы понять это, мы должны знать, в каком случае оно истинно, а в каком ложно. Таким образом, высказывание имеет два *полюса* в соответствии с его истинностью и ложностью. И это называется *значением* высказывания» [цит. по: 3, с.24]. Тут прямо прочитывается мысль, что в любом высказывании потенциально содержатся два противоположных значения, каждое из которых может быть актуализировано в определенном отношении. Если эти два противоположных значения пытаться совмещать, то создается возможность получить результат в виде парадокса.

Например, подобные совмещения характеризуют и художественное, и эпистолярное творчество Марины Цветаевой. Известный исследователь ее обширного наследия Майя Ляпон, наряду с его обобщенной оценкой, выделяет в нем следующие парадоксальные сочетания. Марина Цветаева «...безапелляционно отрицает то, что только что утверждалось...»: «любила многих, никого не любила»; «эта книга... – Это не книга»; «...Вы меня не знаете... – и знаете...»; «Ты веселишься... Не ты веселишься»; «Нас нигде не будет, мы будем ВЕЗДЕ» [5, с.231].

Очевидность противоречий самой себе не только словно выпячивается из текстов поэта, но и намеренно создается их автором в первоизданном, и потому примитивном виде. «Такое «да-нет» у Цветаевой нерасчленимо: это почти синхронная вербализация двух полярных смыслов, схваченная на лету амбивалентная истина. В подобных случаях мы наблюдаем не что иное, как смысловой исход парадокса, парадокс-примитив, – металогизм в чистом виде» [5, с.231].

«Амбивалентная истина» – так называет смысловое соединение типа «да-нет» Майя Ляпон. Мы знаем и другое его название: антиномия. Сразу же вспоминается и другое схожее понятие – двойственной истины. Однако в случае с перевернутой истиной речь идет о нечто другом.

Для начала сопоставим «перевернутую истину» с тем, что называется антиномией. В антиномии, имеющей вид $A \& \bar{A}$, обе ее стороны одинаково равноправны и обе полагаются одновременно истинными. Более того, в антиномии должно выполняться «следование из»: из правой части следует ее отрицание в виде левой части, и, наоборот, – из левой части следует правая часть антиномии. Здесь нет «перевернутой истины», в случае которой «неперевернутая» и «перевернутая истина» соединены не конъюнктивно, а дизъюнктивно (в одном и том же отношении истинно или то, или другое). Правда, как известно, «следованием» соответствующие рассуждения, обычно

приводимые в качестве выводов, можно назвать с большой натяжкой. Дело даже не в неубедительности самой процедуры «доказательств», как это получилось у Канта с его доказательствами антиномий чистого разума, а в подозрительности исходного принципа этих «доказательств», использующих «метод от противного».

Практически именно на существование антиномий и их важнейшую методологическую роль в науке указывал, например, датский физик Нильс Бор, как бы предупреждавший, что их не надо путать с абсурдом: «Два вида истины: глубокие истины, узнаваемые по факту, что противоположность также является глубокой истиной, в отличие от тривиальностей, где противоположности явно абсурдны» [12, р.328]. Вместе с тем Бор говорил о сумасшедших (crazy) теориях, точнее, достаточно сумасшедших, чтобы быть истинными. Поскольку такие теории должны противоречить господствующему в науке стилю мышления и быть дополнительными к общепринятым теориям, постольку мы вправе видеть в понятии сумасшедшей теории Бора косвенное указание и на перевернутую истину.

Аналогично понятию антиномии, то, что в богословии называется двойственной (или двойной) истиной, так же не дает пример «перевернутой истины». Однако здесь мы имеем дело, пожалуй, с более тонким отличием. В случае двойственной истины различают божественные откровения и истины науки, причем первые относятся к области потустороннего мира, а вторые – к области посюстороннего мира. Поэтому между ними не может быть конфликта. «Перевернутая истина», напротив, принципиально рождается в конфликте со своим двойником, истиной общепринятого типа и на его «территории». Пример двойственной истины: мир одновременно и вечный, и тварный (данной проблеме уделили значительное внимание Ибн Сина и другие арабские мыслители, не находившие в таком сочетании понятий никакого формального противоречия).

Добавим еще, что «перевернутая истина», хотя и непосредственно связана с понятием «отрицательная истина», все же другое понятие. «Отрицательная истина», по существу, подразумевает экзистенциальное суждение и противопоставлена «положительной истине»: в то время как вторая утверждает существование определенного объекта, первая отрицает его существование. В «перевернутой истине» экзистенциальный момент в его отрицательном смысле, безусловно, присутствует, но только косвенным образом. Превалирует же в ней «положительная» сторона, не сводимая не только к этому отрицательному моменту, но и к экзистенциальному элементу вообще и утверждающая ее истинность (она же истина!) за пределами области, где ее не может быть.

Стоит обратить внимание на онтологическое расширение сферы рассмотрения: к действительному миру с его истинностными отношениями «А есть В» «перевернутая истина» добавляет мир «А есть не В», противоположный по смыслу, к которому, в принципе, можно добавить мир, соответствующий «А есть В и не В», как это сделал Н.А. Васильев в своей воображаемой логике с

законом исключенного четвертого и назвавший третью форму суждения «индифферентным суждением», почему этот третий мир можно называть «индифферентным» (два первых суждения названы им, соответственно, «простое утверждение» и «простое отрицание»). Любопытно отметить формальное сходство утвердительного, отрицательного и индифферентного суждений с тремя основоположениями «Наукоучения» И.Г. Фихте (точнее, речь идет о его первом «Наукоучении»): «Я есть Я», «Я есть не-Я», «Я есть Я и не-Я». Фихтевское «Наукоучение» приспособлено для раскрытия содержания деятельностного отношения субъекта («Я») к окружающему его миру («не-Я»). Вместе «Я» и «не-Я» составляют у Фихте единый мир субъективной деятельности, тогда как в нашем случае выделение утвердительного и отрицательного («перевернутого») миров происходит по формальному признаку прямого отрицания.

Естественным образом возникает желание сопоставить понятие перевернутой истины с критерием фальсификации К. Поппера для того, чтобы определить возможные зоны пересечения их смыслов. Однако следует учитывать, что сам Поппер относил фальсификацию к проблеме демаркации, т.е. разграничения науки и ненауки. Вопрос об определении истинности, по его собственному признанию, его не интересовал [см.: 8]. Напомним, что Поппер подчеркивал совпадение в своей концепции фальсифицируемости, опровержимости и проверяемости, представляющими у него единым критерием научности теории. Следуя Попперу, принцип фальсификации мы не будем применять «не по назначению», т.е. для выделения мира «неистины», тогда как в нашей работе именно такой мир предстает объектом рассмотрения.

Распространенными примерами, иллюстрирующими «перевернутую истину», могут служить образы различных литературных «оборотней», населяющих многочисленные сказочные миры, включая, если брать российскую литературу, фантазмагии молодого Н.В. Гоголя, а до него романтические баллады В.А. Жуковского, тогда как несколько позже – вполне реалистическую трилогию А.В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина». Тема «оборачивания» («переворачивания»), как мы знаем, имеет методологическое продолжение в виде мощного эвристического средства – обораживания метода, о чем в свое время хорошо высказался К. Маркс, имевший в виду, прежде всего, методы математики.

Кратко предварим последующие рассуждения их общим планом.

Рассматривается задача 1. Найти для явно ложного суждения (например, $2*2=5$) интерпретацию, делающую его истинным. Такая интерпретация будет приспособленной для каждого конкретного случая, и потому назовем ее *ad hoc*-интерпретацией. Здесь перевернутая истина обозначает скорее исключение из правил и не вписывается в теоретический стандарт рассуждений, в которых истинность исходного суждения выглядит законом, подразумевающим подчинение модальности долженствования («так должно быть»). По существу, речь идет о мире действительного бытия, к которому принадлежим и мы все, но

в котором имеются необъяснимые явления, нарушающие привычное течение событий.

Задача 2. Ставится задача определения самой возможности мира и его онтологии, где нормой и правилом являются те «ненормальные» для действительного мира явления, которые соответствуют введенному нами понятию «перевернутой истины», а то, что обычно и правильно для действительного мира, здесь выглядит неуместным. Онтология же понимается в традиционном смысле, а именно как учение о бытии, т.е. определенная система знаний, не содержащая внутренних противоречий, по крайней мере, в их явной форме. Отличие учения от теории можно видеть в том, что в теории формулируются ее законы, а в учении даются формулировки правил, которые, в отличие от законов, знают исключения. Подобные миры, если они в каком-то смысле существуют, следует относить к воображаемым и возможным мирам. Однако их существование как возможных выглядит совершенно неочевидным, поскольку степень абстрактности здесь так высока, что они способны превращаться в невозможные миры.

Обсуждаем конкретные примеры. В них мы пытаемся найти ответ на вопрос о степени недостоверности описываемого в примерах мира, для чего ищем в нем элементы, делающие его невозможным.

- 1. **Мифы.** Древний миф наполнял сознание древнего человека образами, среди которых было большое множество совершенно фантастических, отличающихся от галлюцинаций как болезненных состояний индивидуального сознания своим социально детерминированным характером. Критическая мысль первых философов и расширение сферы жизненного опыта древних людей сделали свое дело: миф рационально переосмысливался, и из него постепенно удалялись элементы, не соответствующие действительности. По мнению Поппера, мифы свойственны и науке, причем он видел возможность их дальнейшего развития и способность предвосхищения подлинно научных результатов. Таким образом, миф мы трактуем содержащим перевернутые истины, неверно относимые людьми, верящими в их справедливость, к разряду подлинных истин.

- 2. **Религия.** Как отмечалось выше, в традиционных религиозных учениях понятие истины (в данном случае божественной истины) используется как беспрекословная характеристика потустороннего мира и как атрибут высказываний пророков. Конечно, в каждой религии имеются свои особенности, а на базе одной и той же религиозной основы плодятся разнообразные секты. Поэтому, чтобы избежать неправомочных обобщений, напомним лишь православную традицию толкования истины, в которой запечатлено, что Иисус отвечал Пилату. В частности: «...Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» [7, Иоан., 18: 37]. Знаменитый вопрос Пилата: «Что есть истина?» находит в Евангелии от Иоанна ответ словами Иисуса, обращенными к Отцу: «...слово Твое есть истина» [7, Иоан., 17: 17]. Согласно Евангелию, Иисус не от мира сего. Именно потому, что мир сей пребывает в грехе, прибыл

в него Иисус, дабы его от греха избавить. Потому истинный мир находится по ту сторону сего, греховного, значит – неистинного мира. Для более адекватной передачи противоположности загробного мира миру земному православные иконописцы Византии и Древней Руси разработали прием обратной перспективы, широко применяемый в духовной живописи.

- 3. *Гулливер* (Дж. Свифт). В книге (1726) о путешествиях Гулливера четыре части, две из которых известны более всего и рассказывают о пребывании Гулливера в Лилипутии и стране великанов. Недостоверность происходящего проистекает не только из-за размеров обитателей этих стран (12-тикратный уменьшенный масштаб лилипутов и 12-тикратный увеличенный масштаб великанов), но уже изначально из-за отсутствия на географической карте Земли таких «стран». Интереснее две другие части «Путешествий», где есть летающий населенный остров Лапута, страна Глаббдобдриб с жителями, вызывающими для бесед тени умерших, страна Лаггнегг с бессмертными старцами, обреченными на болезни.

- 4. *Тот самый Мюнхгаузен*. Целый арсенал невероятных событий собран под именем Мюнхгаузена (Р.Э. Распе, 1785; Г.А. Бюргер, 1786). Два равноправных автора историй про Мюнхгаузена стоят рядом не случайно: Бюргер вернул на родную немецкую почву, причем в значительно более расширенном виде, анекдоты, которые первым литературно обработал французский писатель. Однако для наших иллюстраций «перевернутой истины», пожалуй, больше подходит история про Мюнхгаузена, рассказанная Г.И. Гориным (1974) и положенная в основу сценария для популярного у зрителей двухсерийного телефильма М.А. Захарова «Тот самый Мюнхгаузен» (1979).

- 5. *Алиса в стране чудес (1864), Алиса в Зазеркалье (1871)* Л. Кэрролла. Здесь собрано невероятное количество парадоксальных ситуаций, объясняемых «сонной» направленностью сказок. Среди этих ситуаций, например, автономно существующая улыбка (лучше переводить – оскал, поскольку в оригинале употреблено слово grin) Чеширского Кота. А во сне может быть все, что угодно, т.е. и то, что в жизни никогда не может встретиться. Кэрролла считают прямым продолжателем характерной для британской литературы линии гротеска, доходящего до бессмыслицы, в чем особенно преуспел опередивший Кэрролла в жанре нонсенса его современник Эдвард Лир (Edward Lear).

- 6. *Королевство кривых зеркал* (В.Г. Губарев, 1951). Виновниками страданий людей в Зазеркалье являются правители, заставляющие подданных смотреть в кривые зеркала. Моральный вывод сказки – жить во лжи нельзя, однако в жизни целого общества невозможно пребывать всегда и везде в одной только истине, которую правда не может заменить. Любопытно, что героиня сказки Оля после внедрения в Зазеркалье жизни по правде там не остается, а возвращается в изначально более сложный мир, который занимает срединное положение между двумя мирами («жизни во лжи» и «жизни по правде»).

- 7. *«Чайник Рассела»* (1952): В своем знаменитом парадоксе Б. Рассел выдвигает тезис, в котором утверждается об обращении между Землёй и

Марсом по эллиптической орбите вокруг Солнца фарфорового заварочного чайника. Мыслитель при этом предусмотрительно добавляет: поскольку чайник так мал, что он не фиксируется даже сверхмощными новейшими телескопами, то никто не сможет опровергнуть его тезис. «Чайник Рассела» является яркой иллюстрацией «перевернутой истины» как не подчиняющейся логике здравого смысла и принятым в науке традиционным представлениям.

- 8. **Утопии**, а также **антиутопии** нами осмысливаются как фантастические миры, принципиально содержащие «перевернутые истины», что делает их невозможными с точки зрения превращения в действительность. Можно напомнить, что слово «утопия» имеет двойственное толкование: это и «место, которого нет», и одновременно «страна блаженства». Вместе с тем, как всем нам известно, некоторые утопические проекты со временем способны воплощаться в действительность, которая даже может превосходить ожидания. Но в любом подобном случае, идеальный и более общий компонент утопического проекта принимает конкретную форму, трансформируясь в свою реалистическую модель, причем менее общего характера. Кроме того, размещение утопии во временной контекст противоречит ее вневременному смыслу. В результате, мы имеем дело уже не с самой утопией, как таковой, а с ее заместителем, очень похожим на нее аналогом, допускающим не только мысленные, но и социальные, физические и другие материальные эксперименты.

- 9. **Антимир**. Понятие антимира распространилось в культурной среде, будучи воспринятым у физиков. В 1933 году Поль Дирак предположил возможность существования антимира, состоящего из антивещества со свойствами, противоположными свойствам обычного вещества, поскольку антивещество должно слагаться из античастиц. В отличие от гипотезы существования антивещества, гипотеза существования антимира в обычном пространстве и времени не находит своего подтверждения. И все же, несмотря на отсутствие эмпирического подтверждения, гипотеза существования физического антимира до сих пор сохраняется, причем не только в виде мира, внедренного в нашу Вселенную, но и в виде мира, параллельного нашему и существующему в своем пространстве и времени. Понятие антимира используется в научной фантастике, но многие советские гуманитарии впервые столкнулись с этим понятием, познакомившись с книгой стихов А.А. Вознесенского «Антимиры» (1964 год). Под таким же названием в Московском театре на Таганке долго шел поставленный Ю.П. Любимовым в самом начале 1965 года и ставший знаменитым спектакль, в который время от времени включались новые стихи А.А. Вознесенского и в котором поэт иногда принимал непосредственное участие. Ключевым стихотворением были датированные 1961 годом «Антимиры» с Лукашкиным и Антибукашкиным, и, например, с такими словами: «Нет женщин – есть антимужчины, в лесах ревут антимашины...».

- 10. **Трикстеры** (от англ. trickster – обманщик, ловкач). Согласно К.Г. Юнгу, трикстер – это коллективное бессознательное, наделенное чертами,

выделяющими своего носителя из окружения за счет нарушения им общепринятых норм поведения. Трикстеры исповедуют как раз «перевернутую истину», потому-то они в окружающем мире выглядят инородцами, исключениями из правил. Мир трикстеров разнообразен: их много и в реальной земной жизни, и в жизни персонажей литературных и иных художественных произведений (юродивые, князь Мышкин, да и сам Федор Михайлович, автор «Идиота», обладал чертами, идентифицируемыми как признаки трикстера).

- 11. *Розыгрыши в жанре «фикшн»*. Блестящие примеры розыгрышей в жанре «фикшн», смыкающиеся с так называемым троллингом, дают два известных радио- и телесобытия. Это радиопостановка «Война миров», выполненная под руководством Орсона Уэллса и переданная по американскому радио накануне Хэллоуина 30 октября 1938 года, и телепередача «Ленин – Гриб», осуществленная С.А. Курехиным и показанная по Ленинградскому телевидению 17 мая 1991 года. В первой инсценировалась высадка воинственно настроенных марсиан на территорию США, во второй утверждалась абсурдная мысль о двойственной природе Ленина, бывшего, якобы, и грибом, и радиоволной одновременно. Пожалуй, еще большее желаемое С.А. Курехиным впечатление достигается, если эту телепередачу не смотреть, а слушать, как это было в случае с радиопостановкой О. Уэллса. Совсем недавно по Интернету пронеслась волна «новостей», что Земля на самом деле плоская. Все это – замечательные примеры «перевернутых истин». Иллюзии достоверности во всех приведенных примерах было минимальное количество, но люди попались на крючок иллюзионистов в массовом масштабе. Как подобный эффект технически достигается? Например, сочетанием несочетаемого, выполненным с акцентировкой, соответствующей намерениям автора, типа: «Париж. Площадь Ильича. Пересечение улицы Елисейские поля и шоссе Энтузиастов» и т.д. Поначалу выглядящая как простое ерничанье, подобная абсурдная заставка в своем развитии может превратиться в розыгрыш и мистификацию, сравнимые с названными выше.

На примере названия упомянутой мистификации Курехина можно судить о метафоре как средстве введения перевернутой истины и последующей замены ею подлинной истины для манипулирования сознанием излишне доверчивого слушателя (зрителя, ученика, последователя). Другими подобными средствами могут быть гипертрофирование и абсолютизация, используемые, в частности, в рекламе. Иллюстрацией здесь может являться реклама пылесоса Dirt Devil – Изгнание беса, наглядно демонстрирующая, как этот пылесос притягивает к потолку соседку снизу, см.: <https://www.youtube.com/watch?v=Py2QFQWMsQ>.

- 12. «*Равенство*» $2*2=5$ можно иллюстрировать многими мысленными экспериментами. Например, гипотетическим львом, главой прайда, который прикорнул на часок в окружении четырех львиц, а когда проснулся, их было уже пятеро. Откуда взялась пятая львица? Вариантов возможного объяснения не так уж мало, но важно иное – такие случаи, когда им можно найти объяснение, в нормальной жизни предстают как исключения из правил. Но если угодно, если объяснений не находится, подобные происшествия мы склонны

называть чудом. Другой вопрос – вообще не может быть объяснения, или мы объяснения не знаем? Вместе с тем отметим, что понятие «чудо» совсем не обязательно соотносить с понятием «сверхъестественное». Прежде всего, феномен чуда оказывается связанным с причинностью и проявляется там, где причинно-следственное толкование недостаточно для разъяснения произошедшего события. Это можно объяснить тем, что происходящее в мире может превышать порядок наличных вещей, фактически данных человеку, и не всегда выводится из доступных ему причинно-следственных рядов. Как бы там ни было, понятие чуда весьма широкое и не ограничивается подобными арифметическими примерами «перевернутых истин», но уже таким примерам нет числа, поэтому мы ограничимся одним-единственным.

- 13. *Традиционная хронология И.Ю. Скалигера и «Новая хронология» А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского.* Понятие «перевернутой истины» можно применить к противостоянию традиционной и «Новой хронологии». Традиционная историческая хронология обозначается как «скалигеровская» по имени одного из ее создателей – историографа И.Ю. Скалигера (1540-1609), гуманиста сразу двух исторических периодов: позднего Возрождения и раннего Нового времени. То, что сейчас называется Новой хронологией, создано путем анализа исторических источников с использованием методов математической статистики и современных компьютерных технологий.

В основе «Новой хронологии» лежат идеи русского революционера-народника Н.А. Морозова. В период сверхдлительного (много более двух десятилетий) пребывания в одиночках Шлиссельбурга и Петропавловки имевший возможность пользоваться научной литературой Н.А. Морозов подметил сходство хронологических рядов из разных исторических эпох. Впоследствии он стал крупным советским ученым и был одним из старейших участников Великой Отечественной войны, буквально «с винтовкой в руках» принимавшим участие в боевых операциях. В свое время теория Н.А. Морозова, пересматривавшая традиционную хронологию, заинтересовала советского математика М.М. Постникова, который познакомил с ней ряд преподавателей мехмата МГУ им. М.В. Ломоносова, среди которых был А.Т. Фоменко (курс лекций по этой теории М.М. Постников прочел на мехмате как раз по его просьбе). Теперь А.Т. Фоменко – не только академик нескольких академий, в том числе РАН, и автор многочисленных научных работ, получивших мировое признание. Он, а также его соавтор Г.В. Носовский, осуществляя математическое расследование прошлого, убедили себя в ложности существующей хронологии исторических событий, требующей, как они считают, коренного пересмотра. «Новая хронология» является альтернативной сложившимся в исторической науке представлениям, что является своего рода реконструкцией истории, ее новой интерпретацией.

А.Т. Фоменко предлагает свою точку зрения на исторический процесс, базируясь на тезисе об ошибочности существующей хронологической концепции истории. По структуре «Новая хронология» состоит из двух частей. Первая часть представлена математическими методами исследования

исторического материала (методом распознавания и датирования династий правителей, принципом малых династических искажений; методом правильного хронологического упорядочивания и датировки древних географических карт). Вторая часть содержит авторскую «реконструкцию» мировой истории. Основная гипотеза «Новой хронологии», как считают ее авторы, «подтверждена тысячами фактов», которые опровергают существующую историю. Со своей стороны отметим, что именно вторая часть, содержащая доказательную базу теории из тщательно подобранных фактов, подвергается серьезной критике со стороны ученых разных специальностей.

Моделирование исторической реальности новыми хронологами производится через отрицание исторических фактов, признаваемых в официальной истории. основополагающий тезис «Новой хронологии» заключается в том, что наука не располагает достоверными данными, что происходило раньше X века н.э., а значительная часть имеющихся в науке исторических свидетельств являются «гениальными подделками» эпохи Возрождения. Исходя из этого, история Античности – это, по сути, история Средневековья. Так, например, важнейшим событием XI века является рождение Иисуса Христа в Крыму.

Со своей стороны отметим, что «Новая хронология» вызвала волну обсуждения широкими кругами общественности. Ее критики отмечают, что при подборе фактов использовались только те, которые хорошо согласовались с концепцией и могли быть интерпретированы. А те факты, которые не поддавались никакой интерпретации, игнорировались. Отмечалось, что авторы «Новой хронологии» по-особенному смотрели на мир, словно через цветовой фильтр, вычлняя в цветовом многообразии только то, что окрашено в один цвет, то есть действовали по принципу: «если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов».

Оппоненты совершенно справедливо полагают, что «Новая хронология» отбрасывает научные теории, описывающие весьма широкий круг явлений и построенные на богатом фактическом материале, лишь для того, чтобы объяснить некоторые отдельно взятые факты, а именно противоречия в летописных датировках и астрономические явления. Для существования «Новой хронологии», пусть даже просто только в качестве научной гипотезы, ее авторам придется обеспечить ей достаточный доказательный базис, которого пока нет, устранить логические противоречия в суждениях, которые в ней присутствуют. Не может не вызвать настороженности, что все исторические факты, которые не укладываются в «Новую хронологию», А.Т. Фоменко с легкостью маркирует как «поддельные». Однако критики теории замечают, что подобная крупномасштабная скоординированная подделка исторических источников сразу во многих странах попросту невозможна.

Для нас в контексте общих задач статьи важна взаимная критика представителей «скалигеровской» и «фоменковской» концепций истории, что дает основание каждой из сторон позиционировать себя как хранителя истины и обвинять своего оппонента в ее «переворачивании».

- 14. *Постмодерн и виртуальные миры.* В эпоху постмодерна наблюдается значительная трансформация истины, которую также можно трактовать как «перевернутую». В философии постмодернизма осуществляется радикальное изменение традиционных представлений об истине. Истина уже не трактуется как результат постижения сущности исследуемого объекта, а рассматривается как одно из проявлений интерпретационного выражения субъекта. Согласно справедливому замечанию М. Фуко, истина – «не вознаграждение для свободных умов, не дитя долгих одиночеств, не привилегия тех, кто достиг освобождения», и уж тем более не то, что «можно открыть или заставить принять» [10, с.259]. По его мнению, для истины характерно принуждение, нужна воля к истине как «что-то вроде принудительного действия» субъекта в отношении собственной дискурсивности [см.: 10, с.39]. В конечном итоге, истина трактуется как «совокупность правил», которыми субъект руководствуется в своей когнитивной практике в соответствии с нормативными требованиями, характерными для определенного типа дискурса [см.: 10, с.259].

Однако это совсем не означает, что феномен истины выпадает из сферы философского интереса постмодерна. М. Фуко по этому поводу высказывается: «те, кто говорят, будто для меня истины не существует, упрощают суть дела». Имманентно креативную структуру дискурса фиксирует такое понятие как «забота об истине», именно «забота об истине» становится предметом постмодернистского философского анализа.

«Забота об истине» процессуальна в принципе. М. Фуко подчеркивает, что она не предполагает результата как такового, и в качестве обоснования своей идеи цитирует Гегеля: «... голый результат есть труп, оставивший позади себя тенденцию». Истина в классическом ее понимании в свете концепции «заботы об истине» предстает как законченный мертвый продукт, обрывающий собою процесс познания. Понятие «забота об истине» появляется в контексте проблемы возможности конституирования знания. Здесь можно проследить поворот гносеологии постмодернизма от понятия «истина» к понятию «игры истины», познавательный процесс как таковой в данной проекции предстает как процессуальность игры истины. Таким образом, для гносеологии постмодернизма предметом анализа становится игра истины, которая приобретает свой категориальный статус в русле переориентации постмодернизма с идеи жесткой структуры на ризоморфную организацию предметности, репрезентирующую собой процессуальность становления. Стоит отметить, что для науки подобная ситуация отнюдь не является позитивной, поскольку признание многозначности истины приводит к отказу от объективности, в то время как феномен научного знания есть результат различного рода процедур обоснования. В свою очередь, обоснование представлений означает их перевод в разряд знания, придание ему статуса научности, возвышение его над субъективностью. Создание нового в данном случае не является ни прогрессом, ни регрессом. В лучших традициях эпохи постмодерн наблюдается преимущественно такой тип автора, который

полностью отдает себе отчет о неподлинности своей продукции, но, несмотря на это, продолжает продуцирование.

Виртуальную среду можно рассматривать как специфическую форму дискурса мира постмодерн, в принципах ее организации находят свое воплощение такие мировоззренческие установки постмодерна как децентрация, интертекстуальность, плюрализм, фрагментарность. Гиперреальность, которая конституируется из подобных установок, оказывается ни истинной, ни ложной, она – «по другую сторону» от них и от других рациональных различий. Идея гиперреальности в постмодернизме является одной из фундаментальных. Гиперреальность имеет специфическую онтологию, в ее пространстве всё оказывается продуктом манипуляций [см.: 4]. Атрибутивной характеристикой гиперреальности является то, что она вынуждает поверить пользователя, что именно такой должна быть подлинная реальность, то есть «перевернутая истина» выдается как подлинная.

Так, Ж. Бодрийяр констатирует победу гиперреальности над реальностью как таковой, фиксируя эту ситуацию метафорой «злой демон образов», и утверждает, что образ «навязывает реальности свою имманентную эфемерную логику, находящуюся по ту сторону добра и зла, истины и лжи, логику уничтожения собственного референта, логику поглощения значения». Образ-симулякр «выступает проводником не знания и не благих намерений, а наоборот, размывания, уничтожения значения чего-либо», в силу этого утрачивается живое ощущение жизни, реальность поглощается образами [см.: 1].

Стоит отметить, что огромное количество продуцируемых виртуальных объектов не имеют реального референта, к которому они направлены, они самореферентны, при всем при этом, как совершенно верно замечает Ж. Бодрийяр, в процессе их симуляции наблюдается нескончаемая ссылка на пустые знаки: одни пустые знаки ссылаются на другие – и так до бесконечности. А в итоге как чистые симулякры, несоотносимые ни с какой реальностью, образуют мир более реальный, чем сама реальность, который можно охарактеризовать как организованное особое пространство отчужденных пустых знаков [см.: 2]. Это множество симулякров являет собой «перевернутую истину».

Осуществляется подмена реальных действий индивидов жонглированием виртуальными образами. Плодятся одна за другой всевозможные конструкции, которые не меняют имеющееся положение дел, но завораживают пользователя иллюзорными эффектами. Возведенные виртуальные конструкции получают актуализацию бытия в киберпространстве, сами становятся при этом референтами, образцами для нового производства виртуального. Отметим, что симуляционная деятельность, распространяющаяся в настоящее время уже в глобальных масштабах, знаменует собой призрачность социальных структур и нестабильность бытия постмодерна [см.: 10].

15. *Фейк. «Премия за лучшие фейковые новости» Д. Трампа.* Понятие «фейк» пришло в русскоязычную речь из английского языка (fake) и означает

подделку, фальшивку, фальсификацию, обман, подлог. Фальсификация в данном смысле (не в Попперовском!) была известна человечеству давно и применялась в различных сферах: искусство, наука, политика.

Так, подделка произведений искусства была известна с давних времен, а развитие коллекционирования сделало фальсификацию в сфере искусства выгодным промыслом. Хорошо выполненная подделка работ старинных мастеров всегда считалась достижением для ее создателя, и нередко сфабрикованная копия была лучше оригинала.

В науке способов фальсификации множество, но наиболее популярная среди них – подделка данных и результатов исследования. Обвинения в сознательной фальсификации научных экспериментов – один из самых страшных видов обвинений ученого в профессиональной недобросовестности. Уже само наличие обвинений в обмане, пусть не вполне доказанных, может быть чревато трагическими последствиями. Нашумевший случай такого обвинения получил обозначение «Дело жабы-повитухи» и связан с именем австрийского биолога Пауля Каммерера, который, якобы, имитировал «брачные мозоли» у исследуемых жаб, впрыскивая им под кожу чернила (есть несколько вариантов объяснения, откуда в препарате лапы появились чернила, в том числе, в качестве непосредственного исполнителя запретных действий подозревают не самого Каммерера, а его лаборанта). После скандального разоблачения ученый не выдержал навалившегося на него давления научной общественности и в 1926 году застрелился. Хотя до сих пор никто не смог повторить опыты П. Каммерера, все же в правдивости его разоблачений сохраняются определенные сомнения [см.: 6]. К сожалению, тот факт, что «идеолог теории эволюции в советской науке» Т.Д. Лысенко в середине XX века, спустя десятилетия после смерти П. Каммерера, продолжал ссылаться на его результаты как на подлинные, доказывая идеи Ламарка о возможности наследования приобретенных уклонений, из-за, мягко выражаясь, не самой безупречной репутации Т.Д. Лысенко не способствует восстановлению истины, а, наоборот, воспринимается многими только как лишнее свидетельство в пользу обвинительной гипотезы и нечестности австрийца.

Фальсификация в политике имела место еще со времен древних цивилизаций. Наблюдается искажение, подтасовка исторических фактов в интересах определенных индивидов, социальных групп, социальных институтов и элит, осуществляемая целенаправленно и осознанно. К сожалению, в настоящее время фальсификация исторического прошлого приобретает большой размах и особую изощренность.

Фальсификация первоначально представлялась как правдивое, аутентичное, оригинальное явление и считалась общественностью таковой вплоть до момента разоблачения подделки. Факт разоблачения обмана влек за собой, как правило, скандал и взрыв в общественном сознании. Однако, со своей стороны, отметим, что стремительное развитие информационного общества изменило парадигму достоверности и сделало доказательство любого факта проблематичным. Данная ситуация обусловлена практической

необозримостью ресурсов Интернета и невиданными до этого возможностями цифрового монтажа, а также широким доступом к сетевым ресурсам многомиллионной аудитории. Современные информационные технологии дают неисчерпаемые возможности для фальсификаций, вместе с тем, граница между реальным фактом и его подделкой стирается.

В современной науке проблема фальсификации волнует многих ученых. Так, Мартин Долл в 2012 году публикует свою монографию «Фальсификация и подделка», где излагает теорию, в которой фальсификация представляется как феномен дискурса [см.: 11]. В отличие от фальсификации, понятие «фейк» в настоящее время употребляется преимущественно в контексте новостной информации в среде медиа. Фейк-новости являются чистой воды информационной мистификацией с целью получения выгоды намеренным распространением ложных сведений в СМИ, в том числе на телевидении и в Интернете. Такие фейк-новости, наполняющие пространство массмедиа, варьируются по степени достоверности сообщений от частично достоверной информации до недостоверной вообще. По своей формальной композиции такие новостные события неотличимы от подлинных: осуществляется описание некоторого события, которое «произошло» в объективном мире, далее идет его интерпретация, сообщаются его детали и предыстория. Повсеместное распространение Интернета, широкие возможности коммуникации пользователей в сети обеспечивают временное бытие фейк-новостей в киберпространстве. Внешне правдоподобный характер сенсационных сообщений вызывает доверие у пользователей, обеспечивает их интерес и дискурс реагирования. Такое успешное бытийствование «перевернутой истины» фейк-новостей в общественном сознании обуславливается невозможностью их проверки на предмет подлинности. В случае полностью недостоверной информации такое сообщение в фейк-новостях является результатом креативной деятельности ее создателя, который сознательно продуцирует вымышленную реальность, не имеющую референтов в реальном мире. Общедоступность информационных каналов обеспечивает неограниченную аудиторию, быстрое и лавинообразное распространение фейк-новости, делающее ее источником информационного взрыва в сети. Фейк-новости начинают массово тиражироваться в социальных сетях, при этом в подавляющем большинстве случаев, конечно же, такие сенсационные новости транслируются как подлинные и соответствующие реальному положению вещей.

Знаменательным является тот факт, что нынешний президент США Д. Трамп учредил даже «Премия за лучшие фейковые новости» (Fake News Awards), описывающие его деятельность в качестве президента, подчеркивая, что такая премия будет присуждаться ежегодно тем, кто будет «самым коррумпированным и предвзятым из крупных медиа». Так, например, среди лауреатов данной премии в 2017 году (4-е место) оказался журналист журнала Time Зеке Миллер (*Zeke Miller*) за сенсационную новость «Бюст в овальном кабинете». В своем твиттере он сообщил, что Трамп якобы заменил бюст

лидера борьбы за права темнокожих Мартина Лютера Кинга на скульптурное изображение Уинстона Черчилля в овальном кабинете Белого дома. Материал обличал Дональда Трампа в расистских наклонностях. 45-й президент раскритиковал журналиста за недостоверную информацию и высказался: «Я бы никогда этого не сделал, потому что я испытываю огромное уважение к доктору Мартину Лютеру Кингу». В том же году Дональд Трамп охарактеризовал журналистов, которые распространяют «фейковые новости», как «врагов американского народа» [см.: 14].

16. **Фишинг.** Термин заимствован из английского языка и буквально переводится как рыбная ловля. Фишинг можно охарактеризовать как «искусство обмана», когда перевернутая истина выступает приманкой для доверчивой жертвы. Действительно, как и в классической рыбалке, мы наблюдаем рыбака (фишера), арсенал его подручных средств (главным из которых является перевернутая истина) и жертву. Цель фишера – денежные средства жертвы, которыми он овладевает в результате такой рыбной ловли. Фишинг относят к эффективным методам социальной инженерии, основанным на использовании человеческих слабостей. «Рыбаки» не тратят время на осуществление технологически сложных приемов взлома персональных аккаунтов пользователей, они действуют более изощренно и гораздо быстрее получают необходимые им сведения, воздействуя на психику человека. Раньше рыбаки-фишеры использовали по преимуществу самые простые методы ловли потенциальных жертв, например, схему «родственник попал в беду». Суть данной схемы заключается в том, что фишер выманивает у жертвы определенную сумму денег якобы для урегулирования сложного вопроса, позвонив по телефону или отправив sms-сообщение от имени несчастного родственника примерно следующего содержания: «Мама, я попал в беду. Вышли деньги, потом все объясню». При этом денежные средства нужно перевести на расчетный счет (абонентский номер) или передать курьеру. Несмотря на очевидную примитивность обмана, фишерам удавалось получить неплохой улов. Жертвами подобной ловли становились, как правило, пожилые люди, склонные к панике и к переживаниям за родных.

Мир такой «рыбалки» необозрим в своем многообразии, и в настоящее время методы и способы фишинга стали более изощренными. Целью мошенников становятся преимущественно банковские счета, а их жертвами уже не только рядовые граждане, но и крупные компании. В пространстве Интернета мошенниками создаются призрачные веб-сайты, клоны крупных банков и фирм. В результате обманных действий электронные фишеры вынуждают пользователей вводить в тело сайта-клона под предлогом обновления учетной записи личные закрытые сведения о паролях, номерах кредитных карт, банковских счетах. Стоит отметить, что зачастую фишинговые сайты сделаны настолько хорошо, что рядовой пользователь не способен распознать подлог. Некоторые специалисты утверждают: «Часто бывает, что фишинговые сайты – сайты-клоны – сделаны даже лучше, чем настоящие проекты...» [см.: 9].

Выводы. Изложенные выше размышления довольно неожиданно для нас имеют весьма интересное приложение. С нашей точки зрения, более аргументированной становится концепция «абсолютной истинности» математики В.Я. Перминова, которую он давно и настойчиво отстаивает, причем практически в гордом одиночестве, в полемике с многочисленными сторонниками релятивизма истины. Концепцию Василия Яковлевича, как нам представляется, можно интерпретировать не в духе жесткой однозначности, т.е. закона, что, к примеру, $2*2=4$ и только 4, а в том духе, что во всех возможных мирах $2*2=4$ является приоритетным равенством, тогда как его нарушения – это исключения из правил.

Главное в наших умозаключениях, к чему мы склоняемся, выглядит следующим образом. Для неистинного в действительном мире суждения, в принципе, можно найти (сконструировать) такую онтологическую *ad hoc*-схему, в которой данное суждение «переворачивается» и становится истинным. Однако целостного образа мира, «нашпигованного» обилием парадоксов и исключением из правил типа «перевернутых» истин, как мы полагаем, в принципе создать, тем более найти, невозможно: такой мир рассыплется на несвязанные фрагменты и никакой системностью обладать не будет. При всем при том рассуждения, приведенные выше, велись нами в предположении, что мы знаем, что есть истина и можем ее отличать от того, что истиной не является. А это, по нашему разумению, весьма существенное допущение. Мы считаем, что фактически определить истину можно только в некотором диапазоне истинностной оценки, за счет чего истинными следует признавать близкие варианты, составляющие целый пучок приемлемых в качестве истины ответов. Поэтому все то, что истину отрицает, тоже должно трактоваться неоднозначно, что делает размытой границу между миром утвердительных суждений и «перевернутым» миром суждений, прямо отрицающих первые.

Список использованной литературы

1. Бодрийяр Ж. Злой демон образов [Электронный ресурс] // URL: <http://allofcinema.com/apokalipsis-segodnya-apocalypse-now-1979/2/> (дата обращения: 23.01.2019).
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. – 224 с.
3. Вейнгартнер П. Фундаментальные проблемы теорий истины / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 352 с.
4. Елхова О.И. Онтологическое содержание виртуальной реальности: дисс. ... д-ра филос. наук. Уфа, 2011. – 330 с.
5. Ляпон М.В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур, 2010. – 528 с., ил.
6. Мищенко Е. Дело о жабьих лапках: воскрешение научной репутации Пауля Каммерера. Разрешена одна из самых скандальных биологических загадок XX века [Электронный ресурс] // URL: <https://indicator.ru/article/2016/11/01/delo-o-zhabih-lapkah-voskreshenie-nauchnoj-reputacii-paulya-kammerera/> (дата обращения: 28.01.2019).

7. Новый Завет и Псалтирь / Перепеч. с Синодального издания. М., 1991. – 365 с.
8. Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: АСТ; Ермак. 2004. – 638 с.
9. Устинова А.А. Фишинг возглавил топ угроз кибербезопасности А.А. Устинова [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/111720/2018-02-08/fishing-vozglavil-top-ugroz-kiptobezopasnosti> (дата обращения: 30.07.2019)
10. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности [Электронный ресурс] // URL: http://1576.ua/uploads/files/6350/Istoria_sexualnosti_Tom_1_Volya_k_istine.pdf (дата обращения: 23.01.2019).
11. Doll M. Fälschung und Fake: Zur diskurskritischen Dimension des Täuschens. Berlin: Kulturverlag Kadmos. 2012. – 480 S.
12. *Niels Bohr. His Life and Work As Seen By His Friends and Colleagues.* New York: John Wiley and Sons, Inc. 1967. – 355 p. В оригинале: «Two sorts of truth: profound truths recognized by the fact that the opposite is also a profound truth, in contrast to trivialities where opposites are obviously absurd».
13. Topsy-Turvy Word: English Humor in Verse. Moscow: Progress Publishers, 1978. – 320 p.
14. См.: Trump called the news media an «enemy of the American People» URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/02/18/trump-called-the-news-media-an-enemy-of-the-american-people-heres-a-history-of-the-term/?noredirect=on&utm_term=.16494d225560 (last accessed: 23.01.2019).

Глава 5.

ИСТИНА И ЦЕННОСТИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Ивановского государственного химико-технологического университета, г. Иваново
Зеленцова Марина Григорьевна

В современную эпоху системного кризиса культуры, частью которого является кризис рациональности, человеческий разум явно нуждается в защите. Все заметнее становятся скепсис, недоверие к силам разума, к научному знанию, нарастает гносеологический релятивизм. Эти процессы сопровождаются усилением и широким распространением ценностного релятивизма. Реальной оказывается опасность иррационализации и дегуманизации общественного сознания.

Неопределенность господствует не только на уровне обыденного, но и на уровне научного, теоретического мышления. В современной философии и эпистемологии все больше утверждается мысль об относительном характере истины, о плюрализме истин. Так, известные представители постпозитивизма явно демонстрируют склонность к релятивизму в трактовке научного знания: К. Поппер рассматривает в качестве цели науки не поиск истины, а эффективное решение интеллектуальных и практических задач; Т. Кун выдвигает тезис о несоизмеримости научных парадигм; П. Фейерабенд обосновывает идею равноценности научного, религиозного, мифологического и других способов постижения мира. Социологи науки – Б. Латур, С. Вулгар и другие – отстаивают концепцию конструкционизма, в рамках которой развитие науки представляется как процесс произвольного конструирования предмета познания, каждый раз нового, и вместе с ним конструирование новой истины, субъективной по своему характеру и не связанной с прошлым знанием. Субъективность истины компенсируется коммуникацией ученых и принимаемыми конвенциями. Главное в науке – не истина, а *смысл*, порождаемый социокультурным контекстом. Некоторые отечественные философы разделяют эту точку зрения [см., напр.: 6].

Этико-философская мысль в современную эпоху тотального плюрализма и релятивизма вслед за эпистемологией отказывается от идеи нормативности. Весьма показательным в этом отношении является доклад академика А.А. Гусейнова на 23 Всемирном философском конгрессе. Современная философия, - отмечает автор, - «фактически сняла с себя обязанность указывать путь этически достойного существования», она «релятивирует» понятие моральной нормы [2, с. 15]. При этом он ссылается на философские системы Л. Витгенштейна, Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Не выработав до сих пор общепринятое определение морали, «философская этика не может выступать от имени истины, и люди не могут уже рассчитывать на то, чтобы получить от нее

рационально обоснованный... ответ на вопрос «Что я должен делать?». Она «делегировать право ответа на него самому индивиду» [2, с. 16]. Но в таком случае сам индивид должен решать, что правильно, а что неправильно, а это весьма опасно, причем, не только для личности, теряющей всякую способность к ориентации в мире социальных отношений, но и для общества в целом.

На наш взгляд, в сфере науки – будь то этика или физика – можно и необходимо признавать существование объективной истины. Точка зрения, согласно которой, наука относится к рациональным областям культуры и, следовательно, содержит в себе объективно истинное знание, представлена, например, в работах Х. Патнэма, а в отечественной философии – в работах В.А. Лекторского. Х. Патнэм критикует Т. Куна и П. Фейерабенда за крайний релятивизм, отрицающий возможность существования в науке чего-либо подобного рациональному обоснованию. Особое внимание он уделяет известному тезису Куна о несоизмеримости научных парадигм, который гласит, что ученые разных эпох живут в «различных мирах» и используют одни и те же научные термины в совершенно различных значениях. Патнэм считает этот тезис самопроверяющимся и приводит достаточно убедительные, на наш взгляд, аргументы в пользу своей точки зрения. Если этот тезис был бы действительно верен, - отмечает автор, - мы совсем не смогли бы переводить с других языков, даже с нашего собственного языка в его прошлых модификациях. Представители других культур, включая ученых XVII в., могли бы входить в наши теоретические контексты только как животные, обнаруживающие в качестве реакций на стимулы шумы, курьезно походящие на английский и итальянский языки [см.: 7]. Патнэм приходит к выводу, что наука является вполне рациональным предприятием и сохраняет установку на достижение объективно истинного знания.

Несоизмеримыми в концепциях Т. Куна и П. Фейерабенда являются не только научные понятия, но и ценности, нормы и идеалы, принимаемые научным сообществом в каждую конкретную эпоху и полностью зависящие от социокультурного контекста. Так, идеал научной рациональности, согласно Фейерабенду, относителен и существенным образом различается в различных культурах и в различные исторические эпохи. Более того, этот идеал в значительной степени детерминирован факторами, которые принято называть иррациональными. Последнее утверждение восходит, по-видимому, к идеям логического позитивизма, согласно которым ценности, идеалы и нормы не только не имеют никакого отношения к объективной истине, но и вообще не поддаются научно-теоретическому анализу. «Когда мы утверждаем, - писал, например, Б. Рассел, - что та или иная вещь имеет ценность, то даем выход нашим эмоциям, но ничего не говорим о фактах, природа которых не зависит от наших к ним чувств» [8, с. 200]. Поэтому «наука не решает вопроса о ценностях ...такого рода вопрос вообще не решается с помощью интеллекта. Ценность не имеет отношения к истине или лжи» [там же, с. 206].

Однако эта аргументация, на наш взгляд, страдает односторонностью. Конечно, ценности, как и знание, исторически относительны. С другой

стороны, в каждом относительном знании есть момент абсолютного, неизменного, сохраняющегося в различные исторические эпохи. Такое объективное и абсолютное начало существует и в сфере ценностей. Так, в сфере научных ценностей идеал рациональности, независимо от эпохи, включает в себя такие элементы, как истинность, логичность, выраженность в слове, соразмерность, целесообразность и т.п. В сфере вненаучных ценностей, например, моральных, идеал всегда и во все времена включал в себя принципы коллективизма и гуманизма, равенства и справедливости, долга и чести. Смысл моральных ценностей объективен и не может зависеть от чьей-либо воли, мнения или желания, но может претерпевать определенные изменения, модифицироваться в каждую конкретную историческую эпоху. Принцип автономии морали по отношению к сознанию и воле отдельных индивидов и сообществ, а также и по отношению к божественной воле был впервые прямо сформулирован И. Кантом. Моральный закон, по Канту, объективен и абсолютен и выражает «единство долга и счастья», т.е. инвариантное для разных исторических и культурных условий соотношение личных и общих интересов, а именно, их гармонию.

Дискуссия о применимости понятий истинности и ложности к морали вызвана тем обстоятельством, что для моральной формы сознания, в отличие от научной формы, характерной является регулятивная, а не познавательная функция. Основной целью морали, бесспорно, не является познание действительности. Этим она существенно отличается от науки. Но мораль не может не содержать в себе познавательного момента. Ведь ее нормы лишь в том случае могут быть сколько-нибудь эффективными, если они соответствуют условиям жизни людей, а также их нуждам и стремлениям. Поскольку мораль содержит в себе познавательный момент, в применении к ней понятие истины имеет смысл. В целом мораль следует рассматривать как правильное или неправильное отражение действительности, не квалифицируя это отражение как истинное или ложное. Дело в том, что не всякое отражение, соответствующее действительности, можно называть истинным. Понятие истины применяется к деятельности, имеющей своей целью познание объекта в понятиях, суждениях, умозаключениях, теориях. К искусству, которое отражает действительность в художественных образах, применяется понятие художественной правды. К морали, отражающей действительность в нормах, суждениях долженствования, видимо, следует применять понятие морально-правильного. Эти понятия не тождественны, но в то же время имеют общую природу, ибо все они включают в себя момент соответствия отражения отражаемому.

Признание объективного характера ценностей не означает утверждения их абсолютной независимости от субъекта, человека. В действительности они имеют глубокие основания в человеческой природе и детерминированы, с одной стороны, биологией человека, а с другой, – социальными и природными условиями его существования. В современной философской литературе ценность определяется как значимость объекта для человека, соответствие

объекта какой-то цели [см., напр.: 10]. Человек, будучи существом сознательным, осваивает мир целенаправленно и избирательно, т.е., он ставит цели и соответственно выбирает средства для достижения этих целей. И средства, и сами цели являются для человека ценностями. Человек вступает в многообразные отношения с другими людьми, которые (отношения) тоже являются ценностью. Это значит, что все существующее в мире имеет ценностный аспект и может выступать в качестве объекта ценностного отношения со стороны человека.

Нами предложена следующая онтологическая классификация ценностных отношений [см.: 3]. 1) Например, физическое отношение между объектом и организмом человека (а также другими живыми организмами) существует независимо от того, осознается оно или нет. Витамины и микроэлементы полезны (необходимы) для здоровья, хотя их присутствие в пище не ощущается. Это отношение является объектно-субъектным, но не объективно-субъективным. Таким же является и отношение между условиями жизни человека как социального субъекта и его положением в системе этих условий. Но это отношение, в отличие от первого, не может стать актуально-действующим, пока не получит субъективного выражения в сознании человека, в его чувствах и переживаниях. В своей основе оно объективно, но по форме существования субъективно. Это также субъектно-объектное отношение, лишь реализующееся при посредстве своей субъективной формы.

2) Ценностное отношение является объективно-субъективным, если это отношение объекта непосредственно к самой психике, т.е. отношение между тем или иным объективным фактором и вызываемой им субъективной реакцией, например, ощущением (чувством) приятного или неприятного, удовольствия или неудовольствия, наслаждения или страдания. Так, пища имеет не только физиологическую ценность как полезная или вредная, но и психологическую – как вкусная или невкусная, запах цветка – как приятный или неприятный, солнечные лучи – как источник наслаждения или боли.

3) Наконец, ценностное отношение может быть внутрисубъективным, когда его объектом служит явление самой психики – переживание, настроение, идея и т.п., а субъективной стороной – чувство одобрения или неодобрения, радость или печаль, положительная или отрицательная оценка. В свою очередь, ценностная реакция или оценка могут стать предметом ценностного отношения следующего уровня и т.д. Но по своему происхождению субъективное ценностное отношение является следствием, выражением объективного, поскольку психика по своему содержанию является отражением объективного мира.

По отношению к субъективной (или субъектной) составляющей ценностного отношения ценность объективна. Как уже было отмечено, ценность – это соответствие объекта какой-то цели. Ценности вытекают из целей человека, цели – из человеческих потребностей, а потребности – из общей природы человека. Общая природа человека объективна, она не задается и не выбирается субъектом, а является результатом длительного процесса

биологического и исторического становления человеческого рода. Поэтому потребности человека также объективны и закономерно детерминированы. Причем, не только витальные потребности, но и высшие духовные свойства человека – нравственность, любовь к прекрасному, стремление к истине – исторически и биологически обусловлены. Связанные с ними ценности только на первый взгляд представляются трансцендентными, не имеющими отношения к эмпирической реальности. Изначально же все они были для человека (и до сих пор в определенном смысле остаются) средствами выживания, самосохранения.

Концепция объективной природы ценностей получает обоснование в современном научном знании: когнитивной психологии, эволюционной теории познания, социобиологии, генетике. Так, например, генетика свидетельствует о наличии в наследственной природе человека альтруистических начал, т.е. определенной группы эмоций, побуждающих человека совершать поступки, лично ему непосредственно не выгодные и даже опасные, но приносящие пользу другим людям. Эти эмоции, или определенная восприимчивость к этическим началам, возникли в результате жестокого естественного отбора и в силу антропологических особенностей человеческого вида: неспособности детенышей человека к самостоятельному существованию и к обороне; необходимости кормления беспомощных детей и беременных женщин, их охраны и т.д. Это требовало от членов рода развития чувства взаимопомощи, храбрости, жертвенности, привязанности ко всем детенышам стада и т.д. Сам естественный отбор, конечно, не мог создать этику, но он вызывал такие перестройки наследственности, на основе которых у человека складывалась восприимчивость к этическим нормам и оценкам и даже потребность в подобных оценках. Другим доказательством наследственных основ моральных чувств является тот факт, что некоторые болезни, в частности, генные дефекты вызывают эмоционально-нравственную деградацию личности.

Идея объективности ценностей получает подтверждение и в психологии. Например, Э. Фромм полагает, что такие идеалы, как истина, справедливость, свобода, носят не метафизический (трансцендентный) характер, а коренятся в объективных условиях человеческой жизни, с одной стороны, и в общей природе человека, с другой стороны. Согласно Фромму, человек может меняться в связи с изменением экономической и социальной структуры общества, но его приспособляемость не безгранична. Существуют неотъемлемые психологические свойства человека (такие же императивные, как и физиологические потребности), которые нуждаются в удовлетворении. Важнейшая из них – тенденция к росту, развитию, реализации способностей, возникших у человека в ходе истории, например, способности к творческому и критическому мышлению, «тонким» эмоциональным и чувственным переживаниям. Эта общая тенденция к росту, которая является, как считает Фромм, психологическим эквивалентом аналогичной биологической тенденции, приводит к таким специфическим стремлениям, как стремление к свободе и ненависть к угнетению, поскольку свобода – основное условие

любого роста.

Есть также основания предполагать, пишет автор далее, что стремление к справедливости и правде является столь же неотъемлемым свойством человеческой природы, хотя и оно может быть подавлено и извращено, как и стремление к свободе. Единственный способ объяснить это стремление состоит в анализе всей истории человечества – как истории общества, так и истории индивида. При таком анализе обнаруживается, что для всех слабых справедливость и правда являются важнейшим оружием в их борьбе за свободу и развитие. На протяжении всей истории большинство человечества было слабой стороной, вынужденной защищаться от более сильных групп, подавлявших и эксплуатирующих его; каждый отдельный человек также проходит в детстве через такой период бессилия. Таким образом, Э. Фромм считает человеческую природу обусловленной, главным образом, исторически, хотя и не преуменьшает значения биологических факторов [см.: 12].

Если субъект ценностного отношения вовсе не «субъективен», а есть родовое существо, закономерно детерминированное в своей жизнедеятельности собственной человеческой природой и внешними природными и социокультурными факторами, то и субъект познания – «наблюдатель» и «соучастник» природных процессов – не разрушает объективную истину, а, напротив, создает необходимые условия для ее достижения. Ученый-теоретик строит модели мира, конструирует образ реальности, но этот образ не является произвольным. Эта точка зрения ясно выражена, например, в работах В.А. Лекторского. Автор отстаивает позицию «конструктивного реализма», согласно которой, познающий субъект имеет дело с существующей независимо от него реальностью, и знание об этой реальности является объективно истинным. В то же время, человек включён в мир и своей деятельностью трансформирует его. Деятельностное отношение с миром определяет характер и возможности познания. Именно точка зрения конструктивного реализма, считает автор, представляется наиболее современной. В своей аргументации В.А. Лекторский опирается на философское осмысление результатов исследований в области когнитивных наук. Он обращается к когнитивной психологии, в частности, к теории восприятия Дж. Гибсона. Согласно Дж. Гибсону, воспринимающий имеет дело не с состояниями своего сознания, а с самим миром, но мир презентирован с точки зрения особенностей субъекта, его потребностей и возможностей действия. Информация из внешнего мира не просто «даётся», она активно извлекается действиями познающего и адекватна реальности. Такое понимание процесса познания, отмечает В.А. Лекторский, влечет за собой важные для науки методологические следствия, касающиеся, например, оправдания индукции: экспериментальное, деятельностное воспроизведение определенного эффекта является гарантией выявления необходимых связей. Если же предполагать, что познающий субъект просто пассивно фиксирует чувственные данные, то эмпирическое обнаружение закономерностей в изучаемой предметной области оказывается невозможным [см.: 5].

Не только деятельность субъекта познания, но и наличные структуры психики могут рассматриваться как определенная гарантия получения объективно истинного знания о реальности. С точки зрения эволюционной эпистемологии, структуры психики складываются в результате длительной биосоциальной эволюции человеческого вида и его адаптации к окружающей среде. В процессе своего формирования психика, субъективные структуры, подгонялись под объективные структуры, как инструмент подгоняется под деталь, и тем самым они совместно делали возможным познание. Эволюционная эпистемология выражает эту идею в так называемом «постулате эквивалентности», означающем соответствие органических процессов приспособления и различных форм приобретения знания. К. Лоренц, «отец» этого научного направления, отмечает, что «наши формы восприятия... удовлетворяют требованиям внешнего мира по тем же причинам, по которым копыта лошади еще до ее рождения пригодны для почвы степей, а плавники рыбы, прежде чем она появляется из яйца, – для воды» [цит. по: 13, с. 44].

Индивидуально-личностные компоненты психики также, по-видимому, нельзя рассматривать только как помеху на пути к истине. Мировоззрение ученого, его ценностные установки, убежденность, заинтересованность в объекте исследования, эмоциональность, «страстность» (М. Полани) играют позитивную роль в продвижении научного знания. Негативное отношение к эмоционально-личностным сторонам познавательного процесса коренится в классическом европейском рационализме. Эта традиция являлась преобладающей в философии и науке вплоть до середины XX века. И лишь недавно в работах психологов было продемонстрировано значение эмоций в познавательном процессе, они начали рассматриваться не только в качестве сопровождения мышления, но и как его необходимый компонент. «Один и тот же процесс, – писал, например, С.Л. Рубинштейн, – может быть и, как правило, бывает и интеллектуальным, и эмоциональным, и волевым... Речь для нас при этом идет не о том только, что эмоция находится в единстве и взаимосвязи с интеллектом или мышление с эмоцией, а о том, что мышление как реальный психический процесс уже само является единством эмоционального и интеллектуального» [9, с. 97-98]. Эту точку зрения разделяют такие известные психологи, как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.В. Симонов, О.К. Тихомиров, К.В. Судаков и др.

Эмоции, как и психика в целом, выполняют функцию адекватного отражения объективной реальности как условия самосохранения вида (человека или животного). «Эмоции позволяют человеку оценивать свое внутреннее состояние, свои потребности, а также свойства и параметры внешних факторов и их действие на организм, – пишет академик РАМН К.В. Судаков. – С помощью эмоций строится обучение субъектов, накопление знаний, формируется психическая, а затем и мыслительная деятельность. По существу дела, эмоции выполняют в живых организмах *информационную функцию...*» [11, 129]. Из цитируемой статьи следует, что эмоции отражают и оценивают реальность (внутреннюю и внешнюю), объективную по отношению к сознанию индивида, т.е. несут в себе объективное содержание.

Рассматривая проблему эпистемологического и ценностного релятивизма, важно учесть и точку зрения представителей научного сообщества, которые в своем большинстве весьма скептически относятся к преувеличению роли иррациональных факторов развития науки. Не отрицая наличия субъективного компонента в научном познании, ученые, как правило, убеждены в объективности науки в целом, а также в рациональности применяемых способов обоснования научной истины. Причем, речь идет не только о логическом или методологическом обосновании, но и об использовании таких актуальных для современной науки критериев истинности (регулятивных принципов), как, например, принцип красоты. Размышления выдающихся ученых на эту тему могут быть интересны и в аспекте решения проблемы природы научных ценностей, их объективного или субъективного характера.

Принцип красоты в науке обсуждается, в частности, в известной работе нобелевского лауреата по физике С. Вайнберга «Мечты об окончательной теории». Автор ставит перед собой цель рассмотреть не красоту вообще, а красоту физических теорий и ее значение для продвижения научного знания. Во-первых, согласно Вайнбергу, красота – это единство, целостность, гармоничное соединение частей в целом. Это единство иначе определяется им как «логическая жесткость», когда невозможно удалить из научной теории ни один компонент (уравнение, закон и т.п.), чтобы не разрушить ее полностью. Очевидно, такой критерий применим и в искусстве. Сам автор приводит примеры из сферы искусства, сравнивая теорию относительности А. Эйнштейна и картину Рафаэля «Святое семейство». Когда мы слушаем музыкальное произведение или читаем сонет, пишет он, мы иногда получаем огромное эстетическое наслаждение от ощущения, что в этом произведении ничего нельзя изменить, что ни одна нота и ни одно слово не должны быть иными. В «Святом семействе» Рафаэля расположение каждой фигуры совершенно [см.: 1].

Далее Вайнберг рассматривает такие критерии красоты, как простота идей, экономная структура теории, выраженная математически, симметрия законов и другие. Все эти критерии очевидны для специалистов в области физики, поэтому их утверждение о красоте какой-либо теории не является, по мнению ученого, просто личным выражением полученного эстетического наслаждения точно так же, как утверждение тренера лошадей о красоте скаковой лошади основывается на профессиональной оценке ее экстерьера. В свою очередь, красота выступает показателем истинности теории, ее адекватности реальному миру. Ощущение красоты помогает не только открывать теории, описывающие реальный мир, но и оценивать справедливость этих теорий, иногда противоречащих существующим экспериментальным данным. Из рассуждений С. Вайнберга следует, что не только содержание научного знания, но и критерии отбора научных теорий и критерии науки вообще – простота, красота, согласованность, единство – вполне рациональны и объективны. Так устроен человеческий разум, что он везде ищет закономерности, причинную связь, гармонию и единство. А устроен он так

потому, что является важнейшим фактором эволюции человечества и выполняет адаптивную, приспособительную функцию. На это со всей определенностью указывают и эволюционная теория познания, и социобиология.

Социобиология предлагает новые понятия и новые концептуальные построения, которые в значительной степени проясняют природу научного знания и научных идеалов. Известные представители этого направления Ч. Ламсден и Э. Уилсон рассматривают человеческую культуру как состоящую из различных единиц культурной информации – «культурогенов», являющихся устойчивыми и передающихся от поколения к поколению. Устойчивость и универсальность «культурогены» приобретают благодаря наличию особых, биологически обусловленных структур в психике человека. Эти структуры, или «эпигенетические правила», представляют собой эволюционно заложенные ограничения, которые сформировались в результате естественного отбора. «Первичные эпигенетические правила» влияют на наши чувственные восприятия: цветовые ощущения, звуки, вкус и т.п. «Вторичные эпигенетические правила» организуют оценку самого восприятия, что и делает человека способным отдавать предпочтение одним «культурогенам» по сравнению с другими. Они (правила) также направляют наше мышление, влияют на способность к обучению и приобретению знаний, предрасполагают к определенному социальному и моральному поведению [см.: 4].

Можно ли говорить о влиянии эпигенетических правил на развитие научного знания? Такой вопрос ставит М. Рьюз, анализируя в одном из своих очерков предложенную социобиологами теорию генно-культурной коэволюции. С одной стороны, отмечает автор, наука является эмпирической, поскольку основывается на свидетельствах чувств. Следовательно, она базируется на информации, полученной с помощью первичных эпигенетических правил. С другой стороны, наука – это высоко формализованное предприятие с определенной методологией и нормами, диктующими, что именно является приемлемым, а что неприемлемым. Здесь вступают в силу вторичные эпигенетические правила. Мы ценим в научном мышлении простоту, красоту, согласованность и каузальность именно потому, что эти требования продиктованы «эпигенетическими правилами», способствующими адаптации и эволюции человеческого рода. Например, благодаря естественному отбору понятие простоты становится решающим в науке: выбирают прямую линию, чтобы соединить точки, равно как в жизни выбирают кратчайший путь и не потому, что существует онтологическое требование быть правильным, а в силу того, что это простейший путь! [см.: 15]. Таким образом, М. Рьюз приходит к выводу, что научное познание управляется универсальными и объективными принципами и нормами, которые основываются на нашем эволюционно-генетическом наследии.

Приведенная выше аргументация в пользу объективной природы научных и вненаучных ценностей представляется вполне убедительной. Однако, несмотря на критику, познавательный и ценностный релятивизм продолжает

нарастать, причем, как уже было отмечено, он находит себе немало сторонников среди представителей философского сообщества. И это не просто результат заблуждений и ошибок, свойственных всем людям, в том числе, и ученым. Причины этого явления лежат более глубоко и связаны с характерными особенностями современного этапа развития цивилизации, в первую очередь, с прагматической установкой сознания в эпоху постмодерна. Если главное в науке – не истина, а *смысл*, порождаемый социокультурным контекстом, то очевидно, что «логика смысла» (Ж. Делез) – это прагматическая логика. («Смысл» – это назначение чего-либо (средства) для какой-то цели). Если наука «рождается из контекста», а не из внутренней логики ее собственного развития, значит, научность сводится к предписываемой науке обществом полезности, что нивелирует значение самого знания как культурной ценности.

Прагматизм, возрожденный постмодернизмом в новой форме, полностью согласуется с идеологией современного капиталистического общества. Здесь главное не способности и знания, не моральные качества личности, а умение «подать» (продать) себя, пользоваться успехом, опережать других в конкурентной борьбе. Эта рыночная ориентация сказывается негативно во всех сферах культуры, влияя, в том числе, и на мышление. Как отмечает Э. Фромм, «рыночное» мышление берет на себя функцию быстро схватывать ситуацию, чтобы иметь возможность успешно ею манипулировать. При широком и эффективном образовании это ведет к высокому уровню сообразительности, но не разума. Для манипуляции необходимо знать лишь поверхностные свойства вещей. В результате истина, добываемая проникновением в сущность явления, становится вышедшим из употребления понятием, а мышление теряет плодотворность. Согласно Фромму, плодотворное мышление характеризуется единством объективности и субъективности. Объективность требует не только видеть объект таким, каков он есть, но и видеть себя, т.е. осознавать, каким образом ты, как изучающий, связан с объектом своего изучения. Кроме того, объективность означает не отстраненность, не отсутствие заинтересованности, а уважение, т.е. способность не искажать и не фальсифицировать вещи, людей, себя [см.: 12]. Таким образом, плодотворное мышление в своей основе нравственно, а «рыночное», прагматически ориентированное мышление, напротив, релятивирует ценности.

Отказ теоретического мышления от понятий истины и правды, от нормативности приводит к деградации личности и общества в целом. В обществе неизбежно возникают неразрешимые противоречия, взаимная вражда, единство социума оказывается невозможным. Культура погружается в глубокий духовный кризис, признаки которого были замечены многими выдающимися мыслителями еще в первой половине XX века. Можно вспомнить, например, «Закат Европы» О. Шпенглера, «Новое средневековье» Н. Бердяева, «Восстание масс» Х. Ортеги-и-Гассета, «Конец нового времени» Р. Гвардини, «Кризис европейского человечества» Э. Гуссерля, «В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи» Й. Хейзинги и

другие. Содержащиеся в этих работах характеристики процесса «варваризации» современной культуры и предостережения их авторов звучат сегодня весьма актуально.

Так, становится очевидным, что в ситуации кризиса исчезают главные отличительные особенности истинной культуры: равновесие духовных и материальных ценностей, направленность на единый идеал, метафизическая ориентация, стремление человека к господству не только над внешней природой, но и над своей собственной. Провозглашение культа жизни, уверенность в праве на счастье здесь, на земле приводит к девальвации бытия, к философскому отрицанию жизненных ценностей. «Варваризация начинается тогда, - пишет, например, Й Хейзинга, - когда в старой культуре, за многие столетия поднявшейся до высот ясности и чистоты мышления и познания, это познание начинает завлакиваться магией и фантастикой, поднятыми чадной волной ярых инстинктов и страстей» [14, с. 353]. Человек отказывается не только от рационального познания, но от идеала познания вообще. Он предпочитает волю к земной власти, «бытие», «кровь и почву» вместо познания и духа. Отказ от познавательного идеала ведет к упадку морали. Отрицаются всякие основы морали, утверждается идея об относительном характере морали. Нравственное суждение как таковое в духе христианской этики практически исчезает. Воля к превознесению бытия и жизни, отвергающая руководство со стороны интеллекта, приводит к этическому расшатыванию духа [см.: 14].

Единственным противовесом этим деструктивным факторам могут выступать только самые высокие этические и метафизические ценности. Но это означает, что современные философы не имеют морального права защищать познавательный и ценностный релятивизм. На них лежит не меньшая ответственность перед обществом, чем на физиках, проводящих исследования в области ядерного синтеза, или на биологах, разрабатывающих технологии модификации человеческого генома. Теоретические разработки в сфере философии и гуманитарных наук должны, в конечном счете, служить интеллектуальному развитию и нравственному воспитанию человечества.

Список использованной литературы:

1. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории. М. 2004.
2. Гусейнов А.А. Философия как этический проект. Тезисы доклада // Вестник РФО. 2013. № 3. С. 11-16.
3. Зеленцова М.Г. К критике дуалистической теории ценностей в современной философии // Философия и общество. 2010. № 2. С. 77-90.
4. Ламсен Ч., Уилсон Э. Прометеев огонь. М., 2016.
5. Лекторский В.А. Дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии // Познание, понимание, конструирование. М.: ИФ РАН, 2008. С. 5-29.
6. Маркова Л.А. Истина утрачивает свои доминирующие позиции в логике // Философия науки. Вып. 15. М.: ИФ РАН, 2010. С. 46-57.

7. Патнэм Х. Как нельзя говорить о значении // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: Прогресс. С. 396-418.
8. Рассел Б. Почему я не христианин: Избр. атеист. произведения. М., 1987.
9. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
10. Столович Л.Н. Красота, добро, истина. М., 1994.
11. Судаков К.В. Эмоции как субъективная информационная сущность психической деятельности человека // Вестник РФО. 2009. № 3. С. 129-131.
12. Фромм Э. Человек для самого себя // Психоанализ и этика. М., 1993.
13. Фурманов Ю. Критика метафизического разума в эволюционной теории познания // Философские науки. 1991. № 8. С. 34-50.
14. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи // Homo Ludens. М., 1992.
15. Ruse M. Evolutionary Epistemology: Can Sociobiology Help? // Sociobiology and Epistemology. Boston, 1985. P. 249-265.

Глава 6.

ОБ ИСТИНЕ: К ПРЕОДОЛЕНИЮ ДИКТАТА РЕЛЯЦИОНИЗМА

*Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
ФАТЕНКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Предуведомление. Основу данной главы составляет фрагмент текста: Фатенков А.Н. К нерелятивному: осмысливая и преодолевая прагматизм Рорти и Патнэма // 150 лет прагматизма. История и современность / Отв. ред. И. Джохадзе. М.: Академический проект, 2019. С. 48–66.

При всём многообразии интерпретаций в мировом культурном наследии выделяются два главных подхода к толкованию истины: субстанциональный и реляционный. (Автор ранее уже обращался, тогда менее критично в отношении реляционизма, к данной теме: [12].) В рамках *субстанционального* подхода содержательно истина вплотную приближается к понятию бытия, наиболее достоверной и ценной реальности, и к понятию субстанции, реальности самопричинной, а в более сильной версии – реальности, имеющей основание в самой себе. Подобный взгляд в той или иной степени характерен для разных типов мировоззрения: а) теистического, б) пантеистического, в) гилозоистического. В их оптике подлинная реальность – либо Бог а) самодостаточный, б) растворяющий в себе Природу и растворенный в ней, либо в) сама одушевлённая Природа, не нуждающаяся в божественном вспоможении, – и есть Истина. Причем абсолютная, с большой буквы. Не по плечу подобная роль материи – содержательно обеднённой заместительнице полноценного природно-космического бытия, лишь акцидентально включающей в себя сферу идеального. Хотя потребность в полновесной истине, открывающейся людям в их уникальном опыте, материалисты несомненно испытывают. Зеркальной – в плане истинностной недостачи – оказывается ситуация с объективно-идеалистически представляемым мировым разумом, лишённым материальной фактуры. И даже гегелевская абсолютная идея, в снятом виде вбирающая в себя природный мир, может быть заподозрена в потере значимого конкретно-истинного материала (того, что остался в «косной» природе).

Обыденными и сверхобыденными (в частности, метафизическими) усилиями мы воспринимаем определённый срез природы и культуры, которые ожидаемо – в согласии с нашими интуициями и убеждениями – представляются либо умалённо-объективированно (материализмом и идеализмом), либо жизненно-конкретно (*реализмом экзистенциально-гилозоистического толка*). Последняя точка зрения сопрягает подлинность человеческого бытия с подлинностью природно-культурного мира. Гилозоизм – философия близости

человека и природы. Экзистенциализм, часто упрекаемый за склонность к индивидуализму, на деле обращается к нам с иным: если нет близости, нет ничего, разве что только абсурд. В экзистенциально-гилософической смысловой конфигурации сугубо объективная истина – не истина вовсе. Субъектная, экзистенциальная компонента играет тут решающую роль, превращая объективно и интерсубъективно сомнительное в человечески достоверное: как в случае с формулированием очередного открытого закона природы, так и при совершении / оценке конкретного поступка, соотносимого с определённым моральным требованием. Риск, конечно, велик. Ведь «есть умы столь лживые, – согласимся с П.Я. Чаадаевым, – что даже истина, высказанная ими, становится ложью» [15, с. 174]. За примерами далеко ходить не надо. Достаточно указать на эфирных долгожителей, с незапамятных времен вещающих с телеэкрана о высоком: некогда – в контексте достоинств «развитого» или «перестроечного» социализма, сегодня – в контексте преимуществ «рыночной» экономики, «правового» государства и «традиционных» ценностей. Вот кто бы только им поверил?!

Субстанциальная истина генетически, онтологически и аксиологически первичнее субъект-объектного разделения сущего. Однако ни происхождением, ни бытийно, ни ценностно она не опережает экзистирующее существо (до которого способен дорасти субъект). В стилистике М. Хайдеггера, «истинность как выявление оказывается способом бытия самого Dasein, его экзистенции» [14, с. 284]. Единственно поэтому и возможны удивительные прозрения гениев, их восхождения к Абсолюту, даже когда для этого нет объективных причин. Взятая фрагментарно, буднично, беззаботно, истина является относительной, но не порывает полностью с совершенным прототипом и при соответствующем экзистенциальном настрое способна возвыситься до него.

В рамках другого – *реляционного* – подхода истина рассматривается как отношение. Чаще всего она видится соответствием смысло-образа, сложившегося в индивидуальном или коллективном сознании, «действительности» (нечто, называемое этим именем, всегда нуждалось и нуждается в уточнении). Либо, нередко, взаимосогласованностью фрагментов идеально-знаниевой сферы сущего (смысло-образов, идей в индивидуальном и коллективном разуме). Либо, наконец, отношением схождения, равенства между элементами семиотического пространства: а) объектом-знаком и объектом-референтом, б) материальным знаком и его идеальным смыслом. П. Рикёр упоминает, кроме того, еще несколько истинностных ракурсов: «соответствие нас самих себе самим» и согласованность с чем-то нашего истинного, нравственного поведения: «вести себя “сообразно с...”, “так, как...”» [8, с. 186].

Берущаяся и понимаемая исключительно реляционно, истина не способна подняться до уровня абсолютной. Ибо Абсолют, несмотря на внутреннюю структурированность, всё же с очевидностью един-единственен. Иначе он не был бы самим собой. Единственность какого бы то ни было отношения (между чем-то и чем-то) никогда не сможет похвастаться той же степенью

достоверности. Примечательна ремарка М. Кундеры касательно эпистолярной строки одной из его героинь: то, что Беттина Brentano «называет *wahre Liebe* (истинной любовью), это не любовь-отношение, а *любовь-чувство*; огонь, зажженный небесной рукой в душе человека...» [3, с. 214]. Утверждение о том, что абсолютная истина «складывается из суммы относительных истин» [4, с. 137] – банальный механистический предрассудок, нелепость. Ведь даже самый правоверный материалист наверняка не удовлетворится жилищем, которое оказывается всего лишь суммой сложенных кирпичей, а предпочтет более прочную крышу над головой.

Реляционное понимание истины само по себе не истинно и не ложно. Оно онтологически зыбко. Подлинность отношений между чем-то и чем-то детерминирована подлинностью объемлющей их реальности. И если та фиктивна, «если характер бытия лжив – что, вообще говоря, возможно [в монологе Ф. Ницше легко уловим картезианский мотив. – *А.Ф.*] – чем была бы тогда истина, вся наша истина? Бессовестной фальсификацией фальшивого? Высшей потенцией лживости?..» [5, с. 305].

В западной философии, несмотря на точечное негодование и неприятие, первенство удерживает реляционная концепция истины. И в версии теории корреспонденции, и в версии теории когеренции она восходит к Аристотелю, чья дефиниция интересующей нас категории получила название классической. С Платоном, кстати, ситуация намного сложнее. В его логике, помимо связи истинностных отношений – между телами-вещами и человеческим сознанием, между идеями в уме человека, между (это главная реляция) человеческим сознанием и занебесьем – существует, прежде всего, в этом самом занебесье эйдос истины, т.е. истина субстанциальной размерности. Европейскими интеллектуалами в последующем предпринимались попытки синтезировать реляционный подход с субстанциональным, онтологизировать понятие истины, дистанцируясь некоторым образом от жёсткого платоновского эссенциализма и не уходя заведомо в откровенную религиозность. Самая изящная, пожалуй, попытка принадлежит Хайдеггеру, трактовавшему истину, бытие и экзистенцию однопорядковыми инстанциями. Поначалу немецкий философ воспроизводит формулу, близкую к архетипически реляционной: «...Истина не налична среди вещей, однако она и не “случается” в некотором субъекте, но лежит, и это следует понимать почти дословно, “между” вещами и *Dasein*» [14, с. 282]. Затем линейная истина-посредник исподволь обволакивается метафизической телесностью: «...истина как выявление происходит в *Dasein* как определение его интенциональных отношений, и в равной мере она представляет собой определение сущего, наличного, в отношении его бытия как выявленного» [14, с. 287]. Однако плененность реляционной конфигурацией ощутима и здесь, особенно с учетом того, что, по Хайдеггеру, бытие не есть сущее, вследствие чего указанные метафизические инстанции нуждаются в дополнительном схождении. Отсюда – выпуклость реляционного толкования истины: ведь последняя, при всех оговорках немецкого мыслителя,

«лежит между» субъектом и объектом и представлена в структуре сочлененно-разъятого суждения копулой «есть».

В отечественной интеллектуальной традиции, по сравнению с западной, ранг субстанциальной истины заметно выше. Репрезентативен тут тезис П.А. Флоренского: истина, «согласно русскому о ней разумению, закрепила в себе [и продолжает удерживать. – А.Ф.] понятие абсолютной реальности: Истина – “сущее”, подлинно-существующее...» [13, с. 15]. И дело не только в ссылке на авторитет (тем более, когда человек светской культуры комплиментарно ссылается на религиозного мыслителя) и не только в личной убежденности (хотя без нее – вообще никуда), а и в известной знаковой черте родного языка, неотделимой от специфики отечественного умозрения. Так, составному немецкому «Esistkalt» соответствует наше односложное «Холодно». Для европейца наличие холодности, как и чего-то иного существующего, обязательно должно быть *дополнительно*, точнее – *предварительно*, удостоверено инстанцией бытия, грамматически символизируемого связкой «есть». Причина ясна: западная – картезианская – ментальность допускает и даже инициирует сомнения в реальности окружающего мира. Герой Ж.-П. Сартра в намерении избавиться от душевной тошноты напрягает память: «Я... говорил: “Море – зелёное, а белая точка вверху – это чайка”, но я не чувствовал, что всё это существует, что чайка – это “существующая чайка”. Как правило, существование прячется от глаз» [10, с. 136]. Для русских философов – все равно, материалисты они или идеалисты – характерна убежденность в том, что мир, погружающий в себя человека, существует и сам по себе, а не только в сенсорном, интеллектуальном или практическом опыте людей. Однако именовать этот мир «объективным» – бессубъектной системой объектов – торопятся не все. В *реальности* же его неиллюзорности никаких сомнений, даже методологического плана, у отечественных мыслителей, как правило, не возникает. Посему нет необходимости прибегать к вспоможению какого-то не-сущего бытия и – в проекции грамматики – к неустранимому присутствию в предложении связки «есть». Завораживающая притягательность русского языка во многом обусловлена обилием в нем метафизически-таинственных назывных предложений. Вспомним есенинский пейзаж родной стороны: «*Несказанное, синее, нежное...*». Или блоковскую графику революционного Петрограда: «*Черный вечер. / Белый снег. / Ветер, ветер!...*».

Субстанциальная истина и сильнее, и скромнее, как ни странно на первый взгляд, истины реляционной. Случающаяся близость сильнее и скромнее существования индивидов в формате отношений. Близость не афиширует себя, отношения не обходятся без пересудов. Реляционно-корреспондентные притязания на объективный результат предполагают нахождение наблюдателя в исключительно привилегированной – нулевой – точке системы координат. По сути, наблюдатель ставит себя над всем прочим сущим, ставит себя на место Бога. А потом начинаются стенания: дескать, трудно быть Богом... Остаться человеком, впрочем, еще труднее. Обожествляющий себя не справляется с людским уделом. Это экзистенциальный слабак, метафизический завистник.

В рамках субстанционального понимания истины субъект познания – не столько наблюдающий, сколько сопереживающий – находится не над, а внутри познаваемой реальности, он окутан ею. Субстанциальная истина отличается от реляционной, а близость от системы отношений так же, как цельное полотно отличается от разрозненных нитей. Для близости и истины (с претензией на абсолютную) нет никакого «между» – ведь к нему в пару пристегиваются обычно «приблизительность» и «непонимание». Близость и истина, напротив, их не терпят – не удовлетворяясь и их противоположностями. Мало понять – куда важнее и ответственнее принять или не принять. Мало быть точным и непогрешимым – хочется быть счастливым. По расчету может быть брак, но не близость.

С корреспондентной истиной требование точности играет злую шутку. Репрезентировав нечто без всякой погрешности, мы получим отображение, неотличимое от отображаемого. Получим, стало быть, постмодернистский триумф симулякров, против которого – на словах, с пафосными декларациями – выступают сами сторонники теории корреспонденции. Сползание в тотальную симуляцию – не единственная опасность, их подстерегающая. Другая угроза, предваряющая «симулятивную», исходит из догматизации всё той же исчерпывающей объективной репрезентации, но при оговорке (пусть крайне невразумительной), что означаемое и означающее как-то все-таки различимы. Стоит заметить в связи с качеством оговорки, что старорежимная формула – «истинное знание объективно по содержанию и субъективно по форме» – ужасающе недиалектична в плане сродства формы и содержания. Экзистенциальный реалист оценит и «предсимулятивное» состояние корреспондентных потуг как удручающе деструктивное: думать больше не надо, догматы безучастно выучиваются наизусть. Оценки прагматического реалиста оказываются здесь разноречивыми, что, в общем, неудивительно.

Х. Патнэм, держась позиции «приблизительной истины», и опасается ситуации с единственно правильным объективным описанием познаваемого, увязывая ее с позицией эмпирически непроверяемого метафизического реализма, и вместе с тем не исключает, что со временем, «если в фундаментальной физике когда-нибудь перестанут происходить научные революции», появится научная концепция, по отношению к которой все предшествующие предстанут приближением к ней как «окончательной» (или к ее проекту), «подобно тому как сегодня мы считаем осмысленным утверждение, что физика Ньютона приблизительно истинна с точки зрения общей теории относительности» [7, с. 182]. Упрекая Р. Рорти в чрезмерном умалении объективности, он уверяет, что при всем многообразии описательных приемов и средств «некоторые из наших высказываний (предложений) гарантированно являются истинными», скажем, «истинность (или ложность) предложения “За завтраком я ел хлебную кашу” на самом деле зависит исключительно от того, каким был (или не был) мой утренний рацион» [7, с. 178–179]. Пример показателен со всех сторон, в том числе и с критической. Гарантированно истинно то, что испытываешь сам или вместе с близким

человеком. Объективность тут не нужна, да она и не достижима. Разделив трапезу со многими, все равно получишь не объективный, а интересубъективный вердикт. Да и получишь ли: то ли использовано молоко, тот ли сорт хлеба, так ли он размят, добавлены или не добавлены специи – каша ли это вообще?

Гарантированно истинное в момент испытания есть абсолютно истинное (миг есть человечески-земной аналог вечности – или, быть может, вечность – его умозрительный дубликат). Я могу сколько угодно заученно твердить, что Волга впадает в Каспийское море, но пока сам не проверю данный факт (а с точкой наблюдения-проверки могут возникнуть проблемы), это суждение останется для меня лишь относительно истинным: так говорят, так принято считать... Экзистенциально важным оказывается здесь иной вопрос: а признаю ли я впадение Волги в Каспий абсолютно истинным, если об этом доверительно сообщит мне близкий человек? Августин писал, что истина принадлежит всем, кто ее любит [1, с. 331]. Но у него Истина есть Бог – и трудности догматически снимаются. Я люблю не Бога, а близкого человека – и безотносительно ко всем разговорам об истине. Когда женщина с излучающими счастье глазами говорит мне о географии, я поверю и в то, что Земля – плоский диск, покоящийся на трех китах: глаза эти убедительнее и консенсуса научного сообщества, и результатов общественной практики. У земной любви и истины нет автоматического взаимозачета – только спорадические пересечения. Случаются эти пересечения благодаря тому, что абсолютная истина и настоящая любовь ни приблизительны, ни точны – они вне отношений сравнения с нормами и образцами... они уникальны.

Прагматизм, включая его новые редакции (и независимо от их приближенности к реализму), небезынтересен экзистенциальному реалисту критикой объективной реальности и объективной истины. Однако дальше этой начальной концептуальной смычки дело не идёт. Прагматизм из отрицания объективной истины (или, что то же самое, из уравнивания объективности с интересубъективностью) выводит невозможность абсолютной истины, да и никакой другой, претендующей на сверхрелятивное обоснование, в том числе и экзистенциальное. Тогда как именно экзистенциально фундированная истина, в стратегии соразмерного ей реализма, способна, думается, претендовать на статус абсолютной, дистанцируясь от требований интересубъективности и объективности – не пренебрегая при этом природным основанием, напротив, ответственно опираясь на него, разумно удерживая себя от упования на трансцендентные, сверхъестественные подпорки. По Рорти же, тут он релятивистски репрезентативен, нам следует признать невозможность нахождения «индивидуирующих условий для одной истинной теории мира...» [9, с. 277]. Но тогда, если суждения всех и обо всем равноценны, и идиллия плюрализма достигнута, стоит ли вообще кому-то о чем-то думать? Речь уже не об известной концептуальной самоликвидации релятивизма. Под угрозой мышление как таковое.

Каковы уроки и перспективы истинностного дискурса в философии? Вопрос не праздный. Сегодня, констатация очевидна, статус истины пошатнулся, она сдаёт свои позиции под натиском «эффективности» и «результативности». Одна из главных причин удручающего онтологогносеологического отступления – в остающемся приоритетном до сих пор реляционном толковании самой истины, в неспособности такого толкования содержательно решить проблему абсолютной истины. Ясно, автору настоящего текста по крайней мере, что суммированием или даже интегрированием относительных истин не прийти к истине абсолютной. Неудовлетворительна и другая известная её трактовка – как нормированного горизонта, к которому наше знание асимптотически приближается, но никогда не достигает.

Контуры концептуального прорыва, или контратаки, если угодно, очерчиваются экзистенциальным реалистом в следующих тезисах.

– В человеческой жизни истина не норма, а исключение из нормы и превышение её.

– При всём том истина, даже абсолютной величины, человекоразмерна: и в смысле определённой ограниченности её местом и временем, и в смысле несводимости её к сугубо интеллигибельному (по ту сторону телесности, чувственности и воли) продукту или эпифеномену.

– Принципиально важно не соблазниться откровенно спекулятивным *абсолютно истинным в вечности* и безоговорочно (хотя и не без риска, конечно же) предпочесть ему надёжно удостоверяемое *абсолютно истинное в мгновении*.

– Критерий абсолютно истинного в мгновении – состояние умиротворения как неординарного покоя: вдалеке от унылой посредственности, в эпицентре бушующей стихии. Вспомним гегелевское стремление понять и выразить истинное не только как «вакхический восторг», но тут же и как «чистый и простой покой» [2, с. 25].

– Фундаментальная противоречивость абсолютной истины обусловлена противоречивым характером мгновения – и выпадающего из временной изменчивости, и пребывающего в ней (миг всё-таки преходящ).

– Становясь за рамками событийного мига преимущественно временной, истина с большой долей вероятности обрекает себя на относительность и подмену неистинным. Хотя не всякое неабсолютное равно относительному – в этом надежда на преодоление гегемонии реляционизма.

– Одно событийное мгновение не девальвируется другим, не превращается в слагаемое некой суммы; каждый онтологически ёмкий миг приоткрывает нам абсолютную истину в уникальном ракурсе.

– Неполнотой раскрытия в мгновенном озарении абсолютная истина не подыгрывает относительности, а защищает свою сокровенность.

– Истина как таковая предельно личностна: она, афористическим слогом Ф. Ницше, обретается тем, в ком не вымарано «метафизическое честолюбие часового на забытой позиции» [6, с. 128].

– Истина, превосходящая относительность, не охватывает всех (доступное всем, всем и безразлично), не закупорена она и в атомизированном индивиде (личностный предел не в обрыве связей со всеми, а в близости с некоторыми, хотя бы одним-единственным).

– Выходя из событийного мига во временность и повседневность, человек озадачивается тем, чтобы сберечь обретенную истину, не разменять её, абсолютную, на относительные подобию. И здесь никакая система отношений – ни объективно складывающаяся, ни конвенциональная – ему не поможет. Истинное, как и всё по-настоящему ценное, сберегается только в кругу близких людей.

– Впрочем, ценность истины, даже абсолютной, не абсолютна. Истина не тождественна благу. Она и дарит, и отбирает. Она жестока в своей способности превратить близкого тебе человека в служителя твоего истинного культа. «Платон мне друг, но истина дороже» – высокопарная формула ординарного предательства.

Список использованной литературы:

1. Августин А. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеевко. М.: Ренессанс, СП ИВО-СиД, 1991. 488 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Система наук. Ч. I. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Шпета. СПб.: Наука, 2002. 443, [XLVII] с.
3. Кундера М. Бессмертие: Роман / Пер. с чеш. Н. Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2004. 384 с.
4. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. [XXIV], 525 с.
5. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.
6. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Разделы первый и второй / Пер. с нем. А.В. Михайлова // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 122–149.
7. Патнэм Х. Вопрос о реализме // Джохадзе И.Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. С. 166–193.
8. Рикёр П. История и истина / Пер. с фр. И.С. Вдовиной, А.И. Мачульской. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
9. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Науч. ред. В.В. Целищев. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.
10. Сартр Ж.-П. Тошнота / Пер. с фр. Ю.Я. Яхниной // Сартр Ж.-П. Тошнота: Избр. произведения. М.: Республика, 1994. С. 23–182.
11. Фатенков А.Н. К нерелятивному: осмысливая и преодолевая прагматизм Рорти и Патнэма // 150 лет прагматизма. История и современность / Отв. ред. И. Джохадзе. М.: Академический проект, 2019. С. 48–66.
12. Фатенков А.Н. Об истине в её метафизических и культурных измерениях // Обсерватория культуры. 2008. № 2. С. 4–8.

13. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины // Флоренский П.А. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. 840 с.
14. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. с нем. А.Г. Чернякова. СПб.: Высшая религиозно школа, 2001. 445 с.
15. Чаадаев П.Я. Отрывки и афоризмы // Чаадаев П.Я. Соч. М.: Правда, 1989. С. 155–216.

Глава 7.

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДЕЛАХ ПРИМЕНЕНИЯ

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТРИКИ ИСТИННОСТИ ЗНАНИЯ

*Доцент, к. филос. н., доцент кафедры онтологии и теории познания
Дагестанского государственного университета. г. Махачкала
МАГОМЕДОВ Камиль Магомедович*

Известно, что проблематика познания и метрика его истинности традиционно рассматривается в рамках философской гносеологии и эпистемологии. Конечно, это правильно, и здесь человечеством накоплен огромный и убедительный материал и все основные составляющие метрики истинности имеют гносеологическое измерение и связаны со знанием, познавательным отношением человека к миру и самому себе. Именно в таком аспекте проблема истины поставлена и решается в классической, неклассической и современной постнеклассической культуре. Так ее понимают и в корреспондентской, когерентной, практико-прагматической и иных концепциях истинности. Отметим также, что такое измерение истины имеет наиболее длительную историю изучения, она разрабатывалась и разрабатывается во всех основных философских парадигмах: западных и восточных, материалистических и идеалистических, монистических и дуалистических, рационалистических и иррационалистических, модернистских и постмодернистских, и многих других. Подобное же видение истины было характерно для философии марксизма, позитивизма, постпозитивизма, феноменологии, герменевтики и т.д.

Особенно велика в гносеологической метрике видения мира роль мыслительной стратегии, заданной еще Аристотелем в своей концепции истины, названной классической, согласно которой истина есть мера соответствия знания о действительности самой действительности. На фундаменте этой гносеологической познавательной матрицы им был задан определенный тип мышления, в которой непротиворечивость знания была выдвинута в качестве определяющей характеристики научного знания, подтверждаемой известными законами «непротиворечия» и «исключенного третьего».

Только вызывает серьезные возражения установка на универсализацию гносеологической парадигмы постижения мира основанной на классической или корреспондентской концепции истины через определение меры соответствия знаний о действительности самой этой действительности.

Необходимо отметить, что в истории культуры произошла чрезмерная «гносеологизация» проблематики познания и метрики его истинности, что объясняется, пожалуй, авторитетом Платона, Аристотеля и марксизма. Поэтому в современной постнеклассической науке все чаще и чаще говорят о

недостаточности чисто гносеологического подхода к проблематике познания и к концепции истины. Возникли многие негносеологические концепты истинности, которые можно назвать *имитациями истинности*, как это было вынесено в названии конференции, в которой мы все участвовали. Об этом и пойдет речь в настоящем разделе монографии.

Следует также заметить, что гносеологическое измерение знания и метрика его истинностной оценки не являются единственными, они лишь часть многоаспектного постижения глубинных оснований бытия и человека. Тем более они не являются исторически первичными в динамике культуры. Их возникновение, пожалуй, было связано лишь с формированием субъектно-объектной парадигмы в культуре, когда у человека и человечества сформировалась способность постигать мир в формах *знания*. В условиях же господства мифологического сознания, в котором субъектно-объектное разделение еще отсутствует, и речи не могло быть о гносеологической оценке постигаемой действительности. Убедительным подтверждением отсутствия в мифологической культуре гносеологической метрики истинности знания является известный новозаветный сюжет из Тайной вечери, во время которой Иисус, отвечая своему ученику, апостолу Фоме, провозгласил «Я есть истина ...». Сама формулировка этого высказывания указывает на полное отсутствие в познавательной культуре того времени гносеологического измерения мира и метрики истинности в постижении мира. Исходя из этого все последующие религии строили свое конфессиональное многообразие по этой негносеологической траектории видения мира и метрики истинности его постижения. И никакая гармония веры и разума, кем бы она ни провозглашалась, не может поколебать эту негносеологическую основу истинности, лежащую в основании любой современной религии.

Еще одной негносеологической метрикой истинности, хорошо разработанной и в античной философии, и экзистенциализмом, особенно М. Хайдеггером, является концепция *aletheia* – *алетейя*, что означает непотаённость, несокрытость, открытость для человека. Она, в отличие от классической гносеологической истины, не скрыта в «дебрях» познания, а только «сокрыта»; надо только уметь ее увидеть. Эта истина, как алетейя, не есть результат гносеологических изысканий человека, познания объективного мира, внешнего и независимого от самого человека; она - та заветная точка, в которой вещи и процессы открываются нам, становятся понятными в своей сущности и многообразных формах проявления. Это открытие мира далеко не всегда связано с познавательным к нему отношением; в нем всегда участвуют такие механизмы, которые трудно и, даже невозможно, выразить в категориях знания и познания.

Именно поэтому М. Хайдеггер говорит в своем знаменитом произведении «Бытие и время»: быть истинным, значит быть раскрывающимся. То есть, истинность – это выражение меры открытости мира. И когда случается такое событие бытия в истине, оно переворачивает, потрясает человека [19, с.219].

К аристотелевской концепции истины приходится вновь обращаться потому, что в ней был задан достаточно узкий вектор в оценке действий механизмов истинности, который не удовлетворяет нас по многим соображениям. Вот некоторые из них:

- во-первых, в аристотелевской концепции истины присутствует лишь один вектор – от знания к действительности; второй же вектор – от действительности к знанию, хорошо разработанный Гегелем и объективным идеализмом в целом, полностью отсутствует. Таким образом, охватывается лишь половина познавательного дискурса. Еще неизвестно, чего больше в познавательной деятельности из этих двух векторов; наверное, оба они одинаково важны и по содержанию, и по значению;

- во-вторых, хорошо известно, что такая бинарная матрица мышления, предполагающая достаточно строгое разделение на «истину» и «ложь», эффективная для естественнонаучного познания, не работает в осмыслении социально-гуманитарной проблематики. На базе этой логики возникло сциентистское мировоззрение, абсолютизирующее метрику естественнонаучного познания и не учитывающее ценности иных, вненаучных форм постижения мира;

- в-третьих, не случайно, диалектическая логика предложила более гибкую и более универсальную парадигму мышления, построенную не на аристотелевских логических законах, а на единстве противоположностей. Эту линию дальше продолжил на современном этапе постмодернизм, открыто провозгласивший своим лозунгом отказ от бинарно-оппозиционного, дихотомического мышления;

- в-четвертых, как важный шаг к более полной и справедливой стратегии мышления, точнее и полнее отражающей познание социально-гуманитарных процессов, мы считаем переход к инклюзивной метрике мышления, преодолевающей односторонность, бинарность и дихотомичность традиционного мышления. Если последнее упорядочивает познавательный дискурс в соответствии с законами аристотелевской логики, то согласно инклюзивной логике мышления нельзя одну парадигму назвать истинной, а другую – неистинной. Согласитесь, в осмыслении гуманитарных процессов, например, в конфессиональном и межконфессиональном дискурсе или в вопросах этнической идентичности больше действует метрика *всеистинности*, при которой обосновывается сосуществование различных культурных форм, их единство в многообразии. Только такое инклюзивное мышление эффективно вписывается в теорию и практику современного мультикультурализма и культурного полицентризма;

- в-пятых, на фундаменте классической концепции истины возникло, так называемое гносеологическое измерение в постижении мира и человека, которое укореняется в культуре в течение двух тысячелетий, правильное в своей основе, но не столь универсальное [12 - 14].

Необходимо также отметить, что ко многим отраслям знания и постижения мира категорически невозможно подходить с гносеологической и

корреспондентской метрикой истинности, заданной аристотелевской логикой. Например, это справедливо в отношении любой мировоззренческой конструкции, как известно, являющейся системой обобщенных взглядов на мир и место в нем человека. Объявлять одно мировоззрение истинной и правильным, а другие – нет, в век современной инклюзивной мультикультуры, может вызывать только раздражение и недоумение.

Сказанное верно и в отношении всей методологии как отрасли философского знания, где больше действуют не истинностные механизмы, а факторы функциональности и практичности. Так, один из основателей и руководителей знаменитого Московского методологического кружка Г.П. Щедровицкий отмечает, что «основные продукты методологической работы – конструкции, проекты, нормы, методологические предписания и т.п. – не могут проверяться и никогда не проверяются на истинность. Они проверяются лишь на реализуемость» [20, с.95].

Считаем, что с линейными метриками истинности нельзя также однозначно пользоваться и в отношении любого философского дискурса вообще. Поэтому к оценкам философии в терминах истинности и ложности нужно относиться крайне осторожно. Это связано даже с действием конституционной нормы о свободе совести, которая касается не только религии, но и всех форм мировоззрения. К чему приводит объявление одной философской системы истинной, а других – неистинными, мы уже убеждались на примере марксистской философии. Наверное, речь о всякой философии должна идти не о метрике его истинности и ложности, а по критериям функциональности, методологической полезности применения ее постулатов к познанию действительности. В этом аспекте, позитивистская ориентация на верификационные механизмы, а попперовская – на фальсификационные механизмы для демаркации науки и философии, в отношении к последней, является вполне понятной.

В свете сказанного нам представляется несколько абсолютизированной противоположность между метрикой истинности и метрикой полезности, которая была проведена в истории философии. Эти два вектора оценки знания почему-то были в свое время дихотомически разведены по полюсам. Речь, прежде всего идет о противопоставлении марксизма и прагматизма в понимании соотношения критериев истинности и полезности. Смысл расхождений между ними, как правило, представляется в понимании вектора движения этих двух метрик оценки знания – метрик его истинности и полезности: марксистская гносеология идет от истинности, как меры объективности содержания знания, и степени соответствия знания и действительности, к метрике его полезности; прагматизм же направляет оценочный дискурс преимущественно в обратном направлении – от полезности к истинности. С этих позиций, марксизм не соглашался с попытками западных ученых отождествления его позиций с прагматизмом, особенно с его родоначальником Ч. Пирсом.

Думается, такое абсолютное противопоставление между марксизмом и прагматизмом в соотношении этих двух оценочных векторов знания в свое время было мировоззренчески и идеологически понятно: истинной может быть только одна философская система. Это, во-первых.

Во-вторых, когда мы разводим по полюсам эти два концепта оценки знания – истинность и полезность, это не означает, что они раздельно так и существуют. Нет, они представляют собой абстракции, то есть, чистые исследовательские формы, которые сосуществуют одновременно: истинность – через полезность и функциональность знания, и, напротив, полезность знания через метрику его истинности. Об этом мы будем говорить ниже, используя авторитет Ф. Бэкона.

В-третьих, по большому счету, расхождения между прагматизмом и марксизмом шли не по критериям первичности или вторичности этих двух важных оценочных матриц знания, а совершенно по другому поводу – определению объективности или субъективности самой человеческой когнитивной практики. Практика, с точки зрения прагматизма – это не объективная, выходящая за пределы человеческого сознания материально-предметная деятельность человека, но деятельность, имеющая субъективный характер, относящаяся к совокупности переживаний человека в чувственном опыте.

И, в-четвертых, когда говорится об истинности и полезности, то речь идет о несколько различных оценочных векторах: истинность подразумевает гносеологическое измерение знания через определение меры содержательного соответствия или несоответствия знания и действительности; полезность же рассматривает функциональные характеристики знания, которые, действительно, не совпадают с гносеологическими и содержательными.

Будет справедливо отметить, что экономические науки и экономические отношения также являются такими сферами, где метрика истинности предельно сближается с критериями полезности, функциональности, прагматичности.

В негносеологических измерениях знания истинностные и функциональные ценностные критерии, можно сказать, совпадают. Так что получается, что когда Ф. Бэкон утверждал: «Что в действии наиболее полезно, то и в знании наиболее истинно» [3, с.86], и что «истинное и полезное суть одно и то же» [3, с.12], он был недалек от правды, если иметь в виду не предметное знание, а технологическое знание, к которому относятся все направления методологии науки и деятельности.

Таким образом, получается, что применительно к экономическим наукам, как и к экономическим процессам в целом, не совсем корректно применять критерии гносеологического измерения истинности знания. Тут в большей степени действуют прагматические, негносеологические метрики оценки знания, связанные с его практической эффективностью, функциональностью и полезностью.

Сказанное, конечно же, не говорить о совпадении, а о сближении этих двух важных оценочных метрик знания. Да и сам Бэкон, когда утверждал выше

изложенное, то имел в виду их взаимозависимость и взаимодействие. Поэтому, как отмечает Н.С. Нарский, «совпадают не истина и польза, но истинное и полезное (в случае применения) знание. В поисках пользы мы должны сначала обрести истину, после чего, так или иначе, сможем прийти к пользе... Люди начинают с практического отношения к вещам, этим же отношением завершается их деятельность, но успешной их практика, коль скоро она не опирается на знания, не будет [17, с.24-25].

В связи со сказанным хочу выразить одну мысль, которая может показаться несколько непривычной. Все дело в том, что отмеченная выше дихотомичность между истинностью и полезностью в разной степени проявляется в различных областях познания. Другими словами, дистанция между истиной и пользой в различных формах постижения мира является неодинаковой. Например, в монотеистических религиях откровения критерии истинности и полезности, в целом, совпадают через символику всеобщего, всемогущего и всеблагого Бога. Он – единственный, в котором истина и польза совпадают и находятся в неразрывном единстве. Думать по-другому – значит ставить под сомнение такой абсолютный божественный статус. Без этого нет подлинного теоцентризма. Естественнонаучная же динамика нам многократно подтверждает разновекторность и даже конфликтность метрики истинности и полезности.

Нам представляется, что для экономической науки и практики эта дистанция между истиной и пользой, если можно так сказать, несколько короче по сравнению с естествознанием; я бы сказал, что между ними нет той «пропасти», полярности и оппозиционности и налицо дальнейшее сближение этих двух оценочных векторов знания. Можно сказать, что в тех областях познания, в которых оценка осуществляется через корреспонденцию знания и действительности, дистанция и «коэффициент несовпадения» между истинностью и полезностью выше, чем в отраслях знания, где оценочная стратегия осуществляется через прагматические и функциональные критерии, связанные с выходом на практику.

Этот же факт мы наблюдаем и в других областях знания. Например, во всех инженерных и технических науках истинность знания сводится к метрике его полезности и функциональности, работоспособности. Это естественно, так как считается, что если техническое изделие работает, то принципы и знание, которые легли в его основу, подтверждают, тем самым, свою правильность и истинность.

В этом плане совершенно справедливым является разделение *предметного* и *технологического* знания именно по критериям действия механизмов истинности и функциональности, работоспособности. Для предметного знания метрикой его ценности выступают критерии истины, а для второго – практическая реализуемость.

Таким образом, главная идея, которую мы хотим предложить интеллектуальному сообществу состоит в следующем: в условиях мультикультурализма и плюрализма когнитивных механизмов общества и

человека *необходимо устранить сциентистскую монополию науки и гносеологии на истину*. На нее имеют право все без исключения формы постижения мира. Ризоматическая метрика организации современной культуры, о которой дружно говорят представители постмодернизма, должна соответственно отражаться и на измерениях истинности. Это естественное следствие полилогичности организации всей человеческой духовности, снимающей крайности сциентизма и антисциентизма.

Сейчас все чаще и чаще гуманитарии и религиоведы говорят о праве на существование *символической* концепции истины, которая также не укладывается в прокрустово ложе гносеологической метрики миропонимания [1]. Действительно, в гуманитарном знании и в религиоведении мы на каждом шагу убеждаемся в глубине символической и метафорической оценки мира, которое, как правило, не укладывается в метрику гносеологического видения мира. Например, суждение «Волга впадает в Каспийское море», которое часто приводится в учебниках по формальной логике, как пример предложений, истинность которого не вызывает сомнений. А теперь приведем известные слова из замечательной песни в исполнении Марии Пахомовой, хорошо знакомые нашему взрослому поколению: «Кто сказал, что Волга впадает в Каспийское море? Волга впадает в сердце мое!». По большому счету, если следовать канонам классической логики, истинно первое суждение, а второе ложно. Согласитесь, язык не поворачивается, чтобы произнести такое в отношении этой замечательной поэтической метафоры. Ведь автор этой песни и знаменитая певица правы не меньше, чем ученый, провозглашающий первый тезис.

Или, например, библейский сюжет о том, как Иисус пять хлебами и двумя рыбами накормил 5000 человек и при этом еще осталось 12 коробов. Глупо проверять данное суждение через корреспондентские механизмы соответствия или несоответствия действительности. Речь идет об искреннем и бескорыстном желании Иисуса помочь всем. Без чудес это было бы невозможно. И таких примеров в любом Священном писании великое множество. Объявлять их иллюзорными и ложными, как делает воинствующий атеизм и радикальный сциентизм, я бы не стал. Речь идет о метафорическом видении мира и символической концепции истины, на которой построена вся наша духовность, нравственная, этническая и конфессиональная идентичность.

Наиболее ощутимо ограниченность гносеологической метрики истинности ощущается при рассмотрении религиозной концепции истины. Наверное, не будет ошибкой, если сказать, что слово «истина» и смежные с ним понятия являются одними из часто применяемых в религиозных священных текстах.

Мало того, смело можно утверждать, что именно через проблему истины, снимается былая антиномичность науки и религии и происходит сближение этих двух важнейших способов постижения мира. Это, во-первых.

Во-вторых, как отмечал Гегель в «Науке логики», через посредство проблемы истины снимается также антиномичность философии и религии,

поскольку предметы философии и религии совпадают именно в проблематике истинности: «Философия и религия имеют своим предметом *истину*, и именно истину в высшем смысле этого слова. – в том смысле, что *бог*, и только он *один*, есть истина. Далее, обе занимаются областью конечного, *природой* и *человеческим духом*, в их отношении друг к другу и к богу как к их истине» [4, с. 84].

В-третьих, бинарность, дихотомичность и оппозиционность нашего традиционного мышления, построенного на законах противоречия и исключенного третьего, согласно которым имеет место «А или не-А, а иного не дано», часто мешает осознанию всего богатства проявлений и оттенков истинности в понимании бытия и человека, формируя, говоря словами Г. Маркузе «одномерного человека» с линейным вектором мышления и оценок. Не случайно, против такой бинарности и оппозиционности классического мышления ориентирована вся культурная и познавательная стратегия постмодернизма.

В-четвертых, не надо забывать о том, что сама проблема истинности, правда в негносеологической форме, впервые в истории человечества была поставлена именно религией. Знаменитое молчание Иисуса на вопрос Пилата «Что есть истина?», а также не менее известный его ответ своему ученику «Я есть истина...» подтверждают наличие концепта истины, поскольку подобное утверждение было бы невозможно без предварительных представлений об истине вообще.

Обращение к проблеме истины в науке произошло несколько позже, о чем мы выскажемся ниже.

Былое противопоставление религиозного и научного способов постижения мира, доведенное до изоляции мифологии, религии от проблематики истины, в целом преодолевается в современном обществе. Одним из первых брешь в такой рационалистской и сциентистски организованной культуре пробил известный философ науки П. Фейерабенд, через раскрытие механизмов пролиферации, размножения знаний, часто дедуктивно внутренне не связанных и использующих различные познавательные и оценочные стратегии, между которыми нет содержательной и логической преемственности. Отмеченная этим американским представителем методологического анархизма пролиферация касается не только каналов постижения мира в одной только научной парадигме; речь идет о нахождении общих смежных точек в размножении, в том числе, имея в виду и вненаучные формы постижения мира, которых он возносит достаточно высоко. Отсюда он приходит к выводу, что познавательная ценность науки относительна, а порой, даже сомнительна, поскольку «познавший себя есть собственный палач». В этом отношении, наука – не самое лучшее приобретение человечества. По ряду параметров мифология даже приоритетна перед наукой, поскольку она положила начало человеческой культуре, а наука же – только продолжила эту культуру и далеко не всегда в лучшую сторону. Наука – это очередная интеллектуальная традиция, пришедшая на смену мифу, магии и религий.

Культ одних механизмов постижения мира заменяется другим; он не лучше и не хуже других, он просто иной.

Здесь мне могут возразить: в условиях господства мифологического сознания еще не образовалась субъектно-объектная парадигма познания, где только и возможна сознательная постановка вопроса об истинности, тем более, в гносеологическом измерении. Поэтому по поводу использования концепта истинности в языке и коммуникации дохристианских культур речь может идти о метафоре истинности, лишь внешне имитирующего современную метрику истинности. Отчасти, конечно, такое возражение вполне оправдано. Но не надо забывать, что само гносеологическое измерение, рассматривающее меру соответствия знаний и действительности, как мы уже отмечали выше, имеет два возможных вектора: первый – движение от субъекта к объекту, от знания к действительности, познавательная стратегия, традиция, идущая от античности, особенно Аристотеля, определяющий истинность через корреспонденцию знания, т.е. определение меры его соответствия или несоответствия действительности: суждение «Снег бел» истинно, если и только если он действительно бел». Второй же вектор предполагает обратное движение – от знания в понятийной форме к действительности; поэтому под истиной здесь уже предполагается мера соответствия действительности знания, что и показал гениально Гегель: суждение «Жучка есть собачка», истинно, если и только если она отвечает понятийным критериям «быть собачкой».

Пожалуй, с противопоставлением науки и религии через первый, корреспондентский, вектор оценки истинности можно согласиться. Действительно, было бы совсем глупо верифицировать многие религиозные сюжеты через корреспондентскую метрику измерения их соответствия или несоответствия действительности. Например, оценивать на предмет соответствия действительности известный евангелический сюжет, где Иисус пятью хлебами и одной рыбиной накормил пять тысяч человек, да еще много корзин осталось в запасе.

Что же касается второго, «гегелевского» оценочного вектора соотношения между знанием и действительностью, определяющего меру соответствия действительности знанию в понятийной форме, то, можно утверждать, что оно имеет место в мифологической и религиозной культуре. Это убедительно подтверждается в наличии в религиозных сюжетах так называемой антропологической или экзистенциальной истины, когда конкретный индивид объявляется носителем истины. Один из серьезных аргументов сторонников противопоставления религии и науки и изоляции первой от истинностной проблематики состоял в следующем: научный дискурс всегда претендует на объективность, а религиозные и теологические постулаты провиденциальны, являются рационализированными формами утверждения всемогущества бога, а потому они телеологичны по своей сути, форме и содержанию. По этому поводу следует заметить, что наука и философия, начиная с «causa finalis» Аристотеля и «предустановленной гармонии» Лейбница, устранила этот аргумент сторонников их противопоставления.

Кибернетика, синергетика и современное естествознание с его подчеркнутым реляционным холизмом, показали объективную основу всякой целесообразности. Поэтому в науке утвердился целевой подход, в которой исследователь обращается к конечной стадии развития как к цели, отправляясь от которой аналитически устанавливаются причины по их следствию. Особенно убедительно этот целевой подход показал свои эвристические возможности в формулировке антропного принципа в космологии, согласно которому значение многих физических и космологических величин не случайно, а продиктовано существованием условий, где могла бы возникнуть жизнь. Наблюдаемые свойства Вселенной напрямую зависят от существования нас как наблюдателей.

Таким образом, наука и философия – не единственные сферы человеческого духа, чья деятельность направлена на поиск истины. Ее ищут и к ней стремятся и в научном, и религиозном, и художественном, и нравственном, и любом другом постижении мира. В этом плане, все люди в разной мере носители, искатели и защитники истины, как бы она ни понималась. Поэтому каждый из нас стремится так или иначе идентифицироваться с ней, познать, обрести, распорядиться всем потенциалом ее содержательного многообразия. И каждый старается ухватить свою долю «пирога», называемого истиной, а каждый профессиональный тезаурус формирует и культивирует собственное видение бытия.

Например, мораль полагает истину как нравственный долг, направляемый лучом совести, добра и зла. Для политика истина – идеологический инструмент для утверждения «воли к власти». Писатель, особенно нашего культурного менталитета, всю свою жизненную и творческую энергию посвящает поиску истины-правды. Драматургия их творчества во многом также связана с разочарованиями, страданиями на этом пути. Для науки – выражение объективной и закономерной метрики бытия. Для философа, истина – выражение сложной диалектики объективного и субъективного в познании. Для экономиста – обычный товар, имеющий стоимостный эквивалент, зависящий от спроса и предложения. И, как совершенно справедливо отмечает проф. Курбанов М.Г., «истина открывает мир ровно столько, сколько мир пронизывает и охватывает человека, полного тайн и загадок. Каждое переживаемое событие может открывать или скрывать ту или иную тайну человека в мире, или тайну мира в человеке, приближая нас к ней, или удаляя от нее» [5, с.161].

Религии всех конфессий не являют собой здесь исключения; они также имеют свое измерение истины, правда с существенными расхождениями [8;9].

Христианством, например, в качестве ответа на этот вопрос, была предложена миру новая форма нравственной истины в Нагорной проповеди с ее методологическим ядром – философией непротивления. Возникшее на основе его учения, христианство, охватив большую часть населения земного шара, превратилось в убеждение, образ жизни и нравственное и мировоззренческое кредо и модус истинности для миллионов людей. Для верующего христианина

истина не может быть производным от познания и вторичным по отношению к чему-либо. Она всегда первична, ведь истина – это сам Бог. В этом плане, истина в христианстве не понимается как какой-то когнитивный продукт, следствие интеллектуальной деятельности и результат накопления информации о мире и человеке.

Из перечисленного вытекает одно очень важное для постижения мира методологическое следствие. Оно в философии было, как бы между строк, озвучено Платоном, – это вывод о возможности существования истины вне знания. Оказывается, что истина существует до и независимо от знания; она впоследствии может трансформироваться в знание или находит для своего существования иные, отличные от знания и познавательных механизмов формы своего бытийствования. М.И. Билалов замечает эту хронологическую асинхронность истины и знания в философии Платона, когда им подчеркивается такая ситуация в познавательном процессе, когда определенное субъективное отношение к истине еще не позволяет говорить о ней как об истине знания «для нас», а не «самой по себе». Формирование истины может сводиться к установлению адекватного отношения между идеальным образом и объектом познания, но знание предполагает также некое отношение субъекта к этому сформировавшемуся образу. Отношение, которое не ограничивается функциями формирования истинного образа и обладания им. Поэтому истина «появляется на свет», формируется, как правило, как этап на пути становления знания. Развиваясь, трансформируясь в знание, истина, выражаясь словами Гегеля, не только ничего не теряет, а, наоборот, обогащается в своем содержании. В результате такой диалектики, всякое знание оказывается истиной; но не всякая истина – формой знания [2, с.142-143].

Далее, из догмата Троицы прямо вытекает, что истина имеет личностный аспект! Если Бог и есть сама истина, а Он личность и больше, чем то, о чем ты можешь помыслить. Следовательно, об истине в религиозном контексте невозможно говорить, как о чем-то завершенном или познанном. Она всегда незавершена, загадочна, парадоксальна, таинственна. Здесь уже не работают привычные для научного познания категории и механизмы. Можно говорить лишь о личностном постижении истины, об открытии ее человеку, о внутреннем озарении.

Ислам, с одной стороны, продолжил эту линию прямой увязки Бога с истиной, но, с другой, предложил несколько иной модус ответа, отличный от изложенного в Нагорной проповеди, без изначальной греховности и догмата боговоплощения человека. А самое главное – с истины снимается всякий личностный момент, поскольку это противоречит духу абсолютного божественного предопределения, являет собой недопустимую форму уподобления Богу человека.

Поэтому, следует заметить, что концепция истины, связанная с определенным человеком – ее носителем, послужила базой для появления в истории человечества авторитарных форм мироздания и моделей миропонимания, где истина связывается лишь с определенной личностью –

Моисеем, Христом. Таким образом, развитие духовных формообразований культуры было направлено по траектории противопоставления, конфронтации, ведущей к появлению экстремальных и тоталитарных форм миропонимания. Это было естественно: раз истина связывается лишь с конкретным человеком, то другие схемы миропонимания, где носителем истины представляется другие особи, рассматриваются как неистинные, иллюзорные, и, что еще хуже, реакционные и враждебные.

Ислам в этом религиозном ряду не являет собой исключения; пожалуй, здесь эта связь истины с Бытием Бога только усиливается, поскольку он, по своему духу, выражает абсолютный и всепоглощающий монотеизм. Может поэтому, наверное, мало слов, которые использовалось бы чаще в Коране и исламе в целом, чем истина и ее производные: «ал-хакк» и «хакикат» – истина, «тарикат» – путь к истине, «талибун» – ищущий истину, «тахкик» – обретение истины и другие.

На первый взгляд, кажется очевидным, что последовательный ислам, как форма абсолютного монотеизма, утверждает одномерность связи Аллаха и истины, поскольку его всемогущество распространяется и на дух и пределы человеческого познания. Это обстоятельство позволяет иногда считать ислам разновидностью бессубъектного мировоззрения, якобы вытекающего из всеобщего предопределения, согласно которому полностью игнорируется роль субъективного начала в когнитивных процессах, а истина считается одномерной, что является еще одним доказательством тоталитарности его конструкции. Обоснованию категорической неприемлемости такой оценки ислама мы посвятили ряд статей [6; 7].

При этом забывают, что ислам, в отличие от других религий откровения, не содержит ортодоксии, поскольку имеет нецерковный статус, где возможно прямое обращение к Богу, минуя всевозможных посредников. Из этого исходит еще одно отличие ислама – практически полное отсутствие в нем ереси, когда с позиции одного канона другая рассматривается как неудобная Богу и неправильная, со всеми вытекающими из этого последствиями. Отсюда широкая практика признания различных школ (масхабов) и толкований (идштихадов), по которым возможно личностное и свободное смысловое богопонимание, исходя из собственного опыта и мировоззрения.

На плюралистичность понимание истины в исламе указывает также наличие в нем семи «кыраатов» – вариантов чтения и понимания Корана и его аятов.

Эта логика плюрализма в полной мере необходима и в отношении к другим культурам и конфессиям. Вспомним известный призыв пророка: «Ищите знания даже в далеком Китае». Не случайно, начиная с Конституции Медины, основанной пророком Мухаммедом, оформлен официально правовой и когнитивный статус людей других Писаний – иудеев и христиан, как отражающих иные грани божественной сущности и истины.

Таким образом, складывается совершенно демократичная и инклюзивная концепция веротерпимости, пронизывающая все конструкцию исламского

вероучения. Ее суть блестяще озвучил замечательный исламовед, академик РАН, доктор философских наук Смирнов А.В. на конференции 2015 г. в Махачкале: условием истинности твоего вероисповедания является непременно признание истинности любого другого вероисповедания. Твое вероисповедание не истинно, если ты не признаешь истинность любого другого вероисповедания [18, с.50].

Мы не случайно в последнее время посвящаем много статей обоснованию правомерности переходе в религиоведении от эксклюзивного к инклюзивному мышлению, без которого нет комфортного вписания любой религии в современную мультикультуру [15]. Сказанное, конечно же, не означает полного отказа от эксклюзивных механизмов, без которых невозможна никакая религиозная и иная любая культурная идентичность. Речь идет о нахождении гармонии между этими диалектически связанными векторами в межконфессиональных отношениях.

И еще об одном интересном своеобразии понимания истины исламской культурой. Не секрет, что особенно во многих сектантских религиозных направлениях, внушается, что не всякому дано узреть истину, она скрыта от непосвященных. Поэтому следует слепо довериться определенной личности – мессии, который только и поможет найти эту истину. Действительно, истина не всегда открыта и представлена на поверхности явлений, и порой не хватает и жизни, чтобы узреть ее за миром повседневности. Но это не дает повода отказывать, кому бы то ни было, вправе узреть истину. В этом аспекте, в отличие от многих известных в различных частях мира тоталитарных сект, ислам демократичен в своей основе, допускает право каждого в постижении истины веры.

Мало того, подчеркивается, что всевозможные «шторы таинственности», особой «ауры посвященности» в истины религии – путь категорически неприемлемый в исламе, поскольку он противоречит практике иджтихада, дающему каждому свободно и открыто излагать свое понимание вопроса. Поэтому, отмечается в достоверных хадисах, «если ты увидишь людей, которые втайне от всех говорят что-либо о своей религии, то знай, что они в основе заблуждения!» и «знание не пропадет, пока оно не станет тайным» [21].

Как отмечал пророк, «не перестанет группа людей из моей общины открыто придерживаться истины, и не повредят им выступающие против них до тех пор, пока не придет повеление от Аллаха». Поэтому, говорить о религии – великая ответственность, и вводить в заблуждения людей, не имея знаний – один из самых тяжких грехов. И пророк сказал: «Самому суровому наказанию в Судный День подвергнется человек, который, не имея знания, ввел людей в заблуждение» [21].

Следует подчеркнуть, что одна из глубинных причин драматических социально-политических процессов в мусульманском мире состоит в

стремлении на монополию истины в вере и столкновении различных векторов в понимании истинного содержания веры.

Мы уже в нескольких публикациях и выступлениях на различных конференциях говорили о праве на существование еще одной негносеологической концепции истины, а именно *физиологической* концепции истины, на чем построена деятельность полиграфологической техники и профайлерских технологий детектации информации, чрезвычайно популярных на телевидении, особенно на Первом канале. В условиях, когда применение этих техник и технологий в судебно-следственной практике, при приеме на работу на многие должности, не говоря уже о секретных сферах, связанных с разведкой и обороной, стало обыденным явлением, а коэффициент их достоверности достигает почти до 100%, отрицать наличие такого концепта истины было бы несправедливо. Но об этом мы писали, поэтому отсылаем к литературе [10; 11; 16].

Таким образом, мы много раз убеждаемся в наличии множества негносеологических метрик постижения мира и человека. И было бы нечестно утверждать, что они лучше или хуже привычных нам гносеологических способов познания. Все они вместе обогащают сложный и противоречивый процесс познания, реализуя мечту Вл. Соловьева о всеединстве, предполагая его реализацию, в том числе, как единство всех возможных форм постижения мира и концептов истинности.

Список использованной литературы:

1. Билалов М.И. Символическая модель истины в проблеме осмысления ислама // Исламоведение, 2016, №1. С.59-66.
2. Билалов М.И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2017. – 376 с.
3. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т.2. – М.: Мысль, 1972.
4. Гегель Г. Энциклопедия философских наук: В 3-х тт. Т.1. Наука логики. – М.: Мысль, 1975.
5. Курбанов М.Г. Человек: между истиной бытия и бытием истины //Что есть истина? Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции, 6-7 сентября 2013 г. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. С. 160-163.
6. Магомедов К.М. Субъектные метаморфозы в различных типах мировоззрения и картинах мира // Вестник Иркутского гос. технического университета. 2015, №5(100). С.411-415.
7. Магомедов К.М. Субъектные метаморфозы в различных типах культуры //Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве. Сб.

статей по материалам 7 Всероссийской научно-практ. конф. с международным участием 3-6.11. г. Махачкала. - Махачкала,2015. С.194-197.

8. Магомедов К.М. Проблема истины в науке и религии // Исламоведение,2016. Т.7. №2(28). С.46-59.

9. Магомедов К.М. Религия и наука через метрику истинности // Исламоведение. 2018. №2. С.115-119.

10. Магомедов К.М. Почему бы не быть физиологической концепции истины?» // Вестник РФО,2016, №2. С.84-88.

11. Магомедов К.М. О физиологической метрике истинности информации // Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры: сборник научных статей / под ред. О. Д. Маслобоевой. – СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 147-153

12. Магомедов К.М. Гносеологическое и негносеологическое измерения знания и особенности метрики оценки его истинности // Поиск истины в пространстве современной культуры», СПб 24-25 октября 2017 г. – СПб: Изд-во СПбГЭУ,2017. С.22-27.

13. Магомедов К.М. Гносеологическая метрика мира и явление инклюзивности в культуре //1X международной научно-практической конференции. «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: духовно-нравственное воспитание молодежи»9-10 ноября 2017 г. Махачкала. – Махачкала,2017. С. 114-119.

14. Магомедов К.М. Гносеологические и негносеологические концепции истины Актуальные проблемы современной науки: взгляды молодых ученых. Материалы Всероссийской научно-практической конференции г. Грозный, 13 мая 2016 г. Махачкала: Алеф, 2016. С.371-377.

15. Магомедов К.М. Об эксклюзивной и инклюзивной метрике организации культуры //Диалог культур в глобализирующемся мире: Материалы Всероссийской научно -практической конференции (с международным участием). / Под редакцией В.Э. Манаповой, О.С. Мутиевой. - Махачкала: АЛЕФ, 2018. С.128-132.

16. Магомедов К.М. Имеет ли право на существование «физиологическая» концепция истины? // Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции «Что есть истина? Г. Махачкала, 6-7 сентября 2013 г. – Махачкала,2013, С.166-168.

17. Нарский Н.С. Западноевропейская философия XVII века. Учебное пособие. – М.: Высшая школа,1974.

18. Смирнов А.В. Классический ислам и современный Дагестан: как можно сегодня прочитывать исламское наследие // Проблемы российского

самосознания: историческая память народа. Материалы 12-й Всероссийской конференции. Москва– Махачкала, апрель 2015 г. – М.–Махачкала: Дельта-Пресс, 2015. С. 43–54.

19. Хайдеггер М. Бытие и время. - М.: adMarginem, 1997. – 452 с.

20. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. – М.: Школа культурной политики, 1977.

Глава 8.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ РЕФЛЕКСИВНАЯ ТЕОРИЯ ИСТИНЫ

*Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
Мордовского государственного университета, г.Саранск*

Гагаев Андрей Александрович

*Доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики
Пензенского государственного университета, г. Пенза*

Гагаев Павел Александрович

Введение. Существующие теории, модели истины (Платон, Аристотель, эмпиризм, рационализм, И. Кант, И. Г. Фихте, Ф. В. Шеллинг, Г. Ф. В. Гегель, Л. Фейербах, К. Маркс, В. И. Ленин, О. Нейрат, Ч. Пирс, А. Тарский, К. Поппер, Т. Кун, Л. Больцман, А. Эйнштейн, Н. Решер, Б. Рассел, Е. Вигнер, Витгенштейн Л., М. Месарович, Д. Пойя, М. Поляни, К. Попа, П. Фейерабанд, Г. Башляр, М. Бунге, М. Вартофский, Г. Вейль, Г. Гадамер, В. Гейзенберг, Э. Гуссерль, П. Дюгем, Х. Карри, М. Клайн, А. Койре, Т. Котарбинский, Г. Крон, И. Лакатос, А. Пуанкаре, К. Риккерт, Э. Кассирер, В. Вундт, В. Вильденбанд, Р. Фейнман, О. Шпенглер, Н. А. Васильев, Э. М. Чудинов, и др.) носят феноменолого-функциональный и редукционный характер. Субстратно-рефлексивная теория истины, охватывающая весь опыт науки вообще (математики, естественных, технических, и гуманитарных наук, искусство и религию), отсутствует. Поэтому представляет безусловный интерес развитие теории истины именно в теории и методологии субстратного подхода в этнокультурной модели науки и понимания вообще.

I. Форму истинности суждения, форму истины и ее модификации нельзя рассматривать вне модели человека: а) вообще, б) расово-этнического человека, в) вне психогенетики расы и этноса, г) вне этнического космо-психо-логоса. Суждение истинности является анимальной причинно-следственной (не функциональной) инстинктивной формой статики и динамики расово-этнической антропологии и системы космо-психо-логосов.

II. Субъект и предикат истины – человек, познающий человеколюбие, равенство, истину, справедливость, свободу, материю и космос. Это человек, обладающий в аспекте рефлексий в психогенетике уникальным набором рефлексий мозга: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной, которые задают уникальный набор этнологик мышления.

III. Синтетическая рефлексивная психогенетическая модель истины. Истина, есть пересечение феноменологического, атрибутивного, функционального, структурного и субстратного образов рефлексий в мозге (S суть $P_0 \wedge \bar{P}_{1-5}$) как универсально-этнокультурный и уникальный жизненный и научный способ мышления.

1. Теоретико-множественная модель соотношения рефлексий такова (рис. 1)

Рис. 1

2. Множество (историко-этнических) суждений в зависимости от их истинности в каждой из пяти рефлексий: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной - разбивается на 32 подмножества ($C_5^5 + C_5^4 + C_5^3 + C_5^2 + C_5^1 + C_5^0 = 1 + 5 + 10 + 10 + 5 + 1 = 32$). Эти взаимонепересекающиеся 32 подмножества суждений в объединении исчерпывают все рассматриваемое множество исторических суждений. Область пересечения рефлексий P_0 - подмножество суждений, истинных в каждой из пяти рефлексий суть аподиктическая истина. Если пересечение рефлексий пусто $P_0 = VAFStSu = \emptyset$, то можно сделать вывод о неполноте исходного множества суждений, истинных в одной или нескольких рефлексиях, но неистинных в каждой из пяти рефлексий одновременно.

1). Суждения, несовместимые с P_0 , но истинные в нескольких рефлексиях, делятся на $C_5^4 + C_5^3 + C_5^2 = 5 + 10 + 10 = 25$ подмножеств.

Пять подмножеств суждений, истинных в четырех рефлексиях, но ложных в одной:

$$P_1 = (\neg V)AFStSu \cup V(\neg A)FStSu \cup VA(\neg F)StSu \cup VAF(\neg St)Su \cup VAFSt(\neg Su)$$

Десять подмножеств суждений, истинных в трех рефлексиях, но ложных в двух:

$$P_2 = (\neg V)(\neg A)FStSu \cup (\neg V)A(\neg F)StSu \cup (\neg V)AF(\neg St)Su \cup (\neg V)AFSt(\neg Su) \cup \\ \cup V(\neg A)(\neg F)StSu \cup V(\neg A)F(\neg St)Su \cup V(\neg A)FSt(\neg Su) \cup \\ \cup VA(\neg F)(\neg St)Su \cup VA(\neg F)St(\neg Su) \cup \\ \cup VAF(\neg St)(\neg Su)$$

Десять подмножеств суждений, истинных в двух рефлексиях, но ложных

в трех:

$$P_3 = VA(\neg F)(\neg St)(\neg Su) \cup V(\neg A)F(\neg St)(\neg Su) \cup V(\neg A)(\neg F)St(\neg Su) \cup V(\neg A)(\neg F)(\neg St)Su \cup \\ \cup (\neg V)AF(\neg St)(\neg Su) \cup (\neg V)A(\neg F)St(\neg Su) \cup (\neg V)A(\neg F)(\neg St)Su \cup \\ \cup (\neg V)(\neg A)FS(\neg Su) \cup (\neg V)(\neg A)F(\neg St)Su \cup \\ \cup (\neg V)(\neg A)(\neg F)StSu$$

2). Пять подмножеств суждений, истинных только в одной рефлексии:

$$P_4 = V(\neg A)(\neg F)(\neg St)(\neg Su) \cup (\neg V)A(\neg F)(\neg St)(\neg Su) \cup (\neg V)(\neg A)F(\neg St)(\neg Su) \cup \\ \cup (\neg V)(\neg A)(\neg F)St(\neg Su) \cup (\neg V)(\neg A)(\neg F)(\neg St)Su$$

Все суждения любой логической формы, основанные на нескольких из пяти рефлексий, носят только правдоподобный характер.

3). Подмножество суждений, ложных в каждой из рефлексий одновременно:

$$P_5 = (\neg V)(\neg A)(\neg F)(\neg St)(\neg Su)$$

В системе 1+5+10+10+5+1, первая 1 подсистема – форма абсолютной истины, первые 5 подсистем – преимущественно истина и в меньшей степени ложь в дифференцированной форме, первые 10 подсистем – преимущественно истина и в меньшей степени ложь в перспективе направления нарастания лжи; вторые 10 подсистем – суть преимущественно ложь и в меньшей степени истина в перспективе нарастания лжи в дифференцированной форме, вторые 5 подсистем – преимущественно ложных и в меньшей степени истинных в дифференцированной форме в направлении движения к абсолютной лжи; и наконец заключительная 1 подсистема – абсолютная ложь в общем интервале движения мысли от лжи к истине и от истины ко лжи, к заблуждению. Данная концептуализация формы истины фиксирует абсолютную истину (как конструкт), абсолютную ложь (как конструкт) в абстракциях и потенциальной, и актуальной бесконечности, форму (формы) интервальных моделей истины (например, для области технических наук и т. п.), различие абсолютной истины и лжи. В формальном смысле система подсистем (подмножеств) реализует закон абсолютного различения истины и лжи Н.А. Васильева (но в конструктивной предметной форме), законы исключения 2, 3, 4-го (Н. А. Васильева) и закон исключения 5-го [4; 5; 8; 9; 10].

3. Закон исключения четвертого Н. А. Васильева.

Закон исключения четвертого (совместимости и присущности предикатов к субъекту):

$P_0 (VAFStSu) \wedge (\neg P_{1-5})$. Истинное суждение выражает присущность свойств P_0 , неприсущность, совместимость $\neg P_{1-5}$ с P_0 . Здесь P_{1-5} – пять образов пяти рефлексий, самих по себе в отдельности, а P_0 – их пересечение. Запись такова: $P \vee \sim P \vee \approx P (S_{(16)P_0})$, читается: P присущ, не присущ, совместим с субстанциональным субъектом.

Соответственно суждение (индифферентное суждение) в логике Н. А. Васильева имеет вид: S суть P и $\neg P$ сразу.

Соответственно умозаключение в этой же логике имеет вид:

$M - P \wedge \neg P$ сразу

$S - M$

$S - P \wedge \neg P$ сразу.

4. Закон исключения пятого. Некоторые S суть P_0 ($VAFStSu$) \wedge Все S и только эти S суть $P_0 \wedge \neg P_{1-5}$. Закон исключения пятого включает в себя имплицитно закон исключения четвертого, дополняя его рассмотрением на совместимость субстанционального субъекта с синтетическими субстанциональными предикатами в полной классификационной системе: S присущ P_{16-25} , не присущ P_{16-25} , совместим с P_{16-25} . Закон исключения пятого запишем и так: $P \vee \sim P \vee \approx P \wedge S$ (P_{1-5}) $\vee \sim S \vee \approx S$. Читается: P присущ, не присущ, совместим с S и S присущ, не присущ, совместим с P_{1-5} .

5. Основываясь на введенных законах логики, сформируем модель антиномичного содержательного силлогизма:

Все M суть $P \wedge$ НЕ- P_{1-5}

Все S суть M

Некоторые M суть S

Некоторые S и только они, суть $P_0 \wedge$ Все эти S и только они суть $P_0 \wedge$ НЕ- P_{1-5} .

Большая посылка есть отношение включения в несколько классов, класс классов (S включается в P), образующих естественное тело, процесс, это отношение транзитивно; а две меньшие посылки суть отношения подчинения и каждое из этих отношений интранзитивно. В посылке «Все S суть M » S подчиняется M , а в посылке «некоторые M суть S » - M подчиняется S . В случае, когда S определяет M , внутри M выделяется та его форма, которая непосредственно совместима с P_0 пяти рефлексий и фиксируется только та форма M , которая именно определена S , а потому это только некоторые выделенные M внутри M . Поэтому вывод оказывается, во-первых: некоторые S и только они суть P_0 , где фиксируется выделяющее суждение. Во-вторых, эти выделенные S вместе с тем суть все те S , которые совместимы как с P_0 , так и его проекциями – НЕ- P_{1-5} в их множестве. Поэтому вывод высказывается в форме: некоторые S и только они суть P_0 и все эти S и только они суть $P_0 \wedge$ НЕ- P_{1-5} . $M = M_1 \wedge M_2$ операционально связанные.

Должен отметить, что а антиномичность суждений должна иметь место как на стороне P , так и на стороне S . Мы получили систему, в которой: некоторые S и только они суть форма уникальности, а все S и только они суть форма общности (не всеобщности); при этом в посылке некоторые M суть S , которая хотя и утвердительная имеет место отрицание, т. е. и в силлогизме в целом представлен как утвердительный, так и отрицательный процесс сразу. Соответственно утверждение и отрицание представлено и в форме суть P и НЕ- P сразу, где P_0 – общность и эмпиричность сразу, а НЕ- P уникальные проекции P_0 в пяти рефлексиях. Соответственно антиномия, таким образом, имеет вид: некоторые S и только они суть P_0 и все эти S и только они

суть P_0 и НЕ- P_{1-5} . Такая форма антиномии суть аналог закона природы, который в субъекте: уникален и общ (субстрат) и в предикате: общ и эмпиричен и уникален сразу. Эта модель истины, которая всеобща и культурно-типична, необходима и антиномична, общезначима и личнозначима, системна и уникальна, абсолютна и относительна сразу. Такова группа законов именно русской культурно-типичной логики в отличие от логики романо-германской вообще[4; 5;14;16;18;19;20].

IV. Проблема истины и философии Н. Лобачевского.

Согласно пятому постулату Евклидовой геометрии через точку расположенную вне прямой, можно провести одну единственную прямую параллельно данной. В начале XIX века такие математики, как К. Гаусс, Н. Лобачевский, Я. Бойяи, Б. Риман и др. пришли к заключению, что данный постулат Евклида независим от четырех других. Но тогда можно предположить, что кроме вышеупомянутого случая существует две альтернативы.

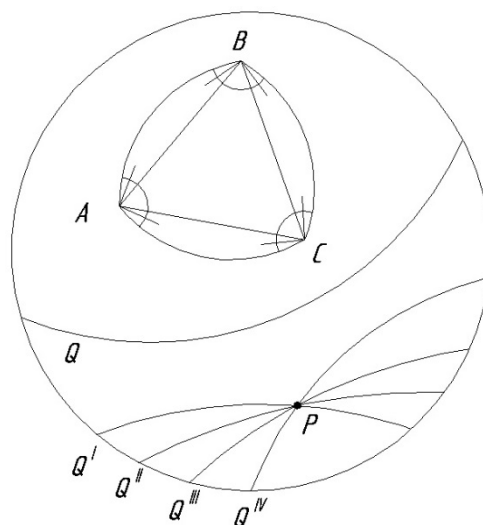
1. Через (.) (точку), лежащую вне прямой, можно провести сколько угодно много параллельных прямых, сумма углов треугольника всегда меньше 180° ., отношение длины окружности к диаметру всегда больше π

2. Через (.) (точку), лежащую вне прямой, нельзя провести ни одной прямой параллельной данной, сумма углов треугольника больше 180° ., отношение длины окружности к диаметру всегда меньше π (геометрия Б. Римана)

3. В евклидовой геометрии через одну точку на плоскости по отношению к данной прямой можно провести только одну параллельную ей прямую линию, сумма углов треугольника равна 180° ., отношение длины окружности к диаметру равно π .

Первый случай соответствует геометрии пространства с отрицательной кривизной (геометрия Н. Лобачевского). Второй случай соответствует геометрии пространства с положительной кривизной (геометрия Римана).

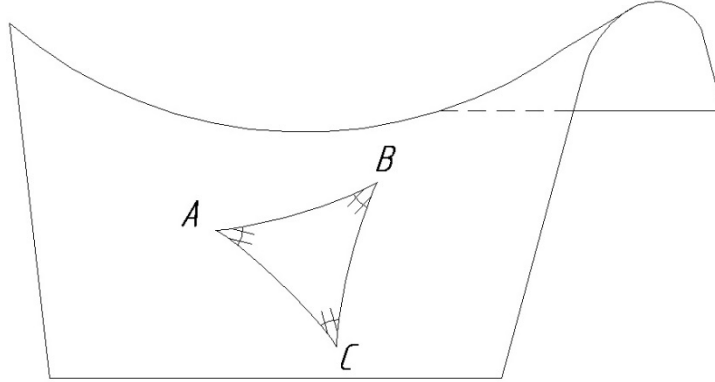
Примером 2-х мерного пространства с отрицательной кривизной является геометрия на сфере:

Сумма углов A, B, C треугольника на сфере меньше 180° .

«Прямая Q » (геодезическая линия) на сфере и точка P вне «прямой», через которую проведено несколько «прямых» $Q^I, Q^{II}, Q^{III}, Q^{IV}$ и др. которые не пересекают Q при их продолжении.

Пример двухмерного пространства с положительной кривизной на «седле» (гиперболический параболоид).

Сумма углов A, B, C больше 180° .

«Прямой» (геодезической линии) в этом пространстве ей параллельной, проходящей через точку вне прямой нет. То есть все геодезические линии в этом пространстве пересекаются между собой. Согласно современным астрофизическим данным плотность вещества в наблюдаемой части Вселенной: $\rho \neq \sim 10^{-29}$ г/см³. Эта плотность соответствует в пределах ошибок граничной плотности вещества между положительной и отрицательной кривизной Вселенной согласно общей теории относительности. Т. о., нельзя однозначно сделать вывод о том, какая кривизна имеет место. Если предположить существование скрытой массы во Вселенной (остывшее вещество), то кривизна Вселенной будет положительной, что будет соответствовать геометрии Римана. Такое пространство будет ограниченным и согласно модели раздувающейся Вселенной расширение со временем сменится сжатием.

Рассуждение Н. Лобачевского в формализованном виде выглядит следующим образом:

1. Тензор кривизны как феноменологический параметр.
2. Пространство как объект одного и разного рода (изменение кривизны).
3. Редукция тождества и онтологических уровней: взаимодействие положительной и отрицательной кривизны. Целевая тенденция кривизны.
4. Непрерывный переход геометрий двух родов из своих крайних случаев и вероятность этого перехода. Пространственные координаты и время.
5. Формализующая схема умозаключения связи параметров в уникальном случае.

M (ФДФ) - P (отрицательная кривизна) и $HE - P$ (положительная кривизна).

S (выделенные пространство-время - M (ФДФ))

и объекты)

М (ФДФ)- S (выделенные пространство-время
и объекты)

Некоторый S суть P и все эти S и только они суть P и HE – P сразу.

ФДФ – флуктуационно-диссипативный, диффузионный фактор, формирующий кривизну пространства; S - выделенные пространство-время и объекты в нем; P - отрицательная, а HE - P - положительная кривизна.

Связка M-S фиксирует процесс: следствие - основание, а связка S-M - основание - следствие; это обще-индивидуальные причинно-следственные и следственно-причинные зависимости.

Вывод некоторые S суть P и все эти S и только они суть P означает, что не все геометрии, но некоторые могут быть P и HE-P.

Возможна и такая схема рассуждения:

М (локальное пространство- P₀ (ФДФ, g_{ij}) ^ ¬ P₁ ¬ P₂
время)

S - M

M- S

Некоторые S суть P и все эти S и только они суть P₀ и ¬ P₁ , ¬ P₂.

Здесь M - локальное пространство-время, P₀ - g_{ij} (тензор кривизны), то есть абстрактное основание кривизны, ¬ P₁ - эмпирическая отрицательная кривизна, ¬ P₂ - эмпирическая положительная кривизна, S - единичное пространство-время, M - локально-общее пространство-время. Возможно, что тензор кривизны не действительное число, а комплексное, и тогда возникает абстрактное пространство.

У. Этос науки- не моральные конструкции организационного научного творчества, как полагает Р. Мертон, но логики открытия и изобретения присущие этническому разуму и здравому смыслу. Русский суперэтнический этос в науке. Русский тип логики содержаний (не логика объемов) в математике - антиномичный тип логики Н. Васильева (репрезентация).

1. Неевклидовы геометрии и время.

2. Субстратно-эссенциальный, причинно-следственный, вероятностный, а не функциональный подход в науке.

3. Здравый смысл как реализм и экспериментализм в науке, ограничиваемый формой априорности.

4. Первичные и вторичные законы природы и их иерархия.

5. Отрицание закона исключения третьего (и в возможности закона не противоречия- противоречия, А. Арруда) в науке.

6. Воображаемая логика. Закон исключения 4 (допуская закон противоречия):P присущ, не присущ, совместим с S.

7. Индифферентные суждения: S суть P и HE- P сразу.

Акцидентальные суждения. Некоторые S суть P или некоторые S не суть P.

8. Закон абсолютного различения истины и лжи «суждение не может быть сразу истинным и ложным». Это вариант закона противоречия [4, с.106-107], то

есть имеет место интервал значений истины между абсолютной истиной и абсолютной ложью.

9. Силлогизм:

Все М суть Р и Не- есть Р сразу,

Все S суть М

Все S суть Р и Не- Р сразу.

10. S суть Р; некоторые S суть Р; некоторые S не суть Р.

11. Н. Васильев не осознает формы индусского суждения съяд вада, но близок к нему: S некоторым образом суть Р; S некоторым образом не суть Р; S некоторым образом суть Р и Не -Р; S некоторым образом неопределен; S некоторым образом суть Р и неопределен, S некоторым образом суть Не-Р и неопределен; S некоторым образом суть Р и Не-Р и неопределен (относителен) /

12. Развитие системы отрицания в семантиках (циклическое отрицание, диаметрально, в законах исключения третьего и не противоречия, в законах исключения 4 и 5). .

13. Не квадрат, а треугольник суждений- общеутвердительные А, общеотрицательные Е, суждения М (I или O).

14. Взаимосвязь философии (первые принципы) логики, математики, физики.

15. Самостоятельность логики и математики внутри философии.

16. Форма истины: всеобща и культурно-типичная, необходима и антиномична, общезначима и лично значима, системна и уникальна, абсолютна и относительна

17. Такая формулировка формы истины есть следствие понимания космологического принципа. В формулировке Г. Галилея мир - прост, одного рода и самосогласован, в данном же случае- мир прост и сложен, одного и разного рода, самосогласован и не самосогласован, системен и уникален.

VI. Этнологика мышления и этномодель науки Д. И. Менделеева [12].

1. Естественные науки.

1. Космологический принцип: а) мир прост и сложен, одного и разного рода, самосогласован и не самосогласован, системен и уникален, абсолютен и изменяется в модели общей и локальной законосообразности, б) мир не центрирован- где находится человек- там и центр. Несоизмеримость онтологий наук и их законосообразностей.

2. Объект науки- одного и разного рода., а не одного рода.

3. 1. Синтез рефлексий: синтезирует феноменологическую рефлексию (группа начал термодинамики), атрибутивную (свойства элементов), функциональную (эмпирические зависимости), структурную (классификационная система- 7 периодов, 8 групп, 10 рядов и структура атома), субстратную (сам периодический закон как эмпирическое обобщение первого рода - заряд, масса, целенаправленность изменений свойств, цикл, взаимодействия).

3. 2. Научная рефлексия Д. И. Менделеева: а) лингвистическая в основе научных языков, б) теоретическая естественно- научная, в) интерпретированная в прикладной области- промышленности и сельском хозяйстве , г) структуре организации России по экономическим районам, а не губерниям, д) мере естественной и этнической справедливости в социальной структуре общества, е) модели русского типа воспитания и образования.

3. 3. Наука является в равной степени по своей неоспоримой истине - всеобщей, необходимой и общезначимой, общеобязательной и культурно-типической, антиномичной, лично значимой по своим объектам и методологическим основаниям.

3. 4. Многозначная - абсолютная и относительная, троичная и семантическая теория истины. Синтез платоновской и аристотелевской моделей истины в естественных классификационных системах. Истина: всеобща и культурно-типична, необходима и антиномична, общезначима и личнозначима, системна и уникальная, абсолютна и относительная, частично значимая и общеобязательная.

3. 5. Качественное определение используемой математики. Не универсальность, а локальность числа.

3. 6. Здравый смысл в науке как причинно-следственное мышление, ограничивающее функционализм физики, химии, математики.

3. 7. Реалистическое научное мировоззрение. Система скепсиса.

3. 8. Модель этносоциологии динамики и статики российского общества.

4. 1. Естественные классификации в модели периодической системы элементов.

4. 2. Естественная субстратная законосообразность природы.

4. 3. Естественная законосообразная основа социальных и исторических закономерностей.

5. 1. Система индукции, дедукции, традукции в метаязыке и объектном языке.

5. 2. Антиномичный тип логики в системе естественных классификаций тождественных законосообразностям- 7 периодов, 8 групп, 10 рядов и исключения.

5. 3. Вероятностная логика и логика вопросов и гипотез. Эссенциальный гипотетико-дедуктивный метод.

5. 4. Методологические коллективизм, уникализм, индивидуализм, личное знание.

5. 5. Силлогизм действия на основе синтеза философского, физического, химического, математического, социального и образовательного этнознания, в моделях ожидаемого будущего, предсказывая его, ретросказании и критическом сказании о современности.

2. Этномодель социологии Д. И. Менделеева.

1. Модель истории и динамика социальной структуры в русской истории. Теоретическая социология.

2. Модель русского этнического человека.

3. 1. Историко-сравнительный метод, фиксирующий в развитии России в сходстве с иными историями различие.

3. 2. Субъективно-социологический и естественно-научный объективно-социологический подход.

3. 3. Социология знания.

4. Объективные естественно-социологические воспроизводственные законосообразности истории России. Модель естественно-социальной истории России. Географический детерминизм и POSSIBILIZM.

5. 1. Экономико-районная воспроизводственная модель и пропорциональность территориальных субъектов России.

5. . 2. Идентичность и идентификация в русский культурно-исторический тип. Мера общей и частной собственности. Этносоциология.

5. 3. Телеология общего блага и частного блага в единстве.

5. 4. 1. Система естественного права. Естественная справедливость и равенство.

5. 4. 2. Модель русской школы и университета, русская модель науки.

5. 5. Революционное и реформаторское действие как творчество русского народа. Суверенность России в мировой экономике и политике.

УП. Этномодели теории вероятности. Аналитический аппарат теории вероятностей начал создаваться с XVII века трудами Паскаля, Ферма, Муавра, Лапласа, Гаусса и Пуассона. Комбинаторными и элементарно-арифметическими методами решались задачи теории азартных игр, теории ошибок наблюдения, теории стрельбы, проблемы статистики народонаселения. При этом использовалось классическое определение вероятности $P(A)$ случайного события A как отношения числа благоприятных исходов опыта к числу всех возможных исходов опыта, сформулированное Паскалем в XVIII. Но классическое западное определение вероятности применимо лишь для изучения полной группы элементарных, равновероятных и несовместных исходов некоторого опыта. Это требование является слишком жестким для применения теории вероятностей к изучению массовых случайных явлений природы и общества. А. Н. Колмогоров сумел разработать схему, применимую ко многим эмпирическим наукам. Первичным объектом теории множеств он определяет пространство элементарных исходов Ω , отказываясь при этом от требования изучения полной группы элементарных, равновероятных и несовместных исходов некоторого опыта. Это русское понятие вероятности. Это требование является слишком жестким для применения к изучению массовых случайных явлений природы и общества. Математическая модель А. Н. Колмогорова применима ко многим реальным процессам и позволяет дать строгое математико-вероятностное толкование полученным результатам. А. Н. Колмогоров сформулировал аксиоматику теории вероятностей на основе теории множеств и метрической теории функций. При этом классическое определение вероятности, сформулированное Паскалем в XVIII, также не противоречит аксиоматике А. Н. Колмогорова. В начале XX века А. А. Марков начал работы по изучению теории случайных процессов – семейств случайных

величин $X(t)$, где $t \in T$. При этом параметр t обычно понимают как время. Случайный процесс, протекающий в системе, называют марковским процессом, если для любого момента времени t_0 вероятность состояния системы в будущем зависит только от ее состояния в настоящем и не зависит от того, когда и каким образом система пришла в это состояние. Любой марковский процесс описывается с помощью вероятностей состояний и переходных вероятностей. Наиболее простым процессом является цепь Маркова – марковский случайный процесс с дискретным временем и дискретным множеством состояний. Работы А. А. Маркова и А. Н. Колмогорова по аксиоматическому обоснованию теории вероятностей создали: а) димензиальный русский образ конструирования модели вероятности как характеристики неполной группы, неравновозможных, совместных исходов событий б) семейства случайных величин, состояние которых зависит от времени и развивается циклическим образом, в) создали аппарат теории вероятности, который позволил расширить круг конкретных прикладных вопросов, для изучения которых применимы статистико-вероятностные методы [8;11].

УШ. Кодирование информации в русской логике не двоичное, а троичное. Это модель кодирования информации Н. П. Брусенцова. Н. П. Брусенцов обосновывает не двоичную (высокое напряжение, низкое напряжение, 1 и 0), а троичную природу аристотелевской логики, значения истины: истина (да), ложь (нет), среднее – привходящее (возможное). На основе этой логики Н. П. Брусенцов обосновывает ограниченности двоичной информатики и создает основы троичной информатики, предполагающей не биты, а триты, значения истины; «+» (необходимость), «0» (возможности, которые не необходимы), «-» (не возможность). Им создается четырехтритный код «+-0+ и соответствующий язык информатики, на основе которого построена троичная компьютерная система «Сетунь-70», которая успешно решала соответствующие задачи [2]. Исследования биологов показали, что клетки памяти кодируют информацию в трехчленном коде, а не двоичном. Исследования японских ученых показали возможность использовать сверхпроводящий переход Джозефсона для реализации троичной логики в конструировании компьютеров на квантовой основе. Это достигается за счет циркуляции сверхпроводящих токов – положительных (по часовой стрелке), отрицательных (против часовой стрелки), нулевых.

ИХ. Существует троичная модель числа, фиксирующая источник числа, число и операции над числом (отношение числа к . .) (Бунин В.А., Комаров В. М., Костюченко С. В.) [3;9]. Данная модель числа - онтологическая локальная модель числа, соответствующего локальной вещественности, пространству-времени, возможному в этой локальности типу операций и возможном субъекте операций с его этноличной логикой, который тождественен локальной вещественности и не является ее частью.

Х. Космология. Идея эволюции вселенной сформулирована советским астрофизиком и математиком А.А. Фридманом в 1922-1924 гг.[13]. А.Эйнштейн строит модель космологии, объединяя модели полей-

гравитационного, электромагнитного и модель тел в рамках ОТО. Качество системы- гравитационное поле, материал для тел создает электромагнитное поле, а тела создают кривизну пространства. Но пространственно-временной континуум А.Эйнштейна- чисто геометрический феномен, в котором нет материального субстрата вещей. Космология оказывается основанной на четырех допущениях- пространство и время однородны, масса вещества постоянна. Средняя плотность вещества равномерно распределена в пространстве. Для равновесия сил притяжения и отталкивания вводится космологическая постоянная (λ). Основываясь на теории относительности А.Эйнштейна А.А. Фридман построил математические модели движения вещества во вселенной под действием сил тяготения. А.А. Фридман отбрасывает космологическую постоянную, устанавливает функциональную зависимость в уравнении общей теории относительности между параметром протяженности трехмерного пространства и параметром длительности одномерного времени. Пространство рассматривается как функция времени, а само время рассматривается как независимая переменная. В результате возникла динамическая модель Вселенной. Математическая теория движения вещества А.А. Фридмана показывает, что материя не находится в покое, но движется- или расширяется, или сжимается. Стационарное состояние- момент этих движений. Динамичность предполагает наличие субстрата- вещества и его модели общего. А.Эйнштейн в специальной теории относительности ищет статические решения, показывающие неизменность Вселенной. Но уравнения ОТО не имели статических решений. Статическая картина неприемлема ни для каких астрономических структур в пространстве- времени Космоса. Модель мышления А. А. Фридмана относительно эволюционирующей вселенной предполагает: 1) модель космологического принципа: мир прост и сложен, одного и разного рода, самосогласован и не самосогласован, системен и уникален, абсолютен и изменяется в модели общей и локальной законосообразности, мир расширяется и сжимается сразу, моделирование динамических процессов на основе понятия динамической неустойчивости систем; 2) материя и ее структуры- объекты одного и разного рода; 3) вероятностный и детерминистский подходы в связи, антиномичную модель истины; 4) систему законосообразности природы а) рождения, б) функционирования- детерминистские, вероятностные, бифуркационные, циклически вероятностные, всеобщие и уникалистские сразу; 5.1) модели порядка и хаоса, самоорганизации, кибернетики и синергетики; 5.2) антиномичный тип логики и локальное число, интуитивистскую логику и логику дедукции-индукции-традукции и продукции- субдукции- едукции, субстратные ограничения на математическое конструирование процессов в системах СТО и ОТО и квантовой механике; 5.3) телеологичность термодинамических процессов; 5.4) цикличность процессов; 5.5) соотношение внешних и внутренних факторов эволюции, оснований термодинамики, экзогамность и эндогамность эволюции и развития.

XI. Набор рефлексий в космо-психо-логосах этносов уникален. Заимствование модели образования вызывает торможение рефлексий, деградацию творческой способности этноса и процесс исчезновения знания.

1. В мире идут два процесса: а) приобретения знания в функциональной западной форме как рыночного товара, б) исчезновение и имитации знания и роста невежества относительно истинного и справедливого обоснования решений, имеющих ближние, средние и длительные катастрофические последствия. Ключевая проблема исчезновения научного знания – утрата ее этноформы и абсолютная западнизация.

2. Формы исчезновения знания: 1) исчезновение знания из первых принципов, все знание становится интерпретационным; 2) все знание становится узко-специализированным; 3.1) исчезает разнообразие этнокультурных моделей знания; 3.2) растет функциональное специализированное знание, создающее массу иллюзий реальности; 3.3) нарушено соотношение философии, логики, математики и физики в научных теориях, до 95% этих теорий – математика; 3. 4) в науке исчезает форма истины и справедливости, заменяемых эффективностью, приемлемостью, конструктивной непротиворечивостью аксиоматик; 3.5) как форма эффективного знания формируется имитационная форма знания – мнимонаучное (аппаратное знание, математическое и естественно-научное не предвидящее средних и дальних последствий использования частичного и димензиального знания), лженаучное (нет формы истины и справедливости) и антинаучное (форма суждения, позволяющая осуществлять манипуляции мотивациями и управлять людьми); 4. 1) растет число форм невежества в силу недостаточного синтетического образования и универсализма мышления; 5. 1) исчезает совместимость, выводимость, следование научных теорий; 5. 2) исчезают этнокультурные люди, которые способны открывать истину и справедливость и принимать на их основе решения, увеличивается число людей, которые не имеют знания истины, справедливости, но принимают ошибочные решения; 5. 3) активно в зломыслии производится ложь; 5. 4. 1) учения Кришны, Будды, Зороастра, Лаоцзы, Конфуция, Чжуанцзы, Христа, пророка Мухаммада, св. Аввакума превратились в рыночные конкурентные предпочтения в глобальном мире и друг относительно друга стали несовместимыми, невыводимыми, не следующими друг с другом, конкурентными, институтами, но не учениями, знание этих учений превратилось в ложное знание; 5. 4. 2) науки ангажированы, конъюнктурны, идеологичны; 5. 5) активно запрещаются определенные науки или определенные теории, области исследования. Исследуются, прежде всего, области, которые могут принести прибыль и представляют военный интерес. В частности, реально исчезла философия, замещенная псевдофилософиями – идеологиями, а внутри наук исчезает истина и справедливость. Социология превратилась в аппарат обоснования частной собственности и власти вне истины и справедливости. В истории абсолютно исчезла форма истины и справедливости суждений. В теориях физики доля математики достигает 90%,

физики - 10%, а философии вообще нет. Как полагает Г. И. Шипов, доля философии должна быть 20%, физики - 50%, математики не более 30%. Математика отказалась от понятия истины. Уменьшается доля истины в физике. Не идет речь об истине в лингвистике, этнологии, социологии, праве, политике и геополитике, экономике, теории коммуникации, тектологии и праксеологии, философии и философской антропологии, этике и эстетике, истории, культурологии, религии, семиотике, теории творчества, теории критики, психологии и педагогике, истории, социологии, праве, статистике и т. п. Все эти науки ангажированы, идеологичны, конъюнктурны, руководствуются конвенциями и полезностью, инструментализмом и аксиоматизмом в создании полезных иллюзий истины с позиций заказчика - бизнеса. В науке исчезла система этнического здравого смысла. Как основа науки, исчез рациональный скептицизм, исчез онтологический субъективизм, замененный релятивизмом плюрализма. Полностью деградировала система ответственности в науке: перед наукой и ее истиной, заказчиком, институтом науки, этносом, самим собой как этноученым, перед Природой.

3. Имитационное знание. Великолепна идея имитационного знания М.М. Прохорова. Профессор М.М. Прохоров под имитационным знанием понимает знание не имеющее экстенционала, имеющее интенционал в семантике идеологии, ангажированности и конъюнктурности [15]. Мы под имитационным знанием понимаем специализированное знание в одной из рефлексий, в семантике идеологии, ангажированности, конъюнктурности, имеющее вероятность 0,2. 1 Генерирование интертекстов, симулякртекстов, гипертекстов, цитирований, текстов копирования и повторений в науке, искусстве, религии; 2. 1. Система плагиата, фальсификация, фальсификационный диалог 2. 2. Личное знание вне совместимости, выводимости, следования с формой этнической и абсолютной и относительной истины; 3. Рост иллюзорности знаний, система иллюзий; 4. 1. Неомифология рыночного типа, 4. 2. Религии как рыночные предпочтения, 4. 3. Неоутопии и практопии консерватизма, либерализма, коммунизма, национализма, религий; 5. 1. Знание в состояниях психо и социопатологий: латах, эхोलалия, эхопраксия; истероидность, паразитизм и паралич, монomanия, астения, историческая амнезия; 5. 2. Как форма эффективного знания формируются имитационные формы знания-мнимонаучное (аппаратное знание, математическое и естественно-научное не предвидящее средних и дальних последствий использования частичного и димензиального знания), лженаучное (нет формы истины и справедливости) и антинаучное (форма суждения, позволяющая осуществлять манипуляции мотивациями и управлять людьми), таковы все формы постмодернизма; 5. 3 Целевое интенциональное знание, которое не содержит экстенционалов закономерностей, но основано на субъективной ставочной вере в него личности в рынке, почему эта личность и руководствуется этим знанием, становясь объектом манипуляции собственности и власти. Св. Фома Аквинский и Р. Декарт полагали: «Познается то, что хотим познать... воображаем то, что хотим вообразить» [4, с. 172, 298; 3, с. 491]. 5. 4. Деконструктивная форма знания в

силу несовместимости, не выводимости, не следования языков наук и отсутствия общего эссенциального языка науки; 5.5. Безмерность скептицизма (необходим рациональный скептицизм), субъективизма (необходим онтологический субъективизм), не здравосмысленный характер утверждений (нет суждений здравого этнического смысла).

4. Проблема роста воинственного невежества в науке и истории России: страх собственности и власти, отсутствие человеколюбия, равенства, истины, справедливости, свободы, честности; производство мнимой, лже- и антинауки, безмерной специализации в знании, формы исчезновения знания из первых принципов; система образования, формирующая не творцов, неравенство в образовании и здоровье; устранение самоорганизации институтов знания; отсутствие теории истины и справедливости в человеке, полное уничтожение этнознания и русский великодержавный шовинизм; телеология редукции суждений к лояльности и аддикции, конформности, исключая алиенативность, телеология крепостничества; циклы депривации; запрет реальной критики и свободы мышления.

ХII. Система творчества принимающего, заимствующего этноса. Модель Н.С.Трубецкого[17]. Последствия аккультурации, рецепции и ложной реторсии

1. Элемент а – собственный элемент этноса А, элемент в – заимствуемый элемент из культуры В европейцев. Типов творчества три: а+а, но этот вариант при взгляде на открытие и себя глазами европейцев – отбрасывается как не эффективный, да он и не будет эффективен в системе В; а+в, где в с позиций европейцев будет ухудшаться автохтонной формой; в+в, но при иной наследственности этноса. А эта форма также будет ухудшением чисто европейских форм и ее искажением. Таким образом, собственное творчество народа осуществляющего аккультурацию и рецепцию, тормозится, а западные формы не усваиваются на уровне эффективности их в западном обществе. Поэтому темп Запада в развитии будет ускоряться, а темп этноса А в развитии будет сокращаться.
2. Прогрессирующее нарушение социального единства.
3. Увеличивается отставание от иных народов.
4. В результате народ утрачивает самоуважение и веру в себя.
5. Отставание заставляет опасаться понижения безопасности и вооружаться.
6. Нарушается преемственность культуры в целом.
7. Разрушаются традиции в видах деятельности.
8. Формируется экзогамный лихорадочный путь псевдоразвития (цикл: реформы – антиреформы).
9. Деградирует творческая способность этноличности.
10. Итог – растрачивание этнической активности, энергии, средств и демографический коллапс. За последние 15 лет объем публикаций РФ увеличился на 12%, объем публикаций КНР увеличился в 10 раз, в Индии - в 3 раза, КНР нас догнали в 1997 г., Индия в 2005, Бразилия в 2007, нас уже почти догнал Иран.

ХIII. Русскость состоит не в декларациях, а в модели мышления - или она русская, или романо-германская, или восточная, например, индусская, китайская, арабская. Но, заметим, русские суждения антиномичны вида S суть P и HE - P сразу, а силлогизм имеет вид: M суть P и HE - P сразу; S суть M; S суть P и HE - P сразу; или: M суть P и HE - Pn; S суть M; M суть S;

Некоторые S и только они суть P₀ и все эти S и только они суть P₀ и HE - P_n. В этом случае антиномия представлена и на стороне предиката (западный тип антиномии) и на стороне субъекта (русский тип антиномии). В случае индусских суждений сяд вада: некоторым образом S суть P, некоторым образом S не суть P, некоторым образом S суть P и HE - P сразу, некоторым образом S неопределенны, некоторым образом S суть P и неопределенны, некоторым образом S суть HE - P и неопределенны, некоторым образом S суть P и HE - P и неопределенны. Эти суждения объединяются в индийский силлогизм: на горе огонь; поскольку есть дым; где дым, там огонь, но есть исключения; дым есть; раз есть дым, есть и огонь. Это пятичленный силлогизм, дающий заключение S суть в некотором отношении P и некотором отношении HE-P и в некотором отношении не определен, предполагаются исключения или ошибки редукции тождества, имеет место редукция онтологических уровней и локальный закон и число. В европейском силлогизме: где дым - там огонь; на горе - дым; на горе - огонь вводится всеобщий закон и универсальное число. Хотя нет антиномии на стороне субъекта. Конструктивизм - западная методология, а эссенциально-субстратный подход в науке - чисто русская методология. В социологии нет воспроизводственного подхода, основывающегося на моделях пространства - времени и типе истории Евразии - России. В логическом аспекте конструктивизм - чисто функциональный вывод, отрицающий субстратный объективный вывод и причинный подход, который заменяется моделированием функций в двухзначной логике.

XIV. Любые универсальные общенаучные методы имеют антропологическим основанием личность этнического открывающего и изобретающего человека, мыслящего в этничном языке и этническом КПЛ. Согласно Жоресу Алферову, наука делается следующим образом: физик наблюдает и открывает, математик обосновывает, инженер конструирует, токарь вытачивает деталь, а философ осуществляет демагогию и устраняет понимание. Де Бройль заметил, что открытия и изобретения он делает на французском литературном языке, а обосновывает в языке математики и физики (контекст открытия и контекст обоснования). Сочетание этих условий и создало тип научной культуры, который и стимулировал масштаб и число открытий и изобретений. Де Бройль понимает творчество открытия и изобретения в указанном высказывании иначе. 1). Во французском литературном языке создается уникальный синтаксический и полный многологичный образ движения природы и объекта, схватывается образ волновой функции (контекст открытия). 2). В этнической философии именно Р. Декарта он видит выделенным образом природу и волновой процесс в первых принципах и типе законосообразности (контекст открытия). 3) В языке логики понимает взаимодействие сущностей природы, ее абстрактной структуры и наблюдаемых параметров (контекст понимания). 4). В объектном языке физики фиксирует физическую сущность, особенная структура, функции (контекст открытия). 5) В языке математики ее обосновывают (контекст обоснования) [1,

с. 327]. УшмоҶ. отмечает, что Л. де Бройль использует наглядную математику, то есть физические инварианты и принцип наблюдаемости определяют форму математики, но не математика определяет физику как у А. Эйнштейна и П. Дирака. Английская математическая традиция П. Дирака предполагает не наглядность, а манипулирование некоммуникативными алгебрами в теории кватернионов (ирландский момент мышления У.Р. Гамильтона [19, р. 130].

ХУ. Открытия и изобретения держатся этнознанием, знание и этнознание держится этническим воспитанием и образованием, воспитание и образование держатся этномоделью благоустройства страны (нет разрушенных кирпичей), этноблагоустройство страны держится этномоделью истины и справедливости, а этноистина и справедливость встречаются и приходят из этнической, а не вообще, философии. Где аккумуляция и рецепция и нет этничности - нет развития, смерть, а где этническая философия, логика и риторика - там есть развитие и жизнь. В этой культуре в истории ни один параметр не исчезает, но все они флуктуируют, обеспечивая взаимодействие, гармонию и развитие.

Заключение. Модель русского открывающего и изобретающего человека: 1. Этноформа космологического принципа: мир прост и сложен, одного и разного рода, самосогласован и не самосогласован, системен и уникален, абсолютен и изменяется в модели общей и локальной законосообразности; 2. Понятие объекта и предмета науки- объект одного и разного рода, а не одного рода; 3.1. Система субстратной рефлексии, определяющей рефлексии феноменологическую, атрибутивную, функциональную, структурную; 3.2. Рефлексивная модель истины, троичная система истины и антиномичная система истины; 3.3. Модели вероятностного мышления А. Н. Колмогорова и А. А. Маркова; 3.4. Троичная модель информатики; 3.5. Естественные классификационные фрагменты тождественные структуре естественной законосообразности (Д. И. Менделеев); 3.6. Логика вопросов и ответов; 3.7. Система гипотетического мышления и мыслительного эксперимента; 3.8. Восходящее и нисходящее проектирование и конструирование машин; 4.1. Неевклидовы модели пространства-времени (Н. Лобачевский); 4.2. Система естественной законосообразности материи. Космология А. А. Фридмана. Универсальная и локальная законосообразность; 4.3. Факторы открытий и изобретений; 5.1.1. Синтез номинализма, реализма, концептуализма; 5.1.2. Синтез философии и логики, физики и математики; 5.1.3. Методологические коллективизм, локализм, индивидуализм, уникализм, личное знание; 5.2.1. Система вывода и умозаключения от следствий к основаниям в системе субстратной рефлексии; 5.2.2. Антиномичный тип логики. Антиномичность на стороне субъекта и предиката; 5.2.3. Синтез форм мышления тюрков (всеобщность и условно-категорические умозаключения), ирано-алан (логика вопросов и методологический уникализм), угро-финнов, (субдукция и едукция, продукция), евразийцев (совместимость, выводимость, следование), славян (антиномизм); 5.3. Система алетической и деонтической логики в моделях форм вероятности и в теории естественной, этнической, восстановительной справедливости; 5.4. Синтез логик открытия и изобретения

в системе субстратной рефлексии, система логик открытия и изобретения; 5.5. Система понимания и силлогизм действия (четвертая фигура силлогизма).

Список использованной литературы

- 1.Бройль Л. де. По тропам науки. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. - 498 с.
- 2.Брусенцов Н. П. Опыт разработки троичной вычислительной машины // Вестник Московского университета. Сер. 1: математика, механика, 1965, №2, с. 39-48.
- 3.Бунин В.А. Сверхстепень как новое математическое действие для описания физических процессов. Сб.: Математическая физика. Электродинамика. История физики. - М.,1967.
- 4.Васильев Н. А. Воображаемая логика. Избр. тр. - М.: Наука, 1989. -264 с.
- 5.Гагаев А.А., Гагаев П.А. Система философии. Философия, логика и методология науки. Русская культурно-типическая модель науки. В 4-х ч. Ч. 1. Антропологические и этнокультурные основания культурно-типической модели науки, редукционные модели наук. Саранск, 2009. – 330 с.
- 6.Декарт Р. Соч. в 2-х т., Т. 1. - М.: Мысль, 1989. – 491 с.
7. Жильсон Э. Избранное: христианская философия. - М.: РОССПЭН, 2004. – 704 с.
- 8.Колмогоров А.Н., Драгалин А.Г. Математическая логика - М.: Изд-во МГУ,1984.-120 с.
- 9.Комаров В.М. Введение в исчисление действий // Академия тринитаризма - М., Эл. № 77-6567, пул.17256.20.01.2012.
- 10.Кудрин В.Б. К истории переосмысления понятия числа и действия // Академия тринитаризма. - М., Эл. № 77-6567, пул.25727. 11.09.2019.
- 11.Марков А. А. Элементы математической логики. - М.: Изд-во МГУ, 1984. – 80 с.
- 12.Менделеев Д.И. Границ познанию предвидеть невозможно. – М.: Советская Россия, 1999. – 589 с.
13. Новиков И.Д. Эволюция вселенной. -М.: Наука,1979.-76 с.
- 14.Новое в лингвистике. - М.: Ин. лит., 1960. – 462 с.
- 15.Прохоров М.М. Истина, имитация и природа философского знания // Мировоззренческая парадигма в философии: истина и ее имитация. Сб.ст. по мат. XIV науч. конф. 28 ноября 2018 г.- Нижний Новгород:ННГАСУ,2019. С.6-21.
- 16.Сепир Э. Язык. - М.- Л.: Гос. Соц. Эж. Изд., 1954. - 222 с.
- 17.Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана.- М.:Аграф, 2000.-560 с.
- 18.Merton R. The Sociology of Science: An Episodic Memoir. / The Sociology of Science in Europe. Ed. by R. Merton and J. Gaston. Southern Illinois Univ. Press, 1977. P. 3-144.

19. Ullmo J. *La pensee scientifique moderne*. P., 1958.
20. Whorf B. L. *Language, thought and Reality*. N. - Y., 1956.

Глава 9.

АБСОЛЮТНАЯ ИСТИНА КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ

*Доцент, доктор философских наук, профессор кафедры
философии Волгоградского государственного университета,
г. Волгоград*

Димитрова Светлана Васильевна

*Доцент, доктор философских наук, профессор кафедры
«Философия, теория и история государства и права», Хабаровский
государственный университет экономики и права,
г. Хабаровск*

Туркулец Алексей Владимирович

Исследование вечного вопроса о том, что есть истина неизменно связано с господствующей картиной мира, с проблемами определения бытия. Подходы к определению истины в условиях формирования неклассической и постнеклассических типов рациональности основываются на признании существования различных миров, каждому из которых соответствует собственная логика развития, язык описания, и, соответственно, критерии истинности знания. «Каждый из этих миров формируется в недрах соответствующей культуры определённого исторического периода. Если все эти миры равноценны и не могут быть поглощены каким-то одним, включающим их все в себя, то и истин получается много» [14, с. 254]. Между тем плюрализм истин и их относительная природа будет нами интерпретироваться как признание возможности существования абсолютной истины.

Успешное развитие научно-технического знания парадоксальным образом привело к пониманию того, что у человека нет возможности воспринять мир в его объективном существовании. Следуя логике И. Канта, отметим, что процессы установления познавательных значений неизменно ограничены рамками априорных форм восприятия и направлены на изучение «мира как явления». Вместе с тем стремление сформировать научное, основанное на фактах знание о мире ведёт к необходимости отказа от познания причин и сосредоточении на описании феноменов. Истинным является знание, не претендующее на объяснение причин. Значимыми становятся и другие формы интерпретации истин, к примеру, истина рассматривается как результат договорённости, основанием конвенций выступает непротиворечивость с существующими знаниями и удобство использования [18].

На результат познавательных процессов оказывают влияние способы восприятия мира, орудия исследования (к примеру, приборы, методики и т.д.), язык, при помощи которого формулируются научные проблемы, выражается и хранится получаемое знание. Логический позитивизм, объявивший

необходимость создания метаязыка – языка науки, утверждает, что мир есть совокупность эмпирически верифицируемых фактов[4]. Последовательное воплощение идеала позитивного (научного) знания формирует представление о том, что закономерности мирового развития определяются грамматическими и логическими правилами построения суждений.

В учении К. Поппера объектом научного познания выступает объективный мир [17]. Однако сущностным свойством процесса познания становится переход от одного ложного суждения к другому. Принцип фальсификации, как критерий научности, заключается в том, что научное развитие направлено на опровержение, на поиск фальсификаторов теорий. Научным является то, что можно опровергнуть. Указание на то, что любая теория, претендующая на истинность, приводит к догматизму, способствует пониманию о том, что поиск истины не может осуществляться в рамках наличного бытия. Установление истины требует способов реализации, при которых возможным становится «перемена бытия».

Для раскрытия особенностей современных подходов к определению бытия и связанных с ними различных пониманий истины необходимо начать с анализа концепций истин, сформированных в рамках становления и развития классической рациональности. Главная цель познания отразить объективные закономерности развития реального мира. Представление бытия как сущего, объективной реальности сделало необходимым поиск способов (методов), исключая влияние субъекта на объект. «Большая часть развития философской мысли была связана с поисками представлений о бытии как сущем, бытии как оно есть. При этом на первый план выходит проблема истинности знаний и представлений о реально сущем»[19]. Становление классической рациональности происходило в эпоху, когда человек стремился расширить сферу своих возможностей, используя знание для осуществления практических задач. Истина как представление инвариантных законов мира, выступает условием для возможности преобразования наличного бытия (сущего). С этой точки зрения, познанная необходимость есть условие свободных действий субъекта, преобразовывающего мир. «Онтология предстала учением о бытии как должном, как обоснование эффективного проекта преобразования бытия»[19].

Развитие науки и техники позволило достичь беспрецедентных масштабов преобразования сущего, утвердив преобладание инструменталистского отношения к миру. Ориентированность на высокую эффективность действий, превратило в подручные средства не только природу, различные виды познания, но и самого человека. Успешность действий требует высокой калькулируемости при формулировке целей и подборе средств, необходимости учитывать все факторы, влияющие на ход активности, точности в прогнозировании результата и возможных непреднамеренных последствий. Достижение результатов ведёт к новым кругам целеполагания и целереализации, направленным как на достижение новых результатов, так и на исправление последствий, вызванных предыдущими действиями. Поскольку

процессы целеполагания и целереализации бесконечно обуславливают друг друга, то и необходимость элиминировать проявление личностных, индивидуальных качеств субъекта деятельности имеет перманентный характер. Успешно достигающий поставленных целей индивид, подчинён логике действия, «человек...уже не скрывает свою черту, что он – важнейший материал для производства» [21, с.188].

Ориентированность на достижение классической истины и абсолютизация целерациональной активности стали основанием для возникновения автономных, развивающихся по собственной логике способов познания, форм активности. Глобальная деятельность, возникшая в результате эффективных действий людей, становится чуждой, способной представлять угрозу для всего человечества, силой. Появление условий, при которых становится необходимым преодолеть враждебность и чуждость мира, являющегося результатом познавательной и деятельностной активности людей, приводит к новому видению и другим формам постижения бытия.

Происходит переход от понимания бытия как мира сущего (объективного мира) к бытию человека. Перед человеком стоит задача актуализировать бытие, которое есть результат индивидуальных, личностных усилий. Таким образом, познание, выявляющее объективные закономерности мира, направленное на изучение форм становления бытия в процессе взаимодействия человека с объективными предметами и видами их взаимосвязи перестаёт рассматриваться как единственный путь достижения истины.

Важной задачей познания становится анализ субъектно-субъектных отношений, позволяющих исследовать взаимодействие личностного бытия и бытия другого. Способами достижения истины перестают быть строгий расчёт и практическая применимость, особое значение обретает поиск смысла, уникальность личностной интерпретации. Тем самым происходит переход от рассмотрения мира как объекта преобразований, к поиску способов интерпретации бытия, обуславливающих генезис различных миров. Смена картин мира выражает «...смену установок в рассмотрении бытия в качестве действительности «как она есть»; как рационально необходимого, на то, какова она может быть»[19].

Вместе с тем необходимо отметить, что парадигмальные изменения в понимании бытия, качественное преобразование форм и целей познания, а также новые интерпретации истины стали возможны при определённом уровне объективистского знания и практического преобразования мира. Так в учении М. Хайдеггера проблемы «забвения бытия» достигают такого уровня, при котором особенно отчетливым становится «зов бытия».

Автор фундаментальной онтологии М. Хайдеггер различает наличное бытие (сущее) и «бытие как таковое». Соответственно есть два способа познания «рассчитывающее мышление», изучающее реальность предметов, и бытийное мышление, посредством которого становится возможным актуализация (постижение) бытия.

«Рассчитывающее мышление само принуждает себя к необходимости овладевать всем исходя из законосообразности собственного подхода. Оно не способно ощутить, что всё исчислимое счётом ещё до вычисления той или иной суммы и производного уже есть некое целое, чьё единство явно принадлежит к неисчисляемому и чья неприручаемая странность ускользает от хватки расчёта. Но то, что повсюду и постоянно заранее уже замкнулось в себе от нахрапистого расчёта и всё же в своей загадочной неведомости оказывается ближе человеку, чем любое сущее, среди которого он со своими проектами устраивается, может иногда настроить человеческое существо на такое мышление, чью истину не способна схватить никакая «логика». Мышление, чьи мысли не только не настроены на счёт, но вообще определяются Другим, чьё сущее, пусть будет названо бытийным мышлением. Вместо того чтобы считаться с сущим в расчёте на него, оно растрчивает себя в бытии на истину бытия» [21, с. 39 – 40].

Важно отметить, что познание сущего, объективной реальности имманентно включает в себя ряд противоречий, сложностей, преодоление которых становится возможным только в процессе перехода к «бытию как таковому». Укажем на некоторые противоречия, неизменно возникающие в процессе познания наличного бытия.

«Рассчитывающее мышление» изначально разделяет действительность на бесчисленное количество фрагментов – это предметы познания и области преобразования. Очевидно, что возникновение различных дисциплин, со специфичным предметом познания и методами исследования, выступило важнейшим фактором научного и технического прогресса. Вместе с тем процессы успешного познания и преобразования действительности создали условия, при которых исследователь, глубоко проникающий в суть избранного предмета познания, не может представить себе целостность и то, какие последствия окажут его действия на окружающую действительность.

Прогресс науки, сопряженный с узкой специализацией, приводит к утрате целостности восприятия мира и, как следствие, к ослаблению прогностической функции научного познания. В условиях существования современного высоко технологичного мира исследователи говорят о возникновении «общества риска».

Сущностной особенностью «рассчитывающего мышления» является редуцирование многообразия проявлений реальности к общезначимости, однообразной последовательности законов, схематизации мира. «Научные области далеко отстоят друг от друга. Способ разработки ими своих предметов в корне различен. Это распавшееся многообразие дисциплин сегодня ещё как-то скрепляется только технической организацией университетов и факультетов и сохраняет какое-то значение только в силу практической целеустановки отраслей. Укоренённость наук в их сущностном основании, наоборот, отмерла» [21, с. 16].

Важно также указать на то, что возникновение и различные способы определения субъекта и объекта стали условием существования

познавательных процессов. Таким образом, «глубинный раскол» (разделение субъекта и объекта) – это основание для достижения объективной истины и практических результатов действий.

Субъект, выстраивающий свои действия, на основе полученных им знаний практически противопоставляет себя действительности, его автономность основывается на позициях «вне-находимости». Знание объективных законов позволяет ему использовать действительность как арсенал средств для достижения собственных целей. Процессы познания базируются на субъектно-объектных отношениях, тем самым процессы интеграции, на каком бы уровне они не осуществлялись, не смогут преодолеть изначально устанавливаемую раздельность. Важно отметить, что любой тип познания (даже основанный на вере, интуиции) предполагает изначально автономность, оторванность субъекта от целостности бытия.

Не менее разрушительным для человека и мира становится возникновение систем знаний, развивающихся в соответствии с собственной логикой и обретающих черты «отвлечённо-теоретического самозаконного мира». М. Бахтин указывает на противоречивость познавательных процессов, утверждающих господство объективной истины. Основная направленность теоретического сознания заключается в том, чтобы исключить человека, элиминировать из процессов познания личность, проявления «живой единственной историчности». Результатом познавательных процессов становится автономный, чуждый человеческой индивидуальности мир, в котором нет и быть не может «...действительно мыслящего и ответственного за акт...мышления» человека[1, с. 84].

Таким образом, обоснование теоретически значимых суждений возможно только при условии отречения от «моего единственного бытия и нравственного смысла этого факта». М. Бахтин видит в этом угрозу для существования людей и обществ, поскольку «роковое теоретизирование» формирует «безответственно страшную», разрушительную силу. Проявлениями такой силы является не что иное, как эффективные средства, созданные людьми для достижения поставленных целей. Таким образом, последовательное развитие теоретического знания, абсолютизация «рассчитывающего» типа мышления и инструменталистских действий делают очевидным вывод о том, что преодолеть дуализм познания и жизни можно только в процессе смены типов сознания. Сознательность человека определяется не только и не столько познавательными значениями, но и возможностью утверждать актуализировать личностные смыслы.

Преодоление противоречивости процессов познания станет возможным в процессе обращённости сознания человека на бытие. Переход от онтического к онтологическому возникает в условиях возникновения бытийного мышления. «Критикуя интеллектуалистскую трактовку сознания, Хайдеггер хочет понять сознание как определённый способ бытия. Сознание как способ бытия, точнее, бытие сознания он и обозначает словом «тут-бытие» (Dasein)»[6, с. 348].

Таким образом, мысль выступает необходимым условием рождения бытия. При этом значимым является то, что в бытийном мышлении не существует принципа заменимости: не открыл один, его дело закончит другой. Такой принцип может существовать в познании, но он не применим к процессам актуализации бытия. «А бытие – вовсе не порождение мысли. Скорей наоборот, сущностная мысль есть событие бытия»[21, с. 39]. Мысль как способ актуализации и как событие бытия может случиться в условиях «участного мышления», при котором человек реализуется не в чуждых его бытию внешних действиях, а через утверждение абсолютности личностного начала. Важнейшей характеристикой «участного мышления», согласно Бахтину, выступает личная ответственность. Таким образом, ответственность выступает как условие, при котором становится возможным использование теоретической значимости как средства воплощения конкретно-исторического, фактического события.

Важно указать на то, что истинна, будучи условием и, вместе с тем, проявлением (событием) бытия имеет абсолютный характер. С этой точки зрения, она не нуждается в обосновании и дополнении, она не может быть рассмотрена как процесс перехода от одной относительной истины к другой. Процессы познания, с присущей им логикой и способами утверждения различных видов истин начинаются после свершения события бытия – истины. «Сама истина откровенна, даётся в акте откровения свободы, когда открывается новая гармоничная целостность мира. И тогда учёному остаётся только описать фрагменты этой новой целостности в терминах теории, а художнику – передать её в красках, рисунках, звуках. Человеческое бытие раскрывается как творчество, а личность и путь к свободе – как принятие на себя всё большей ответственности»[19].

Следовательно, вполне справедливо утверждать, что возможна абсолютная истина, а остальные виды истин, устанавливающие общезначимость посредством отражения объективной действительности, достижения договоренности, опирающиеся на непротиворечивость, практическую применимость и так далее, являются лишь регулятивными принципами познания различных фрагментов действительности. Несмотря на многообразие различных способов обоснования истины (корреспондентской, когерентной, конвенциональной, прагматической и другие), все виды истин имеют временный, «подручный» характер. Различные виды истин сохраняют свою значимость, выполняя регулятивную функцию в рамках существования определённой системы, парадигмы, будучи зависимыми от правил формирования понятий и логических законов построения суждений, непротиворечивости даже возможности наиболее удобного использования.

Противопоставляя абсолютную истину, устанавливаемую бытийным мышлением, остальным видам истины вновь обратимся к учению М. Хайдеггера. Немецкий философ устанавливает принципиальное различие между истиной как *veritas* и истиной как *αλήθεια*. Истина в познании «*veritas*» устанавливается в процессе исследования несокрытого, уже явленного мира-

сущего. Следует отметить, что сущее открывается в намерениях человека, а не в бескорыстном созерцании. «Подручность» сущего первичнее его наличности. Первоначально мир представляется в качестве средств для достижения тех или иных целей, а теоретическое познание вторично, производно от понимания. Возможно, этим и объясняется, что «подручность» как условие предпонимания сущего исключает целостность восприятия мира, создаёт автономный мир знаний, замыкая человека в бесконечный круг действий, направленных на достижения результатов, а затем на новые круги целеполагания, направленные, в том числе, и на преодоление последствий предыдущей активности.

Открытость того, что становится предметом исследования, приводит к пониманию истины, в основании которого находится согласованность суждения с предметом, соответствие знаний действительности. М. Хайдеггер указывает на существование двух видов согласованности: «...с одной стороны, совпадение вещи с тем, что о ней мыслилось раньше, и с другой стороны, совпадение мыслимого в высказывании о вещи» [22, с.10]. Подчёркивается, что размышления о согласованности как характеристики истины основываются на признании существования мирового порядка, которому, в той или иной степени, соответствуют суждения человека.

Согласованность знаний и сущего устанавливается в поведении, которое «...находится в постоянной доступности сущему. Всякое открытое отношение есть поведение. В зависимости от характера сущего и формы поведения открытость для человека различна. Любое дело и свершение, любая деятельность и любой расчёт – всё это существует и держится на открытости той сферы, в границах которой сущее как то, чем оно является и как оно существует, может (пре)ставить себя в своей собственной сущности как то, о чём может быть сказано» [22, с. 14].

Таким образом, М. Хайдеггер указывает на первичность явленности предмета. Согласованность, правдивость возникают уже на следующем этапе. Можно сказать, что они необходимы при объяснении того, что уже было «пред-понято», поскольку вышло из сокрытости.

Задаётся вопрос, какого рода сущее может непосредственно являть себя, а также следует уточнение, является ли феномен (нечто показывающее себя) сущим или же бытием. Однозначно то, что явления эмпирического мира не могут быть рассмотрены как представленность, как феномены, ибо они не даны непосредственно, существование каждого обусловлено наличием другого, а объяснение одного через другое может иметь бесконечный характер.

Возвращаясь к определению того, что способно обрести состояние явленности укажем, что это нечто сокрытое. Такого рода (основательно сокрытую) явленность можно назвать подлинным феноменом, или бытием сущего. При этом имеется только одно сущее, в котором может открыться бытие – это сам человек. «Человек избран Хайдеггером для исследования потому, что он представляет собой совершенно особое сущее: такое, которому – единственному из всех сущих – непосредственно открыто бытие» [6, с.360].

Таким образом, элиминирование человека из процессов познания уничтожает собственно предмет познания. Поскольку познание нуждается в предпонимании, которое основано на «тут-бытии» (человеке). «Подлинная задача философии, по Хайдеггеру, – раскрыть сущность пред-понимания и показать, что всякое познание, в том числе и научное, в конечном счёте, отсылает нас к изначальной открытости тут-бытия – корню и истоку всякой очевидности» [6, с. 372].

Вместе с тем приоритетная роль познания, выступающая условием для процессов «сокрытия, предательства бытия», также не является досадной ошибкой, поскольку выступает одним из способов формирования настроенности, ведущей к бытийному мышлению. Признав то, что основанием для истины должна выступать несокрытость сущего, необходимо перейти к следующей ступени определения истины.

На данном этапе следует понять, что истина – это как открытие сущего, так и его сокрытие. При этом сокрытие выполняет значимую роль, которая состоит не только в установлении границы познания, но и даёт начало для «просветления просветлённого». Наиболее полно это выражается в сфере искусства. «Именно поэтому произведение искусства и есть «устойчивый облик истины», поэтому оно и несёт её в себе, что оно всегда не только открывает, но и скрывает, – поэтому-то никогда невозможно совершенно адекватно с помощью рациональных средств передать смысл произведения искусства. Оно не позволяет исчерпать своё содержание, не позволяет другими средствами «сказать» то, что оно говорит человеку» [6, с. 341].

Безудержное стремление к познанию, исчезновение уважительного отношения к тайне послужило основанием для того, чтобы раскрытие стало противоположностью истины. Рациональное мышление ведёт к стремлению объяснить непонятное, «лишить тайну таинственности». Познавательное, особенно научное открытие, как правило, основывается на аналитическом изучении отдельных частей и на их последующем синтезе. Между тем суммирование знаний отнюдь не приводит к познанию целостности. Более того, бурное развитие науки ведёт не только к разделению действительности на отдельные фрагменты, но и заставляет рассматривать саму науку как смену «головоломок» [12], обосновывать необходимость существования «методологического анархизма», наконец, настаивать на увеличении значимости мифологического знания [23].

Парадоксальность познавательных процессов точно выражает П.П. Гайденко: «Утратив уважение к «сокрытому», пытаясь всё раскрыть средствами науки, современная эпоха, напротив, закрыла себе доступ к миру – он для неё утратил смысл, а именно смысл мира, – это и есть тот свет, благодаря которому становится видимым сущее» [6, с. 342].

Именно отрицание необходимости существования сокрытости истины, является одной из причин утраты людьми личностного бытия, собственной идентичности. Непонимание смысла и значимости сокрытости, выражается в том, что тайна рассматривается лишь как что-то непознанное в настоящий

момент, но, вместе с тем, завтра она (тайна) станет предметом нашего исследования. В этой связи уместно вспомнить учение М. Вебера о том, что современный, цивилизованный человек «разволшебствует», рационализирует мир [3]. Сознание людей секуляризуется и активно действующий человек, нацеленный на успешное достижение своих целей, перестаёт руководствоваться сакральными ценностями. Между тем именно такой человек (успешно действующий), отказавшийся от уважительного отношения к тайне и как следствие утративший ценностные ориентиры, испытывает «преждевременную усталость от мира»[3].

Итак, важным выводом, который делает М. Хайдеггер, исследуя истину, является утверждение того, что истина неизменно зависит от человека «взятого как существование». При этом истина не является субъективной, поскольку явление бытия подобно откровению, которое не зависит от желаний и целей субъекта. «Бытие, по словам Хайдеггера, «возвещает себя» человеку, «кликает» его, открывает ему сущее... бытие и есть открытость, как таковая, и истина в качестве открытости есть теперь не принадлежность человеческого существования, а принадлежность самого бытия», – так характеризует П.П. Гайдено учение об истине, позднего Хайдеггера [6, с. 385].

Такая истина может быть открыта в процессе бытийного мышления, характерными чертами которого является сохранение целостности, в удержании единства сокрытости и открытости бытия.

Исследование сущностной природы абсолютной истины, понимание её как «события бытия» приводит нас к выводу о том, что истина не может иметь «подручный» характер. Направленность познавательных процессов на достижение результатов, которые будут способствовать успешной реализации целей человека, есть не что иное, как стремление людей утвердить эгоистичность собственных стремлений. Возможность определения места человека в мире становится явной в процессе его усилий направленных на открытие абсолютной истины, на обретение личностного бытия.

Тем самым установление различных типов истин, выступающих условием для успешного достижения целей, для познания объективных закономерностей имеют ограниченный характер. Абсолютизация роли познавательных значений формируют ситуации, при которых люди исследуют действительность, состоящую из уже установленных значений, в которой уже выработаны различные способы интерпретации смыслов, созданы языки и типы систематизации полученных данных. Строго говоря, процессы познания связаны с бесконечным описанием и систематизацией огромного потока информации, получение нового знания оказывается невозможным, ибо «из известного нельзя получить больше того, чем оно содержит»; из комбинаций значений, составляющих известное, нельзя получить новое, или неизвестное [13, с.235]. При этом абсолютизация роли познавательных истин приводит к деструктивным формам развития, как общества, так и человека.

Преодоление этой ситуации связано с рождением мысли, которая не является «подручной», а выступает главной целью и идеалом познания. Перед

человеком стоит задача удержаться в таком режиме познания, при котором в описываемый предметный мир человек привносит что-то своё. И тогда проблемы мышления становятся проблемой измерения, выработкой новых форм видения, созданием иных систем координат для восприятия мира. Возможность соотносить всё познаваемое непосредственно с личностным бытием, делает мысль основанием для жизни. Ценность мысли заключается в том, что она принадлежит самому человеку, выступая условием проявления бытия, даёт возможность ощущать и проживать собственную жизнь. Однако человек не может присутствовать в состоянии мысли постоянно, для этого необходимы непрерывные усилия и духовная работа. Люди же, как правило, под влиянием тех или иных обстоятельств поступают в соответствии с тем, что требуют от них другие.

Невозможность обрести и удержать мысль влечёт за собой как личностную нереализованность, так и лишает мир определённых состояний, стремлений, переживаний. Они умерли в человеке, ибо их не породила мысль, их не будет и в мире. Акт мысли помогает человеку привнести порядок, а потом достичь понимания. Следовательно, мысль является ничем иным, как упорядочивающим движением. Мысль не отражает действительность, а создает условия для её восприятия, определяет последовательность в мире явлений. Усилия человека направленные на актуализацию бытия и возможность пребывания в состояниях, при которых свершается событие бытия, являются способами установления абсолютной истины. Проясняя особенность состояний, позволяющих свершиться событию бытия, обратимся к учению М.К. Мамардашвили о специфически человеческих состояниях, одним из которых является «мыследействие».

Мысль как специфически человеческое состояние помогает установить различие между кажущимся и тем, что есть на самом деле. Важно, что в процессе опыта такое различие установить невозможно. Истинным существованием обладает то, «что сделалось само собой, не будучи человеческим действием». Всё сделанное человеком всегда можно изменить, для такого рода активности используется уже готовая информация, сумма готовых установленных значений.

Вместе с тем, для обретения подлинного смысла недостаточно всего опытного знания о мире. Смысл может быть установлен вне опытного содержания, он находится в той области, в которую попадает личность, изменившая себя и способная отказаться от собственного эмпирического «я» в пользу собственного бытийствования. «Мыследействие» предполагает отказ от «я», обладающего определёнными качествами, в пользу второго «я», узнать которое можно только отказавшись от самого себя. «В мире для каждого человека оставлено место, оно оставлено там, где есть наш собственный акт (лик), который мы должны совершить. Попав в это место, мы можем быть ликом (свободным), только переосмыслив и преобразовав себя. А это преобразование требует силы (не слов, не логических рассуждений)» [13,с. 426].

Мысль обладает онтологической значимостью, поскольку, если человек не совершил «мыследействия», то никакая сила в мире не сможет заменить, восполнить несделанное. Такой мысли, такого состояния не будет существовать. Мысль есть состояние самобытности. Наибольшей значимостью обладает не содержание мысли, а её наличие. Мыслью следует называть то, что позволяет человеку «извлекать собственное «я», тем самым, давая возможность действовать «онтотексту сознания». Для решения этой задачи необходимо определённым образом измениться, собрав себя. Хайдеггер верно замечает: «Мысль есть действие. Но действие, которое одновременно переходит за всякую практику. Мысль прорывается сквозь действие и производство не благодаря величию каких-то своих результатов и не благодаря последствиям какого-то своего влияния, а благодаря малости своего безрезультатного осуществления» [21, с.69].

Ещё одной значимой характеристикой «мыследействия» является неизбежность, «то есть свободное думанье того, что нельзя думать иначе» [13, с. 435]. Возникновение мысли не произвольно, мысль рождается не по желанию, она случается в «фиксированной точке интенсивности», а этой магической точкой является собранная персона. При достижении такого рода состояний происходит «переключение потока жизни» и свободно возникают неизбежные мысли. Существуют трансценденталии, организующие «поле наблюдения» и содержание (мысли) будет зависеть от свойств «структуры этого поля».

Важно обратить внимание на то, что для бытийного мышления характерным является использование экзистенциальных понятий (трансценденталий), а не логически обоснованных, безразличных к индивидуальным особенностям личности, определений. При этом любые объективные суждения о мире и о сознании возможны благодаря первичным понятиям и трансцендентальной структуре, некоторой априорной заданности: «...пока мы не введём некоторые свойства структуры наблюдения, мы не можем ничего объективировать, а когда введём, то мы не всё сможем утверждать о мире. То есть, вводя трансцендентальное понятие, лежащее в основе физического описания мы накладываем какие-то ограничения...» [13, с.741].

Благодаря мысли у человека появляется возможность создавать что-то, упорядочивать движение. Мысль сама является специфической формой активности. Структурировать поле, привести порядок – это всё функции трансцендентального сознания, которое актуализирует отдельный индивид. Важно подчеркнуть, что при наличии такой мысли-поступка возможным становится достижение понимания, осмысления, а не установления значений.

Характеризуя особенности понимания, укажем на его наиболее значимые черты. Прежде всего, отметим, что понимание даёт целостное представление о мире, а условием существования этой целостности выступает личностное бытие. Обретение смысла, ведущее к пониманию, сосредоточено не на способах познания многообразия мира, а на процессах включенности,

ответственности, значимости самого человека в условия существования и развития мира.

Таким образом, мыслить можно «лишь на пределе человеческих возможностей», а рассмотрение проблемы мысли напрямую связано с определением места человека во Вселенной. Самостоятельность мышления является условием становления подлинной реальности. Мысль делает возможным моё бытие, а бытие актуализируется подлинной мыслью.

Человек, обретая знания об истинной сути бытия и получая возможность определения своего предназначения, приходит к пониманию о том, что его жизнь не случайна, а целесообразна «относительно того, что задумано». Нравственные поступки и подлинное «мыследействие» обеспечивают выход в сверхопытную реальность. Таким образом, для установления абсолютной истины необходимы волевые усилия, позволяющие нам пребывать в состоянии мысли, нравственности.

Безусловной значимостью обладает характеристика «бытийного мышления», указывающая на то, что истинная мысль о бытии не является результатом логической обоснованности, согласования с общезначимыми суждениями. Напротив, само появление мысли выступает условием для проявления бытия. Поэтому следует говорить о наличии абсолютной истины, поскольку благодаря существованию последней возможно актуализация личностного бытия.

Относительные истины могут быть лишь в локальных системах знания. Формирование абсолютной истины происходит в процессе мыследействия, не зависящего от психологических чувств и способностей субъекта и не связанного с устройством социального бытия. Истинное мыследействие актуализируется благодаря трансцендированию и возможности представить, утвердить бытие, а не сущее.

Созвучными данным рассуждениям является и учение Ж. Делеза, для которого истина неизменно является делом производства (творчества), а не соответствия, делом рождения, а не припоминания. Абсолютность истины как условия и способа проявления бытия предполагает возможность и сосуществование различных миров. Ж. Делез разделяет бытие и сущее, говоря о новом понимании бытия, сущностной характеристикой которого является различие. Постижение бытия-различия требует новых типов рациональности и способов раскрытия истины. Истина – это режим удержания различия – бытия, а не поиск тождественности с сущим.

Различие проявляется в бытии и выступает основанием для возникновения различных способов существования. Бытие предшествует существованию, следовательно, оно первично по отношению к сознанию и субъектам познания. Бытие – есть хаотичное взаимодействие бесчисленного количества сингулярностей, перманентная активность которых делает возможным свершение череды событий, обуславливающих процессы становления сущего. Сама возможность свершения событий указывает на повторяемость, а условием возникновения и результатом события выступает

различие. Ведь событие разрывает привычный ход вещей, устанавливает новую логику становления, создаёт иные системы исчислений, позволяя проявиться уникальным формам существования.

Для того чтобы постичь различие необходимо преодолеть старый тип мышления, по сути, рационализирующий обыденное сознание. В работе «Различие и повторение» французский мыслитель подвергает критике учение о мышлении и истине, выработанное классической философией. Классический тип мышления основывается на постулатах, согласно которым истина постигается мышлением. При этом мышление «едино во всех способностях», направлено на узнавание объекта (установление тождества), в процессе которого объект получает определение. Согласно учению Делеза, такой тип мышления не выводит познание за рамки восприятия и исключает возможность появления новых объектов и проблем познания. При таком типе мышления невозможно познание различия.

Абсолютная истина актуализируется в процессе воплощения бытия в сущее, которое становится возможным в процессе уникальных способов проявления силы, утверждающих индивидуальное. Возможность человека находится в особых состояниях (пограничных ситуациях), при которых он переживает напряжение всех своих способностей, позволяет установить абсолютную истину. Ведь достижение «точек интенсивности» ведёт к выходу за рамки повседневности, к актуализации бытия.

Значимым для характеристики такого рода состояний является то, что они не являются результатом интеллектуальных усилий или следствием волевого решения. Пребывание в точках интенсивности, позволяющих вывести из потаённости и удержать, на какой-то миг, абсолютность истины, возможно при условии выхода, за рамки обыденности, повседневности, трансцендирования от сущего к бытию. Такой режим мысли, при котором актуализируется бытие, устанавливается абсолютная истина, отличается неизбежностью, поскольку свободно возникает мысль, которую «нельзя думать иначе». Новое мышление, направленное на удержание различия, – это свободное возникновение неизбежных мыслей, установление личностных смыслов, способ проявления индивидуального бытия.

Таким образом, ограниченность мышления рамками сущего, «подручность» как условие предпонимания, познание как установление тождества существующего с сущим являются причинами возникновения различных форм имитации истины. Вместе с тем процессы возникновения различных типов истин и их релятивистская природа должны рассматриваться как условие для утверждения абсолютной истины, актуализирующей личностное бытие.

Список использованной литературы:

1. Бахтин, М.М. Философия поступка / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. – М., 1986. – С. 84–157.

2. Библер, В.С. От наукоучения к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1990.
3. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 796 с.
4. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн.– М. : Канон +; РООИ «Реабилитация», 2017. – 288 с.
5. Гайденко, П.П. История новоевропейской философии в её связи с наукой / П.П. Гайденко. – М. : ПЕРСЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 344 с.
6. Гайденко, П.П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века / П.П. Гайденко. – М.: Республика, 1997. – 495 с.
7. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998.– 480 с.
8. Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
9. Желнов, М.В. «Сущность свободы как истина» и «Сущность истины как свобода»: (идеи Ф. Шеллинга и М. Хайдеггера в наши дни) // Социальная теория и современность. Выпуск 21. – РАГС при Президенте РФ Москва, 1996. – С. 52–80.
10. Каган, М.С. Метаморфозы бытия и небытия: онтология в системно-синергетическом осмыслении / М.С. Каган. – СПб. : Logos, 2006. – 414 с.
11. Конев В.А. Критика способности быть (Семинары по «Бытию и времени» Мартина Хайдеггера) / В.А. Конев. – Самара: Самарский университет, 2000. – 174 с.
12. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: АСТ, 2003.– 605 с.
13. Мамардашвили, М.К. Философские чтения / М.К. Мамардашвили. – СПб. : Азбука-классика, 2002. – 832 с.
14. Маркова, Л.А. Наука и логика смысла Ж.Делёза // Философия науки. Вып. 6. – М.: ИФ РАН, 2000. – С.254– 281.
15. Маркова, Л.А. Нетождественное мысли бытие в философской логике (В.С. Библер и Ж. Делез) // Вопросы философии. – 2001. – № 6. – С. 159–175.
16. Микешина, Л.А. Новые образы познания и реальности / Л.А. Микешина, Н.Ю. Опенков. – М. : РОССПЭН, 1997. – 240 с.
17. Поппер, К. Логика научного исследования / К. Поппер. – М.: Республика, 2004.– 447 с.
18. Пуанкаре, А. О науке / А. Пуанкаре.– М.: Наука, 1990.– 736 с.
19. Тульчинский, Г.Л. Смена онтологической парадигмы: от сущего к потенциальному. URL:<http://hpsy.ru/public/x3133.htm>
20. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – СПб. : Наука, 2002. – 451 с.
21. Хайдеггер, М. Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

22. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. – М. : Высшая школа, 1991. – 192с.

23. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд.– М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – 413 с.

Глава 10.

РЕФЛЕКСИВНАЯ ПРИРОДА ИСТИНЫ (ПОЛИЭВОЛЮЦИОННАЯ ПАРАДИГМА)

*Доцент, кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Центра управления знаниями и компетенциями, Институт философии
Национальной академии наук Беларуси, Минск
Ермолович Дмитрий Валентинович*

Можно начать с афоризма – умный не тот, кто много знает (многознание, как известно ещё от Гераклита и Ломоносова, уму не научает), а тот, кто умеет, объясняет и понимает. Знание это то, что технологизируется (отвечая на вопрос – как делается?), методологизируется (отвечает на вопрос – что делается?) и «морализуется», приобретает императивный характер, истинностно конституируется (с ответом на вопрос – зачем делается?). Знание – естественно-эволюционно, а переход от одного вопроса к другому не связан с тем, получен ли уже ответ, здесь нет места прямой каузальности, здесь всегда «веерность», много-многозначность – выход на рефлексивность, превращение «всякой» формы.

Каждый новый шаг, «результат» мыследеятельности и есть превращённая форма действительности. Однако необходимо предупредить об опасности «пошаговой стратегии» (в быту – это услуги пошаговой доступности, принцип «одного окна»...) за которой может скрываться преступная простота потребительства, которая хуже воровства. О сворачивании академического образования к магии, несводимости науки к технологиям предупреждает и Умберто Эко [11]. Конечно, современному человеку нужна не пошаговая доступность, а «ближайшая зона развития»...

Полиэволюционность, много-многозначность, синтез средств и целей социального развития, реализующихся посредством конструктивистских принципов: технологизма, методологизма, императивности, ведет к образованию узлов категориальной картины мира человека [5], устанавливает эволюционные «вешки», открывает пути к управлению (технология, кибернетика, синергетика) создаваемой человеком дигитализированной реальности. Рефлексивность как интеллектуальная способность и инструмент постижения такой действительности: анализ, синтез и только потом собственно рефлексия, на каждом этапе сталкивается с превращением формы мыследеятельности.

На примере эволюции внутринаучной рефлексии [12] можно показать, как в результате организованного «служителями науки» рефлексивного анализа конструируются и эволюционируют превращённые формы действительности, затем после их онтологизации создаются новые превращённые формы и т. д. – это и есть методология науки как механизм внутринаучной рефлексии (первой

превращённой формой действительности будет онтологема (первопричина, бытие, порядок), превращённой формой онтологемы – гносеологема (субъект, объект, знание), превращённой формой гносеологемы, после её онтологизации – либо новая гносеологема, либо методологема (данные, интеллект, информация), после онтологизации методологемы (превращения замысла в продукт жизнедеятельности) цикл выглядит как спираль, т. е. познание выходит на новый уровень, наблюдается научная революция.

Итак, следует принять, что современная наука оперирует не самими формами классической науки (гносеологемами): субъект, объект, знание, а ее «превращёнными» формами (методологемами): данные, интеллект, информация. По поводу объективного понимания истины классическая наука требует заявить конструкт: истина как ценностно-ориентированный результат жизнедеятельности человеческого рода (и задаётся и постигается). Для Иммануила Канта «безмятежное» созерцание миропорядка отягощено императивностью, для Георга Гегеля основания познания и её превращённая форма выглядят как единство бытия и мышления (т. е. принципиально рефлексивно), идеи и вещи (истинное имя и знание о нём – ещё у древних мыслителей), а Людвиг Фейербах в связи с этим утверждал (оптимистично, но настороженно), что самые простые истины приходят к нам самыми последними. Связь же данных, интеллекта и постигаемости действительности посредством информации лежит в поле неклассической и постнеклассической науки, поэтому не может выглядеть как заданность и некая определённости...

В эволюционном плане этап зарождения науки (раздвоение мифа на науку и религию) и вся до-классическая наука (в гносеологических терминах) следует тезису – без объекта нет субъекта, а становление классической науки связывается не только с интуитивным ощущением присутствия объекта, но и с ожиданием чуда Возрождения, ожиданием прихода субъекта, подготавливает гносеологический поворот – без субъекта нет объекта. Всё ещё «невычерпанное» понимание субъект-объектности, несогласие с постмодернизмом по поводу отказа от субъект-объектных ориентировок в толковании познавательной практики требует не только привязать формы истины к рефлексивным состояниям субъекта познания (темпоральным, каузальным, генетическим, эротетическим и т. п.), но и перейти (формально и содержательно) на иную (методологическую) терминологию, дать понимание полиэволюционности рефлексии, синхронизации и упорядочивания полиэволюционных процессов, порождения нового.

Такого рода акции предпринимает уже Аристотель, проходя путь от синкретической первопричины натурфилософов к поиску диалога причин вплоть до разворачивания процесса причин (от материи к форме). Аристотель выделяет четыре принципа становления: *formal* (формальная, «установочная»), *material* (материальная, инструментальная), *efficient* (действующая, «технологическая»), *final* (конечная, целевая). Что, например, в современном толковании деятельности сводится к четырём её видам: предметно-практическому, познавательному, коммуникативному и ценностно-

ориентационному (или в архаически-утилитарных формах: труд, учёба, общение, игра). Позже у Рене Декарта в процессе растолковывания рационализации познания, а другого пути для разрешения психофизического дуализма Декарт не видит, образуются четыре наиболее общих познавательных метода (требования): надёжное основание, анализ, синтез, полнота. Причем если надёжное основание – условие начала рациональной практики познания, то анализ требует уже достаточной содержательной сложности изучаемого явления (у простых объектов, собственно нечего анализировать), синтез превращается в сознательную инициативу (у Френсиса Бэкона: знание – сила, у Бенедикта Спинозы: знание – свобода), а полнота – та цель (требование, критерий, мера), которую устанавливает себе человек (по Декарту – «мыслящее существо»). В завершении культурологического обоснования права человека на «мыслящее существование» Кант ставит четыре вопроса и определяет четыре группы категорий (обозначает семиосферу действительности) в своей философской системе:

- что я могу знать? (количество).
- что я должен делать? (качество).
- на что я могу надеяться? (отношение).
- что есть человек? (модальность).

Эволюция данных как превращённой формы объекта познания

Данность действительности всегда вызывала недоверие у носителя обыденного сознания, то ли по причине несовпадения наличного опыта и фактологического проявления действительности, социокультурных (мировоззренческих) установок и жизненных (частных или групповых) ориентировок, виртуализированных ожиданий (грёз, мечтаний) и доступной наглядности, отображаемого нами бытия; то ли по причине нежелания мириться с предопределённостью действительности и порождаемом этим нежеланием мифотворчеством; то ли по причине наблюдаемого отождествления противоположностей в моменты пограничных состояний сознания и неспособностью в подобных состояниях принять (постигнуть) противоречия действительности...

Рассмотрим «данное» как самостоятельный элемент анализа действительности, как предельное деление целостности бытия, заявим постоянную дискретности, чистое качество (к Пифагору – идея числа или даже только единицы), опираясь на дедуктивную стратегию исторического анализа (от сущности, формы форм, онтологии к содержанию, технологиям и практикам).

Предлагая краткий экскурс в эволюцию данных, необходимо дать рабочее определение «данного»: *данное – элементарная познавательная форма, различаемое качество* (ментальная возможность факта). У Готфрида Лейбница – бесконечно малое – предел представленности целого (в этом смысле монада), программа, задание, код «редупликации», воспроизводства целого, собственно первопричина и т. д., выполняющее в познании действительности подобные

перечисленным уже принятым основаниям функции, перцептивный гештальт-предел. Именно поэтому у Пифагора качество и количество совпадают (как и в бесконечно малом у Лейбница, иначе невозможны дифференциальные и интегральные исчисления, да и вообще, высшая математика), тождественны в числе: единица и есть первопричина. Причем в обыденном сознании данное – очевидность, первичный образ («эйдос» у Платона) интуитивно не вызывающий сомнений (лучше один раз увидеть...), условие принятия решений, до-рефлексивный масштаб мышления. Можно выделить несколько стадий в эволюции данных:

– онтологическая стадия (и Разум и Интуиция, и только потому абсолютизация Веры – «Верю для того, чтобы понимать» (Августин Блаженный)) – первопричина, первопринцип, апейрон, гомеомерия, атом, монада... (IdeaData=«IdData» (протоданное, название по аналогии с сущностью бессознательного у Фрейда));

– гносеологическая стадия («недоверие», рассудок и проблема метода) – данное – Data (просто Data), нейтрально по отношению к принятию решения, но возможен Data-анализ при достаточном количестве данных, открывается поле для широкомасштабного применения индуктивной стратегии анализа действительности;

– методологическая стадия (начинается конструктивизм, не синтез) – сбор, накопление данных, кодировка и расшифровка данных, в перспективе возможен Data-синтез, пока лишь Data-конструкт;

– технологическая стадия (информационная стадия и собственно технология «больших данных», БД-технология)...

Быстро эволюционирующая БД-технология «доросла» уже до «четырёх V»: «объём» (volume, постоянно расширяющийся), «скорость обработки» (velocity, допускающую оценку действительности в реальном времени), «достоверность» (veracity, максимально возможная степень совпадения с реальностью) и «разнообразие» (variety, возможность одновременной обработки разного уровня структурированности данных) [10], что предполагает более внимательное отношение к качеству получаемой и обрабатываемой информации, предполагает дальнейшую разработку новой технологии анализа данных – Data Mining (DM, интеллектуальный анализ данных). Но поскольку человеческое развитие не идет в ногу с развитием информационным, индивид сталкивается с понятием информационной перегрузки. Отныне человек не справляется с поиском нужного алгоритма поведения, не успевает перерабатывать поступающие данные, принимать верные решения и вынужден искать поддержку в информационных технологиях.

Характеризуя современные информационные потоки, становится ясно, что общий объём «качественной» информации на данный момент меньше, чем это необходимо для поколения (часть информации уже подверглась «старению», новая информация в связи с социокультурным кризисом синтезируется медленно). Неумение управлять составляющими информационного потока вынуждает человека хранить, обрабатывать и

передавать «*нон-информацию*». В результате из некачественного «нон-ресурса» синтезируется новая «нон-информация» и фактически обнаруживается проблема перегрузки «нон-информацией».

Совмещая новые инструменты с широко используемыми в бизнесе и государственном управлении базами данных, БД- и DM-технологии в союзе с электронной наукой (e-science) обнаруживают в своем практическом использовании ряд трудностей (ограничимся общенаучными и формально-логическими):

1. Синергетический подход к анализу действительности требует внимательного обращения к «точечным» данным (а это пока ещё сфера естественного, человеческого интеллекта): аттракторный, бифуркационный анализ «в точке» только и снимает неопределённость прогнозных показателей. «Техническое» решение видится в параллельном моделировании причинно-следственных связей «входа» и «выхода» в заданной точке, возможным ответом мог бы стать обнаруженный «резонанс» предварительных результатов анализа.

2. В «нон-информационной» модели анализа (а в «Больших данных», конечно, преобладает «нон-информация») следует избегать формально-логических ошибок: экстраполяции неизвестного через неизвестное, нарушения закона тождества (особенно часто это делается в процессе интерпретации результатов), подмены оснований кластеризации и классификации и т. п.

3. Увеличение количества итераций и объёма данных резко снижают качество получаемой информации, в этом случае на первый план выходят оптимизационные модели анализа. С другой стороны, уменьшение шага итерации приведёт к проблеме гештальт-предела как минимального паттерна действительности, за которым целостность, качественность информации разрушается, а сама информация становится принципиально неструктурируемой.

4. В теории вероятностей закон больших чисел, при условии фиксированности распределения, предполагает наличие конечной выборки для получения удовлетворительных характеристик этого распределения. Однако «нон-информация» и соответствующие ей «Большие данные» ни ментально, ни вещественно не фиксированы, т. е. в общем виде вероятностное пространство «Больших данных» не имеет известного нам вероятностного распределения, именно поэтому для снижения неопределённости результатов анализа используются DM-технологии: приходится создавать фиксированные «хранилища», проводить пилотную кластеризацию и ориентировочную классификацию данных.

5. Собственник информации и её заказчик всегда опосредованы, то ли объективно-технологически (через облачные, сетевые и иные технологии), то ли субъективно-психосоциально (через потребности, возможности и долженствование). Коммуникация названных сторон требует согласования, посредничества, что предполагает иметь достаточное количество, соответственно проблеме, подготовленных специалистов.

Дальнейшее развитие БД-технологий возможно в направлении постановки новых задач для БД-технологий, их применения в разработке искусственного интеллекта и интеллектуальных систем в разрезе эволюции понимания сложности / неопределенности и управления (самоуправления) сложностью / неопределенностью. Для чего потребуются связать так или иначе понимаемые данные с истиной, предельность данного (гештальт-предел) с предельностью истинности как у Декарта (то чему нельзя не верить – «*Cogito ergo sum*»), и вследствие этого выйти на проблематику интеллекта.

Эволюция интеллекта как превращённой формы субъекта познания

В поиске единства определений интеллекта, одной из существенных характеристик всякой категоризации, открывается путь к категоризации и для понятия «интеллект». Вскрытие внутренней динамики и противоречивой природы интеллекта и способов его определения с позиции критического рассмотрения уже существующих подходов на основании принципа парадигмально-концептуального единства множества определений интеллекта, позволяет установить связь категориальности и истинности, интеллектуальности и критериальности, поэтому можно решить (решать) обратную задачу: на примере эволюции программ по изучению природы мышления и, в частности, определений интеллекта отрефлексировать эволюцию критериальности истины, тем самым вскрывая «тайную» природу последней.

Современный научный язык изобилует определениями интеллекта. Отсутствие единого понимания интеллекта является мощным дезориентирующим фактором. Ситуация усложняется отсутствием общей теории интеллекта, которая послужила бы прочным фундаментом проводимых исследований (естественного и искусственного интеллекта). Остаются невыясненными природа происхождения, структура и сущность самого интеллекта. Междисциплинарные исследования и моделирование интеллекта требуют прочных философских оснований. Предложим (ниже) к рассмотрению некоторые результаты: удалось выделить пять относительно самостоятельных *парадигмальных* (парадигмы: метафизическая, естественнонаучная, диалектическая, когнитивистская и конструктивистская) и одиннадцать, в той или иной мере с ними сопряжённых, *концептуальных* (концепции: аналитическая, перцептуальная, аналитико-синтетическая, рефлексивная, деятельностьная, развития, социальная, интегральная, интерсубъективная, тестологическая, интенциональная) подходов в определении сущности интеллекта. Поиск единства множества определений показывает не только трудности определяемости естественных, но и конструируемости искусственных интеллектуальных характеристик мышления. При этом выявляются слабые места в решении такого рода задач, что требует активизации (конкретизации) поисковых усилий в стремлении сохранить социальный контроль над процессом создания (использования) искусственного интеллекта.

Античная постановка вопроса о «едином во многом» порождает не только необходимость в определениях единого, таких как Первопричина, Благо, Логос, Нус (первая прямая аллегория интеллекта – Анаксагор) и др., но и задаёт направления поиска понимания мироустройства: *метафизический* (раздвоение единого и спекулятивный поиск единства – Парменид, Зенон, Прокл и др.), *сущностный* (ментальная сводимость миропорядка к причине причины – Аристотель, стоики и др.) и *диалектический* (единство и борьба единого и многого – Гераклит, Анаксагор, Платон, Плотин и др.). Здесь уже можно говорить о парадигмальном статусе изучения ментальных феноменов, а сформировавшийся в дальнейшем из сущностного подхода, благодаря развитию частных наук, *естественнонаучный* подход изучения интеллекта будет неотделим от таких форм метафизического представления, как рационализм, сенсуализм (эмпиризм), позитивизм, сциентизм и их современных вариантов. В этом, однако, нет противоречия, но лишь глубокая связь внутри различных тенденций развития науки.

В Средневековье кроме генезиса термина «Нус – Разум – Интеллект» наблюдается формирование концептуальных трактовок интеллекта, и зарождаются основания для выявления парадигмально-концептуального единства в подходе к его определению. Под *парадигмой* здесь и далее в общем смысле мы понимаем теоретическую систему концептов, отражающую специфику общего развития методологии науки и философии в целом. В частном смысле термин парадигма используется нами синонимично терминам теория, картина мира, образ понимания действительности и т. п. Под *концепцией* мы будем понимать внутрипарадигмальный анализ феномена интеллекта, обладающий такой степенью общности, когда различные подходы можно объединить под некоторым общим принципом: методологическим, общефилософским или иным.

Ведущими концепциями на первых этапах развития *метафизической* парадигмы в этот и последующий период были аналитическая и перцептуальная. В рамках *метафизико-аналитической* концепции интеллект функционально редуцировался до выполнения формально-логических операций, однако узко-логическое понимание философии Аристотеля стало основанием разногласий реалистов и номиналистов о природе общих понятий – универсалий. Фома Аквинский уже различает метафизический ум (вся сфера духовных способностей), интеллект – intellectus, т. е. νοῦς (способности умственного познания) и разум (ratio, способность к рассуждению). «Интеллект» делится на практический, когда управляет волей, и спекулятивный, когда познаёт добро (бытие). Среди существенных характеристик интеллекта у Аквината мы выделяем *ограниченность* (поскольку интеллект не покрывает всю сферу духовных способностей; когнитивная ограниченность – наиболее сложные истины постигаются через откровение), *конечность* (существует в связи с божественным разумом), *индивидуальность* (от tabula rasa – «чистая досочка» – через умозаключения к познанию Бога,

духовная индивидуальная способность), *истинность* (интеллект способен давать истинное знание, потому что постигает вещи через их сущности).

В логике *метафизико-перцептуальной* концепции интеллект выступает как орудие чувственного восприятия, инструмент образно-ассоциативной ориентации в мире, что ярко проявилось в антропоцентристском искусстве и науке Эпохи Возрождения, эмпиризме Нового времени. И только в философии Канта была предпринята попытка критического синтеза названных подходов, разработка аппарата трансцендентального анализа интеллекта по формуле: *чувственность* (Sinnlichkeit) – *рассудок* (Verstand) – *разум* (Vernunft), где собственно интеллект был не более чем рассудочным.

В *естественнонаучной* парадигме концептуальность в явном виде отсутствует. Однако метафизические размышления привели к психологизации сознания. Возникло методологическое основание для абсолютизации конкретных психических свойств сознания и метафизического отождествления бытия и сознания. Абсолютизация продолжает играть существенную роль в психофизикалистских и элиминативистских стремлениях редуцировать проблему интеллекта к некоторой конструктивистской задаче, сформировав в последствии когнитивистскую парадигму исследования интеллекта доводя её до конструктивистской.

Диалектическая парадигма исследования интеллекта в системе Гегеля предстаёт онтологически как существование сущности действительности, т. е. как субъективная диалектика, раскрывающая творческую природу интеллекта. Интеллект в философии Гегеля выступает как воплощение Абсолютного Духа в конкретно-практической деятельности. Не отказывая интеллекту в аналитико-синтетической деятельности и чувственном восприятии, Гегель говорит о непрерывном развитии интеллекта, связи его с явлениями мира, рефлексии в процессе познания как познавательной деятельности. Таким образом, в рамках диалектической парадигмы интеллект предстает системой *аналитико-синтетических, перцептуальных, рефлексивных, деятельностьных и развития* концепций. Марксизм добавляет в этот ряд *социальную* концепцию понимания интеллекта. Подчеркивается, что мышление как деятельность есть «процесс духовной деятельности человека, направленной на получение новых результатов» [6, с. 111]. При всех возможных редуционизмах функционалистского, физического, нейрохимического, нейрофизиологического или какого-либо иного свойства, когда происходит изоляция мышления от мозга и нервной деятельности, или, наоборот, сведение сущности мышления к высшей нервной деятельности, красной нитью проводится линия диалектического понимания интеллекта, *критики любой возможной его критериальности*. «Мышление как специфическое свойство материи несводимо к физическим, химическим, биологическим и прочим её свойствам» [там же, с. 116]. Важность социальной концепции отмечается особо: «мыслить может только... человечество» [там же, с. 117].

Диалектическая логика на основе развивающихся естественных наук позволила конструировать синергетическую картину мира. Основное внимание

здесь уделяется влиянию стохастических закономерностей и учёту даже самых незначительных случайных колебаний открытых систем – флуктуаций, которые могут привести к качественным и заранее неизвестным изменениям системы, вплоть до перехода её на новый уровень (точка бифуркации). Интеллект наполняется такими важными представлениями, как *динамический хаос*, *принцип самоорганизации*, *нелинейность* и *стохастичность развития* и др.

В *когнитивистской* парадигме, детища XX века, получили свое дальнейшее расширение и уточнение концепции *развития* и *деятельности*, но столкнувшись с трудностями объяснения каузальных связей составляющих интеллекта была предложена его *интегральная* концепция. В целом, когнитивистская парадигма теоретически подготавливает сведение абстрактной концепции сознания к конкретной концепции интеллекта для конструирования ИИ («искусственного интеллекта»). Таким образом, *конструктивистская* парадигма (представленный здесь тематический анализ выполнялся совместно со студентом БГУИР Орешкевичем А. Н. конкурсантом Республиканского конкурса научных работ) была предназначена для собственно технической реализации ИИ и потому разработчикам ИИ предстояло повторить, хотя бы частично, уже пройденный исторически путь понимания естественного интеллекта (ЕИ).

Предмет конструктивистских исследований – формализация мышления, дискретизация интеллекта и редуцирование общенаучной проблемы интеллекта до поиска некоего универсального критерия, который бы явно указал на непосредственную сущность интеллекта и позволил бы его воссоздать. Изначально интеллект понимался в рамках *конструктивистской аналитической* концепции. Эвристический потенциал ментальных способностей был смело дискретизирован до аналитико-синтетической деятельности. Однако вскоре выяснилось, что аналитическая концепция интеллекта не выдерживает критики – это показали тезис Чёрча-Тьюринга, критерий Гёделя, а также теория NP-законченных областей (С. Кук и Р. Карп), алгоритмическая теория сложности и др. При всём пафосе учёных, заявивших, что ИИ уже создан и мыслит (после создания аналитических систем ИИ), была предложена новая *конструктивистская перцептуальная* концепция, согласно которой чувственное восприятие является существенной характеристикой человека. Не заставившие себя ждать разработки, в том числе перцептрон Розенблатта (1958), позволили системам ИИ сделать первые шаги в «распознавании образов», но стало ясно, что это совсем не тот ИИ, который хотелось бы получить.

Дальнейшие, весьма короткие, усилия разработки искусственного интеллекта связаны с *конструктивистскими концепциями рефлексивности и интерсубъективности*. В первом случае, трудности обнаружились не только в конструировании технологической автономности интеллекта (некоторые программы действительно используют свой код в процессе работы, также определенного прогресса удалось добиться с разработкой «самокодирующихся» языков программирования типа Prolog), но и особенно

сущностной, субстанциональной автономности (у человека такая автономность связана не столько с межполушарной асимметрией головного мозга, сколько с характером социально-значимой деятельности доводящейся до творческого содержания [4]). Во втором случае, разделяя мнение о том, что способность к самоидентификации является тем признаком, который позволяет разграничить понятия животного, человеческого и искусственного интеллектов, всё ещё остаются невыясненными как механизмы осознаваемости своих действий, так и способность в любой произвольно взятый момент отдать себе отчёт о своих внутренних состояниях, способность подвести все свои психические переживания под единое основание сознания, которое в языке обозначается словом «Я».

Оригинальным, и одновременно альтернативным, путём разрешения накопившихся проблем выступила *конструктивистская тестологическая* концепция. Речь не идёт о психодиагностике, однако по аналогии с ней были придуманы тесты искусственного интеллекта, с простой целью выяснения критерия интеллектуальности в системах ИИ. Разработаны конкретные методики выявления «субъектности» вычислительного устройства, в которых феномен атрибуции компьютеру «субъектности» может быть исследован в рамках специальных вопросников и методов регистрации сопутствующих реакций («эмоций» и «вербализации»).

Наиболее известные тесты на наличие искусственного интеллекта – это общеизвестный тест А. Тьюринга («имитирующая игра», 1950) [9], а также тесты Н. Винера-У. Р. Эшби (1961) [2, с. 308-314], А. Лавлейс 2.0 (С. Брингсфорд, П. Белло, Д. Феруччи, 2001) и др. Однако, если существует интеллект как таковой, то его определение, пусть и в виде теста, должно отражать некоторую общую методику «диагностики» интеллекта. Тесты как технологии для диагностики искусственного интеллекта можно рекомендовать для определения тех или иных характеристик естественного интеллекта, т. е. для человека (Таблица 1), хотя тестирование ИИ возможно, если мы, так сказать, знаем, что тестируем. С другой стороны, тестирование само по себе не предназначено для определения интеллекта, оно принадлежит к инструментам сравнения, логически основанных на имеющихся «эталонах».

Таблица 1. Диагностика интеллекта

ТЕСТЫ ИИ	МОДИФИКАЦИЯ ДЛЯ ЕИ
ТЕСТ ТЬЮРИНГА	
Компьютер можно считать разумным, если он способен заставить нас поверить, что мы имеем дело не с машиной, а с человеком.	Человека можно считать разумным, если он способен заставить нас поверить, что мы имеем дело именно с человеком (инвариантно ситуации).
ТЕСТ ВИНЕРА-ЭШБИ	

Все машины, претендующие на разумность, должны обладать способностью преследовать определённые цели и приспособляться, т. е. обучаться.	Все люди, претендующие на разумность, должны обладать способностями целенаправленной деятельности и приспособления, т. е. должны обучаться (развиваться).
ТЕСТ ЛАВЛЕЙС	
I. ИИ изобретает оригинальный потребительский продукт (ОПП).	I. Человек (ЕИ) изобретает оригинальный потребительский продукт.
II. ОПП, выдаваемые ИИ – это не результаты случайного стечения обстоятельств или сбоя машины. ИИ всегда может воспроизвести (повторить) ОПП.	II. ОПП, выдаваемые ЕИ – это не результаты случайного стечения обстоятельств или ошибки ЕИ. ЕИ всегда может воспроизвести (повторить) ОПП.
III. Любое существо обладающее знаниями и возможностями ЕИ не может объяснить, как ИИ выдал ОПП даже в условиях полного представления об ИИ – структуре баз данных, алгоритмов функционирования и т. п.	III. Любое существо обладающее знаниями и возможностями ЕИ не может объяснить, как ЕИ выдал ОПП даже в условиях полного представления о ЕИ – структуре мышления, его функционирования и т. п.

Связь и сама возможность (совместного) тестирования ИИ и ЕИ, взаимообратимость такой диагностики позволяет нам говорить о наличии интеллекта как такового, более того незавершённая работа по тестологическому исследованию интеллекта уже зафиксировала ряд критериев интеллектуальности. Это практическая ментальность, как способность сохранять интеллектуальность в любой ситуации, инвариантно обстоятельствам. Здесь важен, прежде всего, этический аспект. Развитие интеллекта посредством приспособлявания, обучения и целенаправленной деятельности, а также креативность, способность к изобретению оригинального потребительского продукта (ОПП), предельная неформализуемость ментальных характеристик, их иррациональность.

Однако ни названных критериев, ни факта фиксации иррациональной природы человеческого мышления оказалось недостаточно для того, чтобы попытаться создать «конкурентноспособный» ИИ, поэтому дальнейшая экспликация единства рационального и иррационального в сочетании с развитием концепции интерсубъективности связывается в начале XXI века с идеями интенциональности (заложенными еще в работах Ф. Brentano, Э. Гуссерля и др.).

Конструктивистская интенциональная концепция. Именно способность человеческой психики *быть направленной на объект познания*, принимать его во внимание в качестве некоторого идеального смыслового единства признаётся в данной концепции самой существенной характеристикой разума. Человек не просто оперирует с объектами мира, он наделяет их смыслом, он понимает происходящее. Включившись в дискуссию об ИИ, Джон Сёрл

представил свой, ставший широко известным, семиотический тест-аргумент «китайской комнаты» (1980), который сам же и критикует (1992), ибо устанавливает зависимость от деятеля результатов искусственных («искусных») действий, т. е. ИИ без характеристики интенциональности («гомункула-вычислителя») невозможен [8, с. 186-204].

Однако компьютер, также как и человек из китайской комнаты, не имеет внутренней интенциональности, он не понимает, с чем имеет дело и обучен только некоторым синтаксическим навыкам, т. е. определённым операциям со знаками внутри системы, осуществляемым по заданным логическим правилам. Эти знаки для него лишены семантической составляющей, он не понимает, что они значат. В итоге выясняется, что человек не способен на одинокое схватывание смысла вещи. У вещи вообще нет никакого смысла. ИИ способен подняться до уровня человеческого сознания не потому, что он способен на *первичную интенциональность*, на внутреннее понимание, а в силу того, что само человеческое сознание никакой первичной интенциональностью не обладает. Концепт первичной интенциональности, некоего внутреннего схватывания смысла, по сути, является необоснованной предпосылкой как сёрлевской позиции, так и вообще всей новейшей европейской философии сознания.

Речь здесь идёт не о том, что ЕИ не сводим к ИИ и поэтому требуется иное семиотическое толкование, а о феномене «псевдореальности». В результате Сёрл приходит к выводу, что относительность «интенциональной системы отчёта» ведёт к пониманию того, что субъективные феномены автономной психической жизни не существуют вообще, что «нам нужно заново открыть социальный характер сознания» [там же, с. 226]. В поддержку последнего тезиса говорит и отечественная психолого-философская традиция толкующая интенциональность как сильно коррелирующую с направленностью, имеющей и социальное, и целевое качество, а в более узком и близком к этимологии смысле как «направленность на *цель*». К примеру, интенциональный аспект анализа действия (деятельности) – это, по А. Н. Леонтьеву, выяснение цели действия, собственно намерение, целевой замысел действия[7].

Активный анализ интенциональности (см., например, работу Дэниела Деннета [3], предложившего критерий холистичности) повлиял на разработчиков ИИ «поверивших» в то, что моделирование интенциональности есть решение задачи создания ИИ. Признание интенциональности существенным признаком ментальности закономерно приводит к постановке вопроса о критериальном статусе интенциональности.

По интенциональному критерию интеллектуальности было смоделировано поведение человека на основе его мотивационного портрета. Теоретической базой построения системы моделирования *MELOS (Motives EvoLutiOn Simulation)* послужили формализованные представления о мотивационной структуре, как об иерархической организации элементов, каждый из которых отвечает за обработку стимулов того или иного рода. Интенциональность иногда отождествляется и с переживанием смысла вещи,

как неким квантом познания. Если предположить, что переживание – свойство живых объектов, то здесь впору говорить о надвигающейся эре биокомпьютеров и биотехнологий. Переживание как деятельность моделируется роботом-андроидом *ASIMO (Advanced Step in Innovative MObility)* на основе информационно-операционной модели. Демонстрацию и материалы о рабочих версиях Систем ИИ MELOS и ASIMO см. в Интернете.

Между тем проблема определения интеллекта остается сложной, актуальной и необычайно интересной. С каждым шагом мы всё ближе подходим к сущности нашего, человеческого интеллекта, тем самым совершенствуясь и становясь лучше. Человек не замечает, что все попытки воссоздать свой интеллект имеют закономерным результатом усложнение самого интеллекта человека, это как мираж, который постоянно ускользает за горизонтом. По этому поводу Ницше говорил, что по мере приближения к сущности вещей собственно последняя теряет для нас своё первоначальное значение. Зато появляется свет, новый и всё более сильный, которым озаряется внутренняя сущность человека.

Размышления об эволюции истины как превращённой форме единства субъекта и объекта познания

Однако в данном материале ограничимся только результатами эволюционных изменений в понимании данных, интеллекта и связанным с ними расширением перечня критериев истинности, утверждающих благодаря наличию интеллекта, в первую очередь и на современном этапе, соотносительную критериальность:

1) интеллект «первопричинный» (онтологический, сущностный, космический, Нус, Ум...);

2) интеллект этический (онтологический, «диалогический», социальный, надличностный, Разум...);

3) интеллект абсолютный (онтологический, сверхчеловеческий, божественный, Разум...);

4) интеллект интуитивный (гносеологический, врожденная или априорная способность (Декарт, Кант)...);

5) интеллект рациональный (методологический, «измеряемый», эвристика как метод...);

6) интеллект «естественный» (технологический, конструируемый, «интеллектуальное» развитие (Штерн, Пиаже, Гальперин)...);

7) интеллект «искусственный» (технологический, конструируемый, «интеллектуальное» развитие (Тьюринг, Винер, Лавлейс)...).

Онтологические трактовки интеллекта Античности и Средневековья (1-3) и «протоданность» действительности сводят критериальность к тождественности мышления и действительности: от синкретической тождественности (синкретического симбиоза) древних до абсолютной тождественности (абсолютного синтеза) у Гегеля. Разнообразие критериальных трактовок: от данности (прометеевский огонь, божественное откровение) до

различных форм ценностных императивов, идеализаций, спекуляций, случайных совпадений (с Благом, Единым, Абсолютом и т. п.), причем этический интеллект предоставляет свободу выбора и персональную ответственность за него (согласовываемая индукция Сократа), а то и возможность эпизодически избегать персональную ответственность (согласовываемая индукция утилитаризма, конвенциональности масс и др.).

Гносеологическая трактовка интеллекта (4) и «индуктивная данность» действительности в виде «факта» (с гегелевским отношением к нему – «тем хуже для фактов»), исторически обременённая ответственностью, находится в поиске «общественного договора» и окончательно выбирает приоритет согласительного принципа критериальности (когерентность, прагматичность эффективности личностных установок, интересубъективная конвенциональность элит и т. п.). Причем, само интуитивное познание есть снятый в бессознательном социальный(ое) опыт (знание).

Методологическая трактовка интеллекта (5) и «конструктивистская данность» действительности (её субъективация и теоретизация) уже предполагает наличие, как метода получения истины, так и должной познавательной активности, т. е. способности этим методом воспользоваться («интеллектуальный» – это умный, умелый, как и Homo sapiens – Человек умелый; что человек не разумный – знал уже Кант). Причём, обнаруживаемые при проявлении познавательной активности противоречия можно мыслить (Гегель): исторически и практически для Абсолюта, логически (исторически) и эмпирически (практически) для Человека. Хотя активный (творческий) труд – по Марксу – это «дьявольски серьёзное напряжение», которое никогда не превратится в игру.

Технологическая трактовка интеллекта преследует всё тот же согласительный принцип, ибо две последних формы (6 и 7), будучи формально неразличимыми, создают симбиоз или синтез (разрешить этот вопрос в пользу одного или другого должно человечество самостоятельно, причём не важно будет ли искусственный интеллект имитировать естественный или его эволюция пойдёт другим путём). По поводу качества данных на этом этапе можно сказать, что открывается путь для социальной инженерии, а человек, так или иначе, становится предметом гуманитарно-технологических манипуляций...

Размышляя об истине как превращённой форме единства субъекта и объекта познания, где снимается субъективность (синхронизируется, гармонизируется реакция субъекта на действительность) и объективность (снимается заданность, предопределённость, детерминизм действительности), необходимо сказать о формах и способах закрепления в культуре (мышления и человеческого бытия) происходящих при этом изменений (новообразований).

Одно из направлений такого «превращения», движения (в первую очередь детализации действительности) предлагает марксизм – цель не в определении существования, а в определении сущности и если «вещь в себе» не постигается (по Канту) онтологически, то гносеологически «может быть» замещена

категорией – символом, знаком, особым предельным понятием, и если движение понятий суть субъективной диалектики, то движение категорий само по себе бессмысленно и требует, как полагали Кант (от Вольфа) и Гегель построения системы категорий, где каждая категория как бы удерживает другую категорию от «произвольности», от всякого движения. Как я понимаю, именно это и есть идеализм – абсолютно-субъективный (абсолютного субъекта), а категориальная сетка (Гегель) предшествует пониманию действительности изначально, отображает объективные условия жизни субъекта понимания (историческую эпоху, социокультурные связи, экономические отношения и т. п.). Для мышления же человеческого нет другого способа постижения действительности, как только практического, деятельностного и от абстрактного (пустого) к конкретному (полному) пониманию сущности бытия. Систематизация поэтому не смысл, не цель познания, а всего лишь вспомогательное средство, метод познания, поэтому если понятия движутся в процессе познания к своим противоположностям, то категории движутся либо к самим себе, либо к другим категориям. Первые тотальны по объёму, но пусты по содержанию (например, бытие), вторые всегда фиксируют скачок, требующий перестройки существующей системы категорий (например, информация). Система категорий как таковая принципиально невозможна, т. е. приходится соглашаться с Марксом и в практике искать и находить критериальность истины.

Категория, будучи сущностным атрибутом мышления действительности, тесно сопряжена с проблемой истинности, соотносимости мышления и действительности. В классическом (аристотелевском) определении истины – это указывается буквально, так у Фомы Аквинского (из «Суммы теологии»), «работающего» с понятием «интеллект» это выглядит следующим образом: истина есть *conformitasseuadequatiointentionalisintellectuscumre* (интенциональное согласие интеллекта с реальной вещью или соответствие ей).

Формально возможны только три предельные формы отношений мышления и действительности: тождественности, той или иной соотносимости и дуалистической их автономности. Соотносимость в свою очередь попадает в зависимость от толкования миропорядка: идеалистического – первичность мышления, материалистического – первичность самой действительности. Автономность же и мышления от действительности, и действительности от мышления неизбежно ведёт к агностицизму, т. е. снимает вопрос о критериальности познавательной деятельности. Возможная классификация истинностных критериев сводится, поэтому к трём основным классам: наличного опыта – в позициях соотносимости; логической непротиворечивости; спекулятивной абсолютизации (сверхестественного откровения) – в позиции тождественности. Полезно вспомнить здесь Канта, который в связи с отсутствием общечеловеческой телеологии (которую всеми силами пытался устранить) пришёл к выводу, что «достаточный и... всеобщий признак истины не может быть дан» [1, с. 117].

Внутри выделенных классов и «межклассовом пространстве» в результате детализации действительности с учетом марксистской позиции и по мере «расшифровывания» содержания процесса мышления можно обнаружить частные (ограниченные) виды (подвиды – в перспективе) критериальных предпосылок движения к истине.

* * *

Рефлексия интериоризации ряда эволюционных процессов онтогносеологического постижения действительности как поиск методологического единства данных, интеллекта и постигаемости действительности посредством информации позволяет (только в качестве предварительной, рабочей версии) систематизировать, схематизировать, свести в таблицу полученные здесь аналитические конструкторы (Таблица 2), видимо имеющих методическую полезность (с понятными для использования оговорками).

Заявленная полиэволюционность могла бы рассматриваться как проявление ещё не иерархизированных форм взаимодействия заданных процессов, элементов, структур – сетевых, узловых и потому уже взаимосвязанных. Множество возможных линий анализа и их пересечение, образование узлов как меток структуры и локализованных центров последней – вот условие полиэволюционного исследования. Методология такого исследования ещё не разработана, будучи трансдисциплинарной она лежит на стыке широкого спектра математического анализа, герменевтических поисков антропности и социальности, мировоззренческого конструирования современности.

Таблица 2. Полиэволюционная картина постигаемости действительности

Типы внутринаучной рефлексии	Типология данных	Типология интеллекта	Концепции истины <i>Стратегия оценки</i>
Донаучный	–	«первопричинный», этический	Релятивистская (софисты), классическая-корреспондентская (Аристотель)...
Онтологизм	IdData		<i>Здравомыслие, отождествление мышления и действительности...</i>
Гносеологизм	Data-анализ	абсолютный, интуитивный	Консервативная (Платон, Августин), теологическая, скептическая-субъективистская (Юм, Беркли)... <i>Откровение, непосредственность, безусловность, абсолютность...</i>
		рациональный	Когерентная (Кант), позитивистская (Конт), естественнонаучная... <i>Непротиворечивость, объективность, императивность, верифицируемость, каузальность...</i>
Методологизм	Data-конструкт	«естественный», «искусственный»	Прагматическая (Пирс), конвенциональная (Пуанкаре),

?	Data- синтез, BigData		экзистенциальная (Хайдеггер), герменевтическая (Гадамер), спекулятивно-диалектическая (Гегель), диалектическая (Маркс)... <i>Относительность, критериальность, эффективность, антропность, конкретность, процессуальность, понятность...</i>
---	-----------------------------	--	---

Собственно на рефлексивной природе истины мы настаиваем не только по причине избранного здесь метода анализа внутринаучной рефлексии и вытекающих (и уже полученных) следствий, но и потому, что истина не лежит посередине между двумя крайностями. В гегелевском триадическом смысле поиск истины это всегда ортогональное движение по отношению к наличной противоположности бытия и это движение прямо не следует из наличия выявленной противоположности.

Рационализация иррационального в познании это не просто расширение ресурсного поля «естественного» (человеческого) интеллекта в конкуренции с интеллектом «искусственным» – «машинным» (на иррациональном поле человеку равных нет), это снятие рационализованного иррационального, снятие «человеческого фактора» в творческом акте мышления (рефлексия и есть это снятие). Собственно образованному человеку (образовавшемуся в человека) потребуются наличие навыка рефлексивного контроля или контроля рефлексии (т. е. рефлексия рефлексии), что и должно пониматься как суть диалектического мышления, как смысл поиска истинного бытия как такового.

Список использованной литературы:

1. Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 3. Буржуазная философия конца XVIII в. – первых двух третей XIX в. / Ред. коллегия: Н. С. Нарский и др. – М.: Мысль, 1971. – 760 с.
2. Винер Н. Кибернетика. – М.: Наука, 1983. – 341 с.
3. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
4. Ермолович Д. В. Организационные и субстанциональные проблемы рефлексии // Адукацыя і выхаванне. – 1999. – № 3-4. – С. 40-44.
5. Ермолович Д. В. Человек как объект междисциплинарного познания // Вести ИСЗ. – 2019. – № 2. – С. 107-113.
6. Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. – М.: Наука, 1973. – 324 с.
7. Мещеряков Б. Г. Интенция // Большой психологический словарь. – М.: ОЛМА-пресс, 2004. – С. 246.
8. Сёрл Д. Открывая сознание заново. – М.: Идея-пресс, 2002. – 256 с.
9. Тьюринг А. Могут ли машины мыслить? – М.: ГИФМЛ, 1960. – 22 с.
10. Черняк Л. Серьёзно о технологиях для Больших Данных // Открытые системы. СУБД. – М.: Открытые системы, 2014. – № 1. – С. 12-15. – URL: <https://www.osp.ru/os/2014/01/13039646>.

11. Эко У. Наука, технология и магия // Экология и жизнь. – 2008. – № 4 (77). – С. 4-9. – URL: <http://www.ecolife.ru>.
12. Юдин Б. Г. Методологический анализ как направление изучения науки. – М.: Наука, 1986. – 262 с.

Глава 11.

ИСТИНА И ЕЕ МЕНТАЛЬНЫЕ ИМИТАЦИИ

*Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального
технического университета; г. Минск*

Лойко Александр Иванович

Гносеология содержит теорию истины. Категориальный аппарат этой теории вводит эталон объективности и достоверности информации и знаний, основанный на критериях ясности, непротиворечивости, доказательности, точности, обоснованности. Альтернативу истине формируют ложь и заблуждение. Разработаны критерии верификации информации и знаний.

Обстоятельный анализ процессов познания осуществлен представителями марксизма (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин), а также представителями позитивизма и аналитической философии. Человечеству оставалось только пользоваться модификациями теории истины. Но социальная и политическая практика показала, что истина часто сопряжена с ее имитациями [25]. Эти имитации продуцируются корреспондентами на рынке информационных услуг. Их деятельность мотивируется ожиданиями потребителя, свойственными ему стереотипами, шаблонами. Еще одним источником имитации истины стала реклама, брендинг товаров и социального статуса, наджинг.

По мнению Ж. Бодрийера современная культура является пространством симулякров и симуляций [1]. Реальность заменили символы и знаки. Человеческий опыт стал базироваться на симуляциях реальности. Симулякры конструируют воспринимаемую людьми реальность. Они являются копиями, у которых нет оригинала, или с оригиналом ими была утрачена связь. Симулякры имитируют истину в образах общества массового потребления. На практике гарантия качества не всегда соблюдается, поскольку формирующие бренд характеристики надежности всегда ассоциировались с высокоразвитыми странами – изготовителями этих товаров. Аутсорсинг совершил подмену этого определения. Товарный знак остался тем же самым, но качество его оказалось в зоне рисков, обусловленных иным качеством рабочей силы из экономик переходного типа, в пространстве которых находятся производства транснациональных корпораций.

В маркетинге и менеджменте стала учитываться имитация истины, обусловленная феноменом поведенческой экономики [27]. Психологи установили, что покупки и принятие решений совершаются часто не под влиянием рациональных доводов, а ментальных особенностей, свойственных обществу традиционного типа, праздному классу (Т. Веблен), обществу массового потребления. Появилась социальная инженерия нейромаркетинга, которая ради обеспечения конкретных задач роста продаж учитывает разные

факторы, способствующие росту потребительского спроса. Подобная тенденция имитации истины получила реализацию и в масс-медиа.

Журналистская деятельность в начале XXI столетия сопряжена с феноменом информационного пространства, в пределах которого действуют механизмы различных философских традиций. Под их влиянием получили распространение различные интерпретации сетевого плюрализма.

Значение информационного сегмента в институциональной деятельности общества постоянно растет. Это обусловлено тем, что технологии визуализации формируют восприятие идентичности и формирующих ее ценностей под влиянием различных идеологических комбинаций. Они создают суммарный эффект критической неудовлетворенности и подозрительности к устоявшимся институциональным традициям. Вследствие этого информационные технологии разрушают структуры восприятия, выполняющие функцию базисного основания, формирующего устойчивую систему жизненного опыта, преемственности поколений [27, с. 140].

Отдельные проявления этого мировосприятия в вопросах исторического прошлого, в частности, событий, связанных с Великой Отечественной войной, свидетельствуют о том, насколько кризисное сознание агрессивное в оценках, как оно легко жертвует историей ради популизма и собственного позиционирования. С оппонентами, аргументирующими свое поведение в виртуальном пространстве маркером свободы трудно строить диалог, поскольку они знают, что все остальные понятия указывают на институциональную ответственность. При этом они не признают тот факт, что свобода подразумевает ответственность. Она обусловлена тем, что любая инициатива сопряжена с воздействием на мировосприятие других людей и неформальным распределением социальных ролей.

Техногенный образ жизни вытесняет из структур идентичности традиционную составляющую нравственного образа жизни, особенно на уровне повседневности. Возникает угроза нигилизма, социального анархизма. Она сигнализирует об ослаблении механизмов национальной идентичности. Недостаток конструктивных ресурсов у населения в этих условиях компенсируется ростом замкнутости, неприятия других субъектов социальной деятельности. На эти особенности слабеющей национальной идентичности на уровне массового сознания накладываются механизмы миграции, которые детерминируют мультикультурный национализм. На его основе формируется инфраструктура радикальных организаций, которая трансформирует коммуникативное пространство и делает его конфликтным.

При рассмотрении соотношения модернизации и идентичности важно учитывать то, что модернизация часто ассоциируется с технологиями, дестабилизирующими национальную идентичность. Посредством идеологической компоненты модернизации в пространство национальной идентичности внедряются образцы социального поведения, духовной культуры, вытесняющие аутентичные ценности. Под предлогом демократизации подрывается политическая стабильность государств[3]. Страны погружаются в

состояние динамического хаоса, в границах которого действует стратегия аннигиляции протестных настроений их внутренним противостоянием. В таких условиях всегда существует угроза внешнего вмешательства с целью реализации геополитических интересов заинтересованных сторон. Идентичность может на этом основании дистанцироваться от модернизации.

Но если идентичность будет пребывать в не модернизирующемся социальном пространстве, то выиграет ли она от этого? Мы полагаем, что нет, поскольку внутренние диспропорции между демографическим ростом, занятостью, социальными программами, финансовой стабильностью будут создавать противоречия, которые естественным путем могут разрешаться посредством миграции, роста социальной напряженности. В том и другом случае слабее становится консолидирующая функция идентичности, межэтнической, межрелигиозной коммуникации. Могут возникать конфликты между племенами, религиозными общинами. В ситуации внутренних конфликтов оказались и многие нации.

Процессы урбанизации доминируют по темпам над процессами национальной консолидации. Социальная атмосфера мегаполисов создала пространство монад, оторванное от ценностей коэволюции с аутентичной средой. Но именно в этой среде коренится национальная идентичность, общественное сознание, сохраняющее связь со здравым смыслом.

Журналисту в подобной ситуации необходима методология четкой идентификации информации по критериям, указывающим на источник информации, а не на социальный заказ. Эта особенность наглядно проявилась в период президентских выборов в США. Медийные компании были настроены на победу конкретного кандидата. В результате оторванности журналистов от эмпирической реальности был создан эффект неожиданной победы на выборах кандидата, в поражение которого было вложено столько сил. Этот пример показывает, что жертвами имитации истины являются не только потребители информации, но и ее конструкторы.

В результате комплексный характер приобрели вопросы национальной безопасности [4]. В информационное пространство переместились многие действия, свойственные военным операциям. Это дало основание говорить о сетевых войнах [9]. Речь идет о том, что социальные сети делают доступным воздействие на индивидуальное сознание, молодежной аудитории, находящееся под влиянием различных субкультур и контркультур технократического типа. В жертву глобальному пространству мировой паутины приносится нередко духовно-нравственная идентичность национальной культуры, на которой базируются ценностные структуры патриотизма.

Духовно-нравственная идентичность народа формируется исторически и имеет определенную историческую точку генезиса. В условиях сталинских репрессий советский кинематограф культивировал приоритеты, акцентированные на успехах в строительстве социализма, здоровом образе жизни, мужестве советских солдат и офицеров. Несмотря на неудачи в начальной стадии Великой Отечественной войны, это обстоятельство сыграло

важную роль, когда политическая элита оказалась не готовой к отражению вторжения немецко-фашистских оккупантов.

Одним из первых формирующийся потенциал героизма советского народа наблюдал К. Симонов во время тяжелых сражений на московском направлении. Москва стала тем рубежом, дальше которого оккупантам пройти не удалось. Это была великая победа в условиях непрерывных поражений и неудач. В этих условиях важную роль играла культура, в частности, кинематограф. Режиссерам удалось воспроизвести на экране образы рядовых солдат и матросов, танкистов, летчиков со свойственным им миром чувств, переживаний. Достаточно вспомнить образ солдата, созданный К. Паустовским. Л. Утесов, М. Бернес придали этому образу музыкальную направленность интереса к жизни и победе.

В послевоенной отечественной литературе и кинематографе тема Великой Отечественной войны оставалась одной из центральных и плодотворных. Существовала четкая демаркация между справедливостью и несправедливостью, мужеством и предательством, ответственностью и безответственностью.

Глобализация информационного пространства ускорила его дифференциацию в форме глокализации [31]. Актуализировалась инфраструктура партикулярных структур, которая питается процессами глобализации. Трансформация процессов глобализации в процессы глокализации происходит на уровне конфликтов внутри политических элит. Противостоят сторонники либеральных и изоляционистских стратегий деятельности. Наглядным примером являются процессы в США после президентских выборов и процессы в Соединенном Королевстве после референдума о выходе страны из Европейского Союза.

В этих условиях журналистика оказывается в непростой ситуации выбора между профессиональными критериями предоставления потребителю достоверной информации и критериями, формируемыми ментальными ожиданиями национальной аудитории. В первом случае журналист работает с источниками информации, гарантирующими ее достоверность. Во втором – журналист конструирует информацию под ожидания аудитории, жертвуя часто критериями ее достоверности [2].

Конструктивистские практики в области журналистики создали целое направление исследований в области институциональной философии [12]. Достоверность оказывается не столь актуальной для социальных общностей на фоне формирующихся их мировосприятие самооценок. Эта ситуация сопряжена с синергией экономических и информационных процессов [18]. Журналистика интегрируется в методологию конвергентных наук. В рамках этой методологии формируются модели синтеза инновационных стратегий развития современного общества. СМИ могут внести значительный вклад в актуализацию проблемы достоверности информации с учетом ментальных особенностей аудитории.

Этот акцент указывает на растущее значение когнитивной психологии в информационных процессах [14]. Имеет место усиление не только конструкторской составляющей, но и техноаксиологической, связанной с ценностной проблематикой. Формируется пространство тематики, в пределах которой растет роль экспертизы и общественного мнения, а также механизмов обратной связи в информационном пространстве с учетом возрастных и гендерных особенностей потребителей информации.

Рассматриваются познавательные процессы, характерные для повседневного образа жизни человека, в рамках которого он реализует долгосрочные и краткосрочные сценарии индивидуальной жизни. Осуществляется выход на уровень логики понятий, эмоционального мышления. В решении актуальных задач усиливается роль научного сопровождения в виде междисциплинарной основы. Ее обеспечивают когнитивная психология, когнитивная лингвистика, нейронауки, логика. Одним из элементов сетевого диалога стал нейромаркетинг.

В свете возросших возможностей получения информации, СМИ стали сетевыми. Дигитальный статус дал преимущества, связанные с оперативностью получения и обновления информации, доступом к приложениям. Издания активно пользуются экономическим ресурсом рекламы. Информационные сайты газет доступны широкому кругу читателей.

В формирование проблематики когнитивных наук большой вклад внес белорусский ученый-лингвист В.В. Мартынов [22]. Его интересовала связь между интегрируемыми в пространство культуры техническими феноменами и их эффективным использованием в процессах деятельности. Интеллектуальные системы предполагают функционирование в режиме обратной связи на основе постоянного контакта с информацией и алгоритмами принятия решений, формирующими спектр устойчивой деятельности технической инфраструктуры и коммуникаций.

Основным методом построения когнитивных систем была избрана дедукция и ее аксиоматическая модификация. Акцент был сделан на дедуктивную семиотику и топологическую лингвистику. Информация наделялась семиотической основой в виде универсального семиотического кода, позволявшего машине генерировать новые знания и вести диалог с пользователем. При этом формировались устойчивые структуры принятия решений (алгоритмы) в системе универсального семантического кода.

Эффективность алгоритмов обеспечивала логика принятия решений в системе универсального семантического кода. Логический анализ включал семантическую классификацию номинативных единиц. В итоге создана теория исчисления смысла. Теория предписывает классифицировать глаголы «акции», чтобы передать изменения, эволюцию. За основу берется трехчленная структура – субъект, акция, объект.

М. Мински, Ч. Филлмор, И. Гоффман наполнили эту теорию концептами фрейма, сценария, фрейма-сценария. Когнитивная лингвистика начала работать с ментальными схемами в режиме структуризации (категоризации) опыта. В

результате были выделены инвариантные структуры знаний и ожиданий, а также долгосрочных перспектив восприятия информации. Одни из них статичны, другие – динамичны. Практически сразу была обнаружена культурологическая маркированность динамических когнитивных структур [23]. Выяснилось, что люди не всегда ведут себя рационально, это значит адекватно изменившейся ситуации. Это обусловлено тем, что ментальность включает четко не сформировавшиеся манеры мыслить [4].

С тематикой когнитивных исследований связаны работы В.С. Степина, в которых рассматриваются аспекты категоризации базовых смыслов культуры. Как пишет А. Запесоцкий: «Вячеслав Семенович обращает наше внимание на то, что условием хранения и трансляции социального опыта является его фиксация в знаковой форме, функционирование составляющих его элементов в качестве семиотических систем» [5, с.17].

Особую роль в системе знаковых структур играют концепты, называемые универсалиями культуры. Они гармонизируют в индивидуальном сознании «1) уровень общечеловеческий, всеобщий; 2) затем – особенный, выражающий специфику той или иной исторической эпохи; 3) конкретизирующий эти исторические особенности уровень смыслов, соответствующих индивидуальному опыту человека и опыту той социальной группы, в которую он включен» [29, с.25].

Психология журналистики, оставшаяся в международном информационном пространстве без этических норм профессиональной деятельности, судя по доминированию фейк-новостей, оказалась перед проблемой выбора между выполнением краткосрочного политического заказа и долгосрочными последствиями, создающими риски подрыва доверия к информации мировых агентств. Внимательное отношение к категориям честности, ответственности мотивировано в современном информационном пространстве ролью техногенных факторов в формировании новых условий социальной среды. В социальных процессах были обнаружены факторы ускоренного износа психики, слабые места в ее функционировании под влиянием внешнего давления.

На это обратил внимание З. Фрейд. Практические наблюдения за солдатами и офицерами, получившими в результате внешнего воздействия ранения в области головы, дали ему материал для реконструкции психики человека в более широком контексте проблем, формирующих ее адаптационные ресурсы, способы реагирования на внешнюю среду. В результате им была создана концептуальная модель психических процессов, на основе которой он обосновал практическую область психоаналитической терапии сознания человека с целью повышения его износостойкости. Особый акцент был сделан на наличие в психике человека различных деформаций, обусловленных факторами социализации, общения с родителями, с внешней средой.

К. Юнг дополнил модель индивидуальной психики, созданной З. Фрейдом. Он показал, что ускоренный износ индивидуальной психики

нейтрализуется элементами коллективной психики. Эти элементы базируются на архетипах. Но, как выяснилось, и эти элементы могут терять историческую износоустойчивость под влиянием факторов научно-технического прогресса, ускоряющихся социальных перемен, создающих исторические разрывы в линейной динамике цивилизационных процессов.

В результате индивидуальная психика может рассчитывать только на институциональные ресурсы самоорганизации общества в виде права и этики. Но они также ограничены в возможностях минимизации проявлений дефектов индивидуальной психики. На это обратили внимание социологи, в частности, Э. Дюркгейм. Нормы общества, сдерживающие проявление дефектов индивидуальной психики, теряют свою роль в условиях нигилизма, проявляющегося в быстрой смене норм, разрушении единства культуры.

Междисциплинарная область на границе юридических, психологических и социологических наук пытается выработать методологию минимизации аномии. Проблематика усталости и износа переместилась в область футурологии повседневности. Стали проявляться факторы давления на образ жизни, повседневный ритм времени. А. Тоффлер исследовал эту проблематику [28, с.36]. Он обнаружил феномен новой темпоральности, обозначил его как трансенцию и разработал интегральную теорию трансенции. Она связала теорию социальных перемен и психологическую теорию человека.

Предметом исследования социальной психологии стали партикулярные структуры [19]. На основе методологии партикулярных структур более конкретно исследуется влияние интенсивности социальных и политических трений на формирование механизмов усталости индивидуального и общественного сознания. К ключевым факторам внешнего давления на психологию партикулярных структур и индивидуальную психику следует отнести информационные потоки, которые создают в режиме обратной связи феномен размывания границ между нормой и патологией.

Особенно активно из влияния культурных традиций выводится индивидуальная психика европейцев, склонная к индивидуализму. На фоне индивидуализма и разобщенности европейцев в силу вступили механизмы мультикультурной самоорганизации (повышения износоустойчивости) общин мигрантов, базирующихся на культурной ментальности азиатской религиозной, племенной, кастовой общины. В таких условиях коллективизм дает преимущества мигрантам, поскольку повышает их износоустойчивость в сложных для них социальных условиях.

Применительно к характеристикам участников глобализации, независимо от их региональных особенностей, следует признать очевидную ограниченность у них диапазона толерантности. А это означает наличие высоких рисков общественно агрессивного поведения. Ограниченные ресурсы мобильности участников социальных процессов сказываются и на уровне коллективной психологии.

Проблемой ускоренного износа индивидуальной психики стал стресс [10]. В социологии сделано немало для конвергенции экономической и

психологической проблематик в теорию человеческих отношений и человеческих потребностей. Но факторы, формирующие стрессовые ситуации продолжают действовать. Это обстоятельство показывает, что существует потребность в дальнейшей работе по поиску конкретных решений в области человеческих отношений. К этим исследованиям побуждают не только физические изменения, но и темпоральные, обусловленные изменениями в динамике социальных процессов. Основной единицей осмысления становится когниция, в которой зафиксированы особенности менталитета, мировосприятия [14].

На фоне парадигмы ограниченной рациональности, выработанной с учетом данных когнитивных наук, в вопросах регулирования практик имитации истины растет роль нормативных институциональных аспектов регулятивной деятельности, в первую очередь, этики программной инженерии. Она является важнейшей тематической проблемой в исследованиях социального аспекта функционирования интернет-пространства. Этика программной инженерии акцентирована на правилах профессиональной деятельности в широком диапазоне коммуникативных практик и оказания информационных услуг. Ее стали включать в перечень учебных дисциплин учреждений образования. Разработан Кодекс этики и профессиональной деятельности в области программной инженерии. Он рекомендован ACM/IEEE-CS Joint Task Force on Software Engineering Ethics and Professional Practices и совместно одобрен ACM и IEEE-CS. Кодекс имеет статус стандарта обучения и работы в области программной инженерии.

На кафедре философских учений Белорусского национального технического университета в научных исследованиях и учебном процессе традиционно уделялось внимание нравственной тематике. В данном контексте этика интернета стала важным элементом научной рефлексии с целью преподавания ее в виде отдельных тем студентам и магистрантам технических специальностей. Предметом анализа стала этика программной инженерии, в частности, Кодекс этики и профессиональной деятельности в области программной инженерии. На начальном этапе акцентировалась роль этики в условиях становления профессиональной деятельности и повышения ее социального статуса. Имиджевые характеристики способствовали признанию значимости анализа, разработки спецификаций, проектирования, реализации и тестирования как элементов профессиональной деятельности.

Особая роль отводится интегрированности профессиональной деятельности программной инженерии в интересы общества, клиента и работодателя. Исследуются аспекты информационной безопасности, конфиденциальности, личной ответственности. Важная роль отводится качеству продукта, от которого зависит доверие клиентов и работодателей. Изучаются критерии адекватной самооценки профессиональной деятельности. Особая тема представлена в соблюдении этических подходов к управлению разработкой и поддержкой программного обеспечения. Этика предписывает командный стиль работы, из которого вытекает моральное предписание быть

справедливым и отзывчивым к коллегам и специалистам смежных областей деятельности [21].

К 2009 г. кафедрой философских учений БНТУ была определена тематика этики интернета, которая в системном виде была изложена в учебно-методическом пособии В.И. Канарской [8]. Студентам для изучения предложены особенности и задачи этики интернета, ее теоретические основания, проблемы плюрализма ценностей и нравственного порядка в сети. На обсуждение представлен вопрос «Что есть благо в этике интернета?». Рассмотрены ценности информации, свободы, безопасности, человеческого достоинства, нравственной добродетели, «золотого правила нравственности».

Особую группу вопросов этики интернета формирует аспект профессиональной коммуникации. Сила одних участников коммуникации в области профессиональных навыков и психологических качеств может тестироваться слабостью других коллег в вопросах профессии и психологических качеств.

Поэтому предметом рассмотрения этики интернета являются концепты личности и информационных технологий, компьютерной грамотности и компьютерной культуры. Анализируются сущность и структура информационно-коммуникативной культуры человека. Личностные компоненты профессиональной деятельности сформировали содержание основных черт компьютерной коммуникации и понятие рисков, проистекающих от возможности манипулирования посредством смс-сообщений [7].

Модернизация систем деятельности обусловила необходимость рассмотрения этики интернета в широком контексте системного подхода к деятельности [15]. Были определены методологическое и мировоззренческое направления интерпретации этики интернета. Методологическое направление акцентировано на особенностях профессиональной деятельности не только программиста, но и инженера, например, в рамках проектной деятельности [21], а также эволюции дискурса современной инженерии [11]. Подобный критерий применен к журналистике в рамках когнитивистики, анализа понятий достоверности, фейк-технологий [17].

Благодаря концепту ментальных структур узконаправленные аспекты профессиональной этики интернета оказались интегрированными в социальное пространство интернета. В этом пространстве необходимо учитывать не только ментальные структуры, но и идентичность [6].

За разработчиками программного обеспечения закреплена моральная обязанность соблюдать конфиденциальность, поскольку в противном случае пользователи, пострадавшие от несоблюдения этой нормы, могут искать альтернативу [13]. Выбор есть. Его создают, например, YouTube и Web 2.0. В данном контексте специалистов в области этики интересуют вопросы, касающиеся тематики диалога и характерной для него обратной связи. Сетевые сообщества надеются на то, что предоставляемое им пространство диалога гарантирует конфиденциальность. Речь идет о выставяемой личной

информации, фотографиях, содержании обсуждаемых новостей. Это тем более актуально на фоне получивших актуализацию информационных войн и скандалов, связанных с предоставлением доступа специальным службам США к конфиденциальной информации пользователей.

Социальный заказ стал одним из ключевых элементов формирования спроса на имитацию истины, поскольку в нем существует зазор между изначальными возможностями финансирования проектов и ожиданий заказчика и реальным ходом практической работы. Когда архитектор, дизайнер, инженер, журналист приступают к выполнению социального заказа, они должны учитывать ценности, потребности современной цивилизации и заказчика. Философией реконструированы особенности взаимодействия социальных структур с окружающей средой, формирования архитектурных стилей, строительных практик, производственной, духовной деятельности человечества с учетом национальных особенностей.

Выработанная разными культурами стилистика архитектуры, дизайна, инженерной деятельности сохраняет актуальность благодаря институтам религии, традиционного образа жизни. На уровне концептуальной рефлексии эта особенность исследуется философской компаративистикой. Сравниваются особенности культур Запада и Востока, а также взаимовлияние их друг на друга в условиях глобализации. В этих целях используется методологический потенциал философских школ, помогающих понять особенности менталитета, истории, феноменологии различных регионов. На концептуальном уровне эти подходы выработаны в герменевтике, психоанализе, постмодернизме, структурализме, феноменологии, экзистенциализме.

Герменевтика позволяет ученому максимально приблизиться к оригинальному видению собственной истории и истории других народов, акцентируя особенности исторического времени. Когда мы знаем, как и о чем думали люди в средние века, то мы можем более полно представлять ресурс средневековой культуры в области туризма и исторической реконструкции. С позиций этого понимания важно не только строить новые объекты, но и эффективно использовать уже созданные предшествующими поколениями объекты культуры, в том числе находящиеся в эксплуатации технические системы и устройства. Их можно модернизировать, сохранив их исторический облик.

Психоанализ дает возможность при проектировании и конструировании учесть факторы создания конструктивной социальной, рабочей среды, эргономики. Психологические состояния являются постоянным спутником архитектора, дизайнера, технического специалиста, инженера. Особенно значимы они в экстремальных пограничных ситуациях техногенного характера, связанных с нештатными ситуациями, катастрофами, угрозой жизни и безопасности людей. Это предмет изучения экзистенциализма. Людям свойственно феноменологическое восприятие окружающей их социальной среды, в формировании которой важную роль играют архитектура и дизайн.

Рациональная (логическая) компонента социального заказа связана с прагматизмом, аналитической традицией, структуриализмом, технологическим детерминизмом. Прагматизм на уровне философии был обоснован специалистами США (Ч. Пирс). В нем анализируются практическая польза, экономическая выгода, вера в успех. Аналитическая традиция также была сформирована в США. В ней акцент делается на минимизацию рисков любой социальной деятельности за счет анализа, верификации, бизнес-планирования, постоянного мониторинга процессов. Это особый стиль мышления. Он предполагает строгую технологическую дисциплину и отчетность.

Структуриализм акцентирован на выявлении устойчивых оснований любой динамической совокупности процессов, связей между дизайном, конструкторской простотой и максимальной функциональностью. Природа демонстрирует уникальные примеры эволюционной оптимизации и адаптации живых систем в условиях конкурентной среды к постоянно меняющимся условиям их жизнедеятельности. Адаптация живых систем выработала оригинальные формы дизайн-бионики.

Технологический детерминизм мотивирует инженеров к модернизации и постоянному расширению артефактной среды техногенной цивилизации. Техника используется во всех формах деятельности человечества. Растут требования к соблюдению технологической дисциплины, повышению надежности и безопасности технических комплексов, инженерных коммуникаций.

Современные архитекторы, дизайнеры, инженеры являются конструкторами социального пространства. Они имеют дело с его метрикой, топонимикой, трехмерностью (объемностью). Творческие решения, согласованные с потребностями заказчика и его финансовыми возможностями переходят в категорию урбанизированной среды, в пределах которой люди проводят основную часть рабочего и свободного времени. Архитекторы и строители создают в городской среде атмосферу текстов и диалога со стилистикой различных исторических эпох. Они формируют психологию конструктивного восприятия города, ландшафта.

Историческое время интегрировано в пространство городов через реконструкцию архитектурных памятников. Дорожное строительство создает единое инженерное пространство городов и транспортных коммуникаций. Системность инженерных решений экономит время пользователей, способствует мобильности населения на рынке труда, придает уникальным природным комплексам туристическую привлекательность.

Архитектура, дизайн, инженерная деятельность ориентированы на социальный заказ [20]. Этот заказ формируют конкретные типы современного общества. Марксизм обосновал тип социально ориентированного общества, в котором важную роль играют социальные программы, социальная поддержка различных групп общества – пожилые люди получают пенсии, студенты, магистранты, аспиранты, докторанты – стипендии. Материнский капитал и предоставление декретного отпуска направлены на повышение рождаемости и

помощь родителям в воспитании детей. Социальные программы составляют расходную часть бюджета страны. Они требуют эффективной промышленности, сельского хозяйства, налоговых поступлений с целью формирования доходной части бюджета государства. Важную роль играет устойчивая система преемственности и солидарности поколений.

М. Вебер в своих исследованиях выявил роль института религии в формировании социального заказа. На примере США он показал, как протестантская этика труда сформировала мотивацию к каждодневной эффективной деятельности жителей этой страны. Религиозный фактор продолжает играть важную роль и в современном обществе. Но его ослабление через практики секуляризации создало риски для социальной стабильности. Они усугубляются циклическим характером рыночной экономики. Рост и связанный с ним социальный оптимизм сменяются кризисом и рисками усиления в обществе деструктивных настроений.

Диалектика позволяет описывать эволюцию в категориях линейной динамики, причинной обусловленности, детерминизма. На этой методологии основана практика планирования в виде конкретных показателей экономического роста. Если показатели не выдерживаются, то выявляются причины объективного и субъективного характера и делаются административные выводы по усилению кадрового потенциала решения поставленных задач. Используются различные методики текущего контроля (СМК качества, аудит, плановые проверки представителей госконтроля, прокуратуры) и стимулирования развития экономики.

Синергетика оперирует категориями рисков, вероятности различных сценариев развития конъюнктуры на мировых рынках, конкурентной среды. Высокие нормативные требования социальных предписаний создают основу для имитации истины. В системе управления эти имитации называются приписками. Методология синергетики позволяет анализировать неопределенности, проистекающие из различных факторов, формирующих социальную динамику.

Ментальность оказалась под влиянием различных идеологических комбинаций, имеющих суммарный эффект критической неудовлетворенности и подозрительности к устоявшимся институциональным традициям. В этих условиях информационные технологии не столько ориентируются на достоверность информации, сколько на корреспондентские критерии истинности. В созданной парадигме имитации истины важная роль отводится маркерам свободы, локальности.

Глобализация увеличивает риски социальной стабильности современного общества по целому ряду параметров. Истина оказывается в локальном пространстве ментальности, которое формирует координаты достоверности. Общество рисков как объективная реальность начала XXI в. активно исследуется в социологии, социальной психологии, философии [30]. В связи с этим вспоминается фундаментальная работа белорусского философа Н.В. Рожина, в которой разводятся понятия достоверности и объективности.

Тезис исследователя заключается в том, что достоверность знания формируется не на основе прямого соответствия информации о предмете самому предмету, а с учетом требований достоверности в виде принципов, парадигм [26]. В подобных условиях средства массовой информации оказываются в эпицентре общественного внимания, поскольку от них исходит информация о событиях, влияющая не только на психологию и мировосприятие граждан, но и научные интерпретации истинности информации.

Длительное время в науке может доминировать филигранная имитация истины. Подобный пример был обнаружен в астрономии. С помощью компьютерной технологии были проверены математические обоснования геоцентрической модели мира К. Птолемея. По итогам этих исследований Р. Ньютон написал книгу под названием «Преступление Клавдия Птолемея» [24].

Модель Солнечной системы Н. Коперника также не была совершенной, но гелиоцентрическая гипотеза мира оказалась продуктивной. Она позволила последователям польского ученого найти объективный критерий истинности данных эмпирических исследований и их математических обоснований. Этот подход закрепили исследования И. Кеплера [16]. Вплоть до нашего времени в пространство данной модели вписывались новые планеты и их спутники. Модель сохраняет научную функциональность, она имеет возможность пополнения ее пространства новыми космическими объектами. В области современной политики нужна модель, подобная модели Н. Коперника, которая бы давала возможность для реализации диалектики относительной и абсолютной истины.

Таким образом, объективность истины относится не только к сфере фундаментальной науки и гносеологии, но и к области когнитивной логики мышления. В ней доминируют ментальные структуры, опыт, жизненный мир, рассудок, идентичность. Они определяют критерии объективности знаний.

Список использованной литературы:

1. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. 240 с.
2. Будучев, В. Доля субъективности в международной журналистике // Международная журналистика–2017: идея интеграции интеграций и медиа. Минск, 2017. С. 24-31.
3. Войтеховский А.В., Чуйков Д.А. Актуальные вопросы национальной безопасности: особенности обеспечения информационной безопасности в государстве и обществе // Социальное пространство Интернета. Минск, 2014. С. 101-104.
4. Думнова Э.М. «Менталитет» и «ментальность» как категории социальной философии // Известия Саратовского университета. Новая серия 2013. Т.13. Серия. Философия. Психология. Педагогика. Выпуск 1. С. 25-29.
5. Запесоцкий, А.С. Теория культуры академика В.С. Степина: лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае-сентябре 2010 г. СПб, 2010.112с.

6. Канарская, В.И. Информационные технологии и проблема идентичности // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 12-й Международ.науч.-техн. конф. Минск, 2014. Т. 4. С. 18-19.
7. Канарская В.И. К проблеме творчества в информационной культуре // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 11-й Международ. науч.-техн. конференции. Минск: БНТУ, 2013. Т. 4. С. 15.
8. Канарская В.И. Этика Интернета. Минск, 2009. 69 с.
9. Коровин В. Третья мировая сетевая война. СПб, 2014. 165 с.
10. Крэнвел-Ворд Дж. Стресс // Управление человеческими ресурсами. СПб, 2002. С. 379-388.
11. Лойко А.И. Дискурс-анализ институционального языка современной инженерии // Профессиональная коммуникативная личность в институциональных дискурсах: тез. докл. междунар. круглого стола, Минск, 22-23 марта 2018 г. Минск, 2018. С. 58-61.
12. Лойко, А.И. Институциональные условия модернизации: фактор промышленных революций // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 12. Ч. 2. М., 2017. С. 285-289.
13. Лойко, А.И. Информационное и экономическое пространства евразийской интеграции. Саарбрюккен, 2018. 97 с.
14. Лойко А.И. Когнитивная философия и методология когнитивных наук // Национальная философия в глобальном мире: материалы Первого философского конгресса. Минск, 2018. С. 143-148.
15. Лойко А.И., Канарская В.И. Межкультурная коммуникация в пространстве социальных сетей: правовые гарантии идентичности и безопасности // Туровский, Абай, Гумилев, Конфуций, Боливар, Гете: роль Беларуси в философском диалоге современных культур: материалы междунар. науч. конф. (Минск, 21 марта 2013 г.). Минск, 2013. С. 255-260.
16. Лойко А.И. Роль астрономических наблюдений в становлении картины мира Н. Коперника // Формирование и функционирование научной картины мира. Уфа, 1985. С. 101-102.
17. Лойко А.И. Сетевая экономика и автоматизированные системы проектной деятельности // Социальное пространство Интернета: перспективы экономсоциологических исследований. Минск, 2014. С. 190-192.
18. Лойко, А.И. Синергия информационных и экономических процессов: евразийский регион // Международная журналистика–2017: идея интеграции интеграций и медиа. Минск, 2017. С. 174-179.
19. Лойко А.И. Социальная психология партикулярных структур. Саарбрюккен, 2016. 140 с.
20. Лойка А.І. Філасофія і метадалогія навукі. Мінск, 2018. 156 с.
21. Лойко А.И., Канарская В.И., Фонотова Э.А. Эффективное использование потенциала модернизации. Минск: БНТУ, 2011. – 148 с.
22. Мартынов, В.В. Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. Минск, 1966. 147с.
23. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2008. 272 с.

24. Ньютон Р. Преступление Клавдия Птолемея. М., 1985. 384 с.
25. Прохоров М.М. Истина, имитация и природа философского знания / Мировоззренческая парадигма в философии: истина и ее имитация. – Нижний Новгород, 2019. С. 6-21.
26. Рожин Н.В. Проблема объективной достоверности знания в европейской философии (от Р. Декарта до Л. Витгенштейна). Минск, 2001. 246 с.
27. Талер, Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. М., 2017. 368 с.
28. Тоффлер А. Футурошок. СПб, 1997. 464 с.
29. Философское творчество в социокультурной проекции: к 80-летию академика В.С. Степина. Минск, 2014. 80с.
30. Щербакова Е.О., Лойко А.И. Рискогенный образ души современного человека: между нигилизмом и духовностью // Духовные ипостаси Евфросинии Полоцкой: историческая и современная. Материалы Междунар. науч. конф. Минск, 2016. С. 326-335.
31. Featherstone M., Lash S., Robertson R. Glokalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. Global Modernities. London, 1995. P. 25-28.

Глава 12.

РЕДАКТОРСКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СИМУЛЯКРОВ В МЕДИАТЕКСТАХ

*Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
медиалингвистики и редактирования факультета журналистики Белорусского
государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь*
Зеленко Сергей Викторович

На сегодня профессиональная деятельность журналистов, работающих в редакциях как традиционных средств массовой информации (газетах, журналах, на теле- и радиоканалах, в информационных агентствах), так и в новых медийных структурах (в разнообразных онлайн-изданиях и на мультиплатформенных информационных площадках в сети Интернет), во многом опосредована совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных экстралингвистических (внеязыковых) и интралингвистических (внутриязыковых) факторов, влияющих на многочисленные аспекты дихотомических творческих и производственных процессов в современной медиаиндустрии.

К первым относят, например, исключительную оперативность сбора и последующей обработки (проверки, структурирования) информации, высокую скорость создания и распространения любого информационного контента (печатного, аудиального, визуального, электронного медиатекста). Как справедливо подчеркивает профессор В.И. Ивченков в монографии «Дискурс белорусских СМИ. Организация публицистического текста»: «Оперативность определяет специфику публицистического текста, отличает его от художественного и др. условиями организации и производства» [7, с. 69]. Однако, следует отметить, что оперативность функционирования современного медиадискурса может являться одной из коренных причин фактологического, стилистического и логического несовершенства авторских текстов, предназначенных для массового читателя (зрителя, слушателя, интернет-пользователя), когда фактор скорости в производстве и распространении медиаконтента, во многом опосредующий рост финансовой прибыли редакций средств массовой информации, узнаваемость и влияние того или иного медиабренда, негативно сказывается на качестве продуцируемого и транслируемого контента. А.В. Вырковский, анализируя актуальные направления менеджмента средств массовой информации в современных условиях конвергенции медиа, подчеркивает: «В условиях перехода на цифровые носители информации уменьшается значение «упаковки» контента (газета, сайт, журнал, телеканал и т.п.) и возрастает значение качества контента как такового. Едва ли не единственным способом стратегической конкурентной борьбы в индустрии СМИ становится оптимизация внутренних процессов СМИ, позволяющих создать продукт, превосходящий другие по ценности для

потребителя» [2, с. 114]. Доктор филологических наук Л.Г. Свитич при изучении факторов, опосредующих изменения в журналистской профессии при диджитализации СМИ в условиях медиаконвергенции, выделяет ряд негативных последствий данного процесса, среди которых, по мнению уважаемого ученого, чрезмерно высокий ритм работы сотрудников различных медиаструктур, появление «клонированной», вторичной информации, сокращение возможностей творческой самореализации журналистских кадров [13, с. 412]. Все перечисленные негативные тенденции в дискурсе современных средств массовой информации, безусловно, связаны экстралингвистическим фактором оперативности создания и распространения профессионального журналистского продукта – медиатекста – в любом его проявлении.

Одним из основных интралингвистических факторов, в значительной степени влияющих на рецепцию (восприятие) разнородной по своему возрастному, этническому, образовательному, религиозному, гендерному составу аудитории конечного продукта, произведенного журналистом либо целым творческим редакционным коллективом, является интертекстуальность, которая проявляется во включении в авторский медиатекст «чужих», как правило, прецедентных текстов и их фрагментов, апелляций к авторитету прецедентных личностей и ссылок на их прецедентные высказывания, упоминания прецедентных дат и описания исключительно значимых как в общецивилизационном масштабе, так и только для определенных лингвокультурных сообществ и групп исторических событий.

Понятие интертекстуальности, введенное в научный оборот французским семиотиком и философом Ю. Кристевой [9, с. 136], предполагает, что «любой (каждый) текст (дискурс) в самой широкой интерпретации понятия (как семиотическая, знаковая система) подвержен перманентному и всеобщему влиянию как со стороны внешних, внеязыковых (экстралингвистических) факторов, так и со стороны факторов внутриязыковых (интралингвистических)» [6, с. 79-80]. Ссылаясь на работы М. Бахтина, сама Ю. Кристева дает следующее определение понятия интертекстуальности: «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [9, с. 167]. Из этого следует, что любая интертекстуальная единица (чужой текст), включенная автором некоторого текста в информационное сообщение, будет транслировать реципиенту информации (читателю, зрителю, слушателю, интернет-пользователю) через принимающий авторский текст дополнительные смыслы, связанные с текстом-донором (претекстом), будет провоцировать возникновение у аудитории при рецепции подобного текста (считывании и расшифровке интертекстуальных кодов) определенного рода заданных и спонтанных ассоциации и коннотации. Причем, как показывает редакторская практика обработки медиатекстов, эти смыслы, коннотации и возникающие ассоциации не всегда соответствуют прогнозным ожиданиям автора-журналиста, не закладываются им изначально.

При самом негативном варианте взаимодействия интертекста и авторского текста может наблюдаться их полное взаимное отторжение на смысловом, стилистическом, фактологическом и логическом уровнях, что провоцирует тотальный коммуникативный сбой в интерпретации аудиторией «чужих» текстов.

Использование журналистами цитат (трансформированных и точных), аллюзий (ситуационных, антропонимических, топонимических, хрононимических и других намеков) и реминисценций (имплицитных и эксплицитных воспоминаний), а также приема интерстилевого тонирования (введения в тексты определенной стилистической направленности элементов других функциональных стилей), призвано расширить информационные возможности публицистического текста за счет привлечения контекстуальной и ассоциативной составляющих претекста (текста-первоисточника), в качестве которого могут выступать названия и сами произведения художественной литературы (либо их значительные и незначительные фрагменты, цитаты из них), изобразительного искусства, кино, театра, архитектуры, исторические факты, имена прецедентных лиц и их высказывания. Профессор С.И. Сметанина подчеркивает: «В момент осознания иной природы внедренного кода, его кажущейся случайности в оригинальном узоре формируются периферийные добавки, из которых и складывается уникальность произведения. Таким образом, интрига «своего» и «чужого» становится доминантой смыслопорождения для создающего и воспринимающего текст» [12, с. 99]. Однако при некорректном с точки зрения теории и практики редактирования медиатекстов включении «чужого» текста в структуру авторского наблюдается перерождение интертекста в симулякр – «копию, для которой оригинал никогда не существовал» [16, с. 49]. Это значит, что интертекст в журналистском тексте становится всего лишь структурной единицей (строительным материалом), но не выполняет смыслообразующей функции, в следствие чего включение «чужого» текста в авторский становится неоправданным с точки зрения коммуникационной целесообразности функционирования медиатекста. Авторитетные исследователи медиадискурса предупреждают: «Подыскивая интертекстуальный аналог, автор должен заботиться о соответствии словесной медиареальности внеязыковой» [12, с. 140-141].

Интертекстуальные симулякры характеризуются отсутствием связей (логических, семантических, историко-культурных) как с контекстом принимающего их медиатекста, так и с текстом-первоисточником (претекстом). Подобную ситуацию, порождаемую в медиадискурсе непрофессиональным (механическим) многократным клишированием одних и тех же интертекстуальных единиц, можно описать словами Ж. Бодрийяра: «Нет больше зеркальности между бытием и его отображением, между реальным и его концептом. Нет больше воображаемой соразмерности: измерением симуляции становится генетическая миниатюризация. Реальное производится на основе миниатюрнейших ячеек матриц и запоминающих устройств, моделей управления и может быть воспроизведено неограниченное количество раз. Оно

не обязано более быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется с некоей, идеальной или негативной, инстанцией. Оно только операционально. Фактически это уже больше и не реальное, поскольку его больше не обволакивает никакое воображаемое. Это гиперреальное, синтетический продукт излучения комбинаторных моделей в безвоздушном гиперпространстве» [1, с. 7-8]. Иными словами, интертекст-симулякр не расширяет информационные возможности медиатекста, а становится его структурной единицей с нулевой семантической, фактологической и логической нагрузкой.

Интертекстуальными симулякрами, например, можно считать заголовочные комплексы газет и журналов, в которых бесчисленное количество раз трансформируются названия произведений **художественной литературы** («О пикниках на обочине»; «Пикник за обочиной»; «Пикник на погосте»; «Пикник на траве»; «Пикник у обочины»; «Пикник на обочину!»; «Пикник на обочине "Игналинки"»), **скульптуры** («Девушка с лопатой»; «Девушка с мечтой»; «Девушка с ракеткой»; «Девушка с трубой»; «Девушки с веслами»; «Приключения девушки с веслом»; «Человек с веслом»), **живописи** («Купание серого коня»; «Купание железного коня»; «Купание голубого вагона»;) и **кино** («Список Гарднера»; «Список Онищенко»; «Список рейдера»; «Список Сиротина»; «Список генерала фон Эрманнсдорфа»), **фразеологизмы** («Тише едешь – дальше будет»; «Тише едешь – краше будешь»; «Тише едешь – меньше платишь»; «Тише едешь – тогда успеешь»; «Тише едешь – целее будешь»; «Тише едь – дальше будь!»; «Быстро едешь – дальше будешь»; «ГАИ советует: тише едешь – меньше должен»; «Молча едешь – дальше будешь»), **афоризмы** и **крылатые слова** («Гражданин – это звучит гордо!»; «Дворник – должно звучать гордо!»; «Союз спортсменов – это звучит гордо!»; «Энциклопедия – это звучит гордо!»; «Суворовец – это звучит гордо!»; «Красота – это звучит больно»; «Лучший предприниматель – это звучит гордо!»; «МАЗ – это звучит гордо!»; «Сделано в Беларуси. Это звучит гордо!»), **прецедентные имена** («Блек-джек потрошитель»; «ЖЭК-потрошитель»; «ЖЭС-потрошитель») и **прецедентные ситуации** («Дитя раздора»; «Кувшин раздора»; «Мяч раздора»; «Пастбище раздора»; «Палочка раздора»; «Рынок раздора»; «Сахар раздора»; «Свалка раздора»; «Стены раздора»; «Таблетка раздора»; «Труба раздора»; «Учебник раздора»; «Яблочко раздора») и т.д. Такие клишированные заголовки, как правило, уже не способны стимулировать интерес читателя к медиатексту из-за своей многократной повторяемости, механическая трансформация претекста также не акцентирует на себе внимания, поскольку, как подчеркивает профессор С.И. Сметанина в монографии «Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века)»: «в отношении постмодернистской литературы уже в начале 90-х гг. критики обнаружили признаки кризиса, проявляющегося прежде всего в авторских самоповторах и в невозможности преодолеть их в рамках данного творческого направления. В журналистике же подобные повторы, переходя из текста в текст, становятся естественным для газетного языка строительным

материалом (клише) и способствуют тиражированию метода» [12, с. 91]. Как демонстрируют приведенные примеры из современных печатных СМИ, результаты подобных словесных упражнений в механической замене одних лексем другими в рамках фрагмента «чужого» речевого отрезка, которыми злоупотребляют современные журналисты, не несут отпечатка авторского «Я», лишены оригинальности и своеобразия, обезличены. Таким образом, можно констатировать, что интертекстуальные симулякры остаются экспрессивными лишь по форме, по содержанию же близки к стандартным средствам организации публицистической речи, которые, по мнению профессора В.И. Ивченкова, «вуалируют авторство текста и иногда под ними уже не нужно фамилии журналиста, потому что текст стандартный, минимально индивидуализированный» [8, с. 92].

При этом результаты редакторского анализа показывают, что значительное количество интертекстуальных штампов в заголовочных комплексах газет и журналов не коррелирует с принимающим контекстом ни семантически, ни логически. В данном случае имеет место абстрактность истины, которая «берется вне контекста связанных с нею истин и вне реальной среды ее применения» [11]. Однако для медиадискурса конкретность (однозначность, определенность, точность) как в изложении информации журналистом, так и в восприятии ее аудиторией является основополагающим принципом, каноном.

Ситуация коммуникационного сбоя можно наблюдать и при апелляции журналистов к анонимным авторитетам, когда цитируемое прецедентное высказывание не сопровождается указанием на имя прецедентного автора. К подобным речевым формулам, которые сопутствуют имитации научных фактов в газетном тексте, например, относятся конструкции с концептуальной лексемой *ученый*: «Американские ученые из университета Огайо утверждают...», «Ученые утверждают, что...», «Как утверждают ученые...», «Но как утверждают ученые Ассоциации диетологов Австралии...», «Ученые из Гарварда проанализировали истории болезней более чем 120 тысяч американцев на предмет потребления кофе и пришли к выводу...», «Ведь, как утверждают ученые...», «... утверждают ученые», «Международная группа ученых из США и Китая пришла к выводу, что ...», «Как утверждают некоторые специалисты по психологии ранней юности...», «Группа ученых из разных стран начинает...». При этом, одной из основных задач как для самого автора-журналиста, так и для редакции средства массовой информации, с которой он сотрудничает, является трансляция исключительно корректных с точки зрения фактологии сведений и данных. Так, К.М. Накорякова отмечает: «На стадии редакционной подготовки редактор уделяет особое внимание связям между приведенными фактами, проясняет для читателя степень их объективности, помогает автору сформулировать оценку фактов, сокращает несущественные подробности» [10, с. 115]. Факты, которые сопровождаются описанными выше речевыми оборотами, не поддаются полноценной верификации или факт-чекингу (от англ. *fact checking* – проверка факта), поскольку у редактора нет

достаточной исходной информации для их проверки и адекватной авторскому замыслу коррекции.

Ложь, вымысел, фантазии автора, неподтвержденные гипотезы и намеренная дезинформация аудитории не допустимы в журналистской практике, поскольку противоречат элементарным нормам профессиональной этики. В редакционной практике традиционно выделяются три приема факт-чекинга. Во-первых, **внутритекстовая проверка факта**, когда фактическая информация (согласно логическому закону тождества) сравнивается в рамках одного текста. Этот прием помогает редактору верифицировать, например, даты, имена, инициалы, числовые данные, а также выявить и исправить определенные несоответствия. Во-вторых, **сравнение с авторитетным источником информации**, в качестве которого обычно выступают словари, энциклопедии, различные пособия, научные монографии, отраслевая литература и другие издания, которым доверяет редактор. Процедура позволяет проверить правильность статистических данных, проконтролировать корректность употребления узкоспециальных терминов и понятий, выявить несоответствия в рамках научного знания и т.д. В-третьих, **официальное подтверждение**, когда редакция средства массовой информации за подтверждением (или опровержением) факта, к которому идет апелляция в медиатексте, обращается с официальным запросом в отраслевое учреждение, административное ведомство, научную организацию или другую институцию, обладающую соответствующим статусом.

Перечисленные приемы, как правило, помогают редактору либо другому специалисту, осуществляющему процедуру факт-чекинга, найти в авторском тексте фактические неточности, квалифицировать и исправить их. Однако при намеренной или непредумышленной имитации факта журналистом в транслируемом им сообщении традиционные приемы проверки на корректность фактической информации становятся нерелевантными, поскольку не позволяют устранить найденные ошибки, которые представляют собой деконструкцию элементов внетекстовой реальности в авторском тексте.

Анонимная апелляция к авторитетам в медиатекстах сопровождается и вербальными конструкциями, которые содержат неавторизованные указания на классиков художественной литературы, общественных и политических деятелей, мыслителей: «Как говорил классик французской литературы прошлого века...», «Как говорил классик марксизма-ленинизма...», «Как говорил классик...», «Правильно говорил классик...», «Как сказал классик...», «Следуя завету известного классика, который утверждал...», «Как писал классик...», «Как говаривал классик...», «Как говорил один мой знакомый российский литературовед...», «Как говорил великий мыслитель...». Процедура редакторского факт-чекинга описанных интертекстуальных единиц при таком способе подтверждения автором-журналистом своих мыслей также затруднена. Общеизвестно, что «наиболее восприимчивой к различным инновациям и социальным вызовам, а также первой в подражании и трансляции самого передового (положительного) опыта является молодежь» [3, с. 275]. Однако

журналистам следует учитывать, что при апелляции в своих текстах к описанным выше интертекстуальным средствам возможна ситуация, что молодые люди при восприятии подобных средств налаживания внутритекстового диалога с аудиторией не смогут их ни распознать, ни адекватно авторскому замыслу интерпретировать, поскольку в интертекстуальном тезаурусе молодежи могут отсутствовать определенные прецедентные для читателей (зрителей, слушателей, интернет-пользователей) среднего и старшего возраста персоналии, тексты, цитаты, историко-культурные факты и события.

Даже при цитировании прецедентных высказываний, которые известны широкому кругу представителей определенного лингвокультурного сообщества, журналисту можно рекомендовать ссылаться на прецедентных авторов с упоминанием их имен. Во-первых, для констатации факта их знания, чтобы у читателя не сложилось впечатление о фактологической некомпетентности журналиста, что может спровоцировать коммуникативный сбой процесса восприятия информации аудиторией, а также стать причиной недоверия как к автору медиатекста, так и к редакции определенного СМИ, поскольку «журналист как непосредственный создатель и интерпретатор медиасообщения (которое можно рассматривать как современное литературное произведение) должен информировать и консолидировать социум, конструировать и репрезентировать общественное мнение, воспроизводить его в собственных публицистических произведениях, которые можно назвать отражением окружающей его действительности» [4, с. 109]. Во-вторых, чтобы предупредить гипотетическую возможность отсутствия определенной интертекстуальной единицы в индивидуальном тезаурусе читателя, поскольку, как утверждает профессор М.М. Прохоров: «Отныне не характер и структура познаваемой реальности (субстанции), а специфика деятельности познающего субъекта выступает как главный фактор, определяющий способ познания и самый его предмет» [11]. Имитацию факта в медиадискурсе, безусловно, следует интерпретировать как явление негативное как с точки зрения философии, так и теории и практики редактирования текстов средств массовой информации. При этом, как показывает редакторский анализ, применение традиционных приемов факт-чекинга не всегда может обеспечить корректность медиатекстов в плане фактологии при имитации (намеренной или непредумышленной) авторами-журналистами элементов внетекстовой реальности в своих текстах через использование неавторизованных ссылок.

Профессор М.Е. Тикоцкий отмечает: «В теории средств массовой информации выделяется принцип публичности, сущность которого в том, что содержание, которое передается в ходе массовой коммуникации, должно быть доступным всем членам общества без каких-либо ограничений. Этот принцип во многом определяет характер отбора языковых средств. Исключаются крайности – все, что может осложнить, затруднить понимание текста» [14, с. 267]. Интертекстуальные единицы представляют собой текстовую аномалию, которая способна спровоцировать коммуникационный сбой в дихотомии автор

(журналист) – аудитория (читатель), поэтому необходима методика, позволяющая оценивать целесообразность включения интертекста в структуру авторского. Редакторско-концептуальный анализ интертекстуальных единиц в медиатексте [5, с. 118-121] позволяет выявить цель использования «чужого» текста, определить функции интертекста, оценить взаимодействие авторского и принимающего контекстов, установить степень совпадения интертекстуальных картин мира транслятора и рецептора информации, на основании чего делается обоснованный вывод о корректности использования цитат, аллюзий и реминисценций. Данная процедура позволяет сотрудникам средств массовой информации (журналистам, редакторам) предотвратить профанацию и искажение смысла сообщения, избежать включения в медиатексты интертекстуальных симулякров, сделать журналистские тексты однозначными и понятными массовому читателю.

Редакторский анализ заключается в выявлении профессионально необработанных, объективно неудачных примеров включений интертекстуальных вкраплений в тексты публицистических статей. Концептуальность анализа опосредуется подчеркиванием личностной роли автора в организации медиасообщения с четким интертекстуальным эффектом, под воздействием которого находятся и современный журналист, и реципиент произведения.

Схема анализа состоит из десяти пунктов.

1. Проведение классификации интертекстуальных приемов и определение их видов. Операция позволяет получить первичное представление об авторском включении в структуру публицистического произведения интертекста (концептуальный аспект анализа). На основании собранного фактического материала (примеры использования журналистами интертекстуальных приемов) выделяются следующие интертекстуальные средства: аллюзия, цитата, реминисценция, интерстилевое тонирование.

Аллюзия – соотнесение известных топонимов, антропонимов, исторических дат и ситуаций с эквивалентами в авторском публицистическом произведении для создания историко-культурного контекста. Выделяются следующие виды аллюзии: антропонимическая – интертекстуальное средство, в речевой практике выражается собственным именем (Цицерон, Ленин, Всеслав Чародей), при использовании которого журналист пытается создать нужный для реализации художественного замысла историко-культурный контекст; ситуационная – упоминание известной ситуации, правдивой или выдуманной (возвращение блудного сына, Нюрнбергский процесс), связанной с рядом ассоциаций и коннотаций, что должно сказываться на читательском восприятии авторского текста; топонимическая – использование названия известного географического объекта (Река Немига, Куликово поле, Ватерлоо) для создания в сознании реципиента информации ассоциаций, связанных с топонимом; хрононимическая – упоминание определенной, широко известной даты, которая вошла уже в историко-культурный дискурс (1 сентября, 8 марта, 22 июня) и вызывает у читательской аудитории нужные автору ассоциации.

Реминисценция– использованные журналистом в собственном публицистическом тексте отдельные черты, характеристики, описания, фразы из предыдущего литературного дискурса, которые должны вызывать у реципиента информации воспоминания, ассоциации с другим литературным произведением.

Выделяются два вида реминисценции: имплицитная – завуалированная, косвенная ссылка на другой текст, произведение; эксплицитная – рассчитанная на читательское узнавание косвенная отсылка к другому тексту, к знакомой читателю фразы из другого произведения.

Цитата– намеренное введение журналистами чужих слов или фрагментов высказываний в структуру собственных публицистических статей.

Выделяются следующие виды цитат: собственно цитата – включение автором в произведение явных, неизмененных, цельных чужих текстов или их элементов; трансформированная – включение автором в материал переработанных, трансформированных с целью реализации определенного художественного замысла элемент чужого произведения.

Интерстилевое тонирование– прием, суть которого заключается в введении журналистами в тексты лексических единиц ограниченной сферы использования, или лексем одного стиля в тексты другой стилевой направленности, как вариативных средств номинации для восстановления в публицистическом тексте реальных ситуаций.

В приеме интерстилевого тонирования выделяются два вида: интерстилевые вкрапления – лексические единицы одного стиля, включенные автором в собственный текст иного стиля с целями создания определенного колорита и порождения у читателя при рецепции текста соответствующих ассоциаций; интерлексемы – коннотативно окрашенные языковые единицы ограниченной сферы использования, применяемые вместо общепринятых для отражения в тексте определенной реальной ситуации.

2. Определение маркированности-немаркированности интертекста в произведении. Это позволяет проанализировать собственно авторское отношение создателя статьи к интертекстуальным заимствованиям и к их роли в публицистическом произведении (концептуальная сторона анализа), а также проверить правильность и точность ссылок на источники интертекста (редакторский аспект анализа).

В зависимости от цели, к которой стремится автор статьи при использовании интертекста в публицистическом произведении, чужой текст может быть выделен по-разному: *кавычками*, когда публицист хочет продемонстрировать читателю, что он (автор) обращается к источнику заимствования или ссылается на прецедентного автора; обозначенной в тексте публицистической статьи *ссылкой на имя собственное или творческое автора* произведения, из которого был заимствован интертекстуальный материал; обозначенной в тексте *ссылкой на источник заимствования* интертекста (название прецедентного художественного произведения, общеизвестное высказывание и т. д.); *косвенной речью*, когда создатель публицистической статьи предлагает читателям использованный интертекстуальный материал с косвенной

отсылкой к прецедентным авторам, художественным произведениям, различным дискурсам, источникам заимствования. Нужно отметить, что журналист может умышленно, для достижения определенных художественных замыслов, никак не маркировать интертекст в собственном произведении.

3. Определение источника интертекстуальных заимствований. При определении прецедентного для публициста текста можно получить некоторую объективную информацию о мировоззренческой позиции создателя произведения.

4. Определение местонахождения заимствования в публицистической статье. Это позволяет сделать ряд выводов об отношении автора к интертексту (концептуальный аспект анализа). Журналист для достижения художественного эффекта может использовать включения в сильных позициях текста, к которым будет привлечено особое внимание читателя: рубрика, подрубрика, заголовок, подзаголовок, лид, окончание статьи.

5. Определение цели использования интертекста. Операция позволяет получить информацию о мировоззрении публициста с параллельной оценкой соответствия цели использования интертекста ее реализации в статье. Выделяем следующие цели: *трансформация заимствованного материала*– переработка и переосмысление интертекста для его дальнейшего использования уже в трансформированном виде; *пародирование*– использование интертекстуального включения с целью его высмеивания, представления в смешном виде, сатирического или комического подражания либо внешнего искажения; *имитация*– мастерское подражание или повторение определенных мотивов, сюжетов, событий, характеров, судеб героев, которые были заимствованы из прецедентных источников; *полемика*– использование интертекстуальных материалов публицистом с целью спора или обсуждения научных, литературных, политических, художественных вопросов с автором или источником заимствования; *совместное творчество*– использование интертекста с целью подтверждения либо опровержения чужой мысли, интертекст рассматривается как точка зрения соавтора; *развитие традиции*– продолжение, развитие, разработка и параллельная передача публицистом на основе прецедентных текстов, авторов и источников привычных, давно знакомых читателю сюжетных линий, мотивов, событий, ситуаций; *обогащение смысла*– заимствование и дальнейшее использование интертекста для закрепления, подтверждения, уточнения и поддержки собственных позиций и мыслей; *нейтрализация смысла*– ослабление публицистом при помощи лексических средств влияния и воздействия, которые оказывают прецедентные тексты, источники и авторы на дискурс создателя статьи.

6. Анализ взаимодействия текста-импортера и текста-реципиента, который отражает процесс диалога между ними и дихотомию их сосуществования. Проведение операции позволяет определить как отношение автора к интертекстуальному заимствованию (концептуальная сторона анализа), так и органичность включения интертекста в структуру публицистической статьи (редакторская сторона анализа). В зависимости от цели, с которой автор

использует заимствованный материал в собственном публицистическом произведении, выделяются два механизма взаимодействия интертекста и текста: *взаимное притяжение* – нахождение интертекстуального и публицистического дискурсов в сложных отношениях, при реализации которых происходит сближение собственно авторского текста к заимствованного материала и наоборот; *взаимное отдаление* – специфическое содержательно-фабульное и сюжетно-композиционное позиционирование авторского публицистического и интертекстуального материалов, при котором происходят процессы взаимного отталкивания и отдаления дискурсов.

7. Определение функций, которые выполняет интертекст в публицистическом дискурсе. Операция позволяет определить мировоззренческое отношение создателя текста к собственному публицистическому произведению и окружающей журналиста действительности (концептуальная сторона анализа); с точки зрения редактора, решается вопрос соответствия функции, которую выполняет интертекст в статье, лексическим средствам, при помощи которых она (функция) реализуется в публицистическом дискурсе. В соответствии с моделью, предложенной Р.О. Якобсоном [15, с. 457], можно выделить следующие функции: *поэтическую* – ориентирована на то, чтобы удивить или привлечь и сосредоточить внимание читателя на публицистической статье путем использования в последней интертекста; *метаязыковая* – отражает предпочтения автора публицистической статьи в выборе тех или иных интертекстуальных материалов в зависимости от личности, с которой происходит диалог; *фатическая* – установление и поддержание контакта, диалогических отношений между читателем и культурным контекстом, который возникает в статье при использовании журналистами интертекстуальных включений; *эмоционально-экспрессивная* – отображение посредством использования интертекстуальных заимствований самовыражения журналиста в его отношениях и оценках к сообщению; *характерологическая* – подчеркивание, раскрытие и развитие особых черт, описанных в статье реалий и персоналий путем их соотнесения с определенными интертекстуальными эквивалентами; *синкретическая* – отображение произведений различных видов искусства при их номинации, упоминании и описании в публицистической статье; *разъяснительная* – использование интертекстуальных материалов публицистом для того, чтобы интерпретировать, трактовать смысл какого-либо потенциально непонятного читателю фрагмента собственной статьи. Интертекст может выполнять в публицистическом тексте и ряд других функций: *коммуникативную, идейно-оценочную, смыслообразующую.*

8. Определение фреймовых характеристик интертекста. Во время процедуры соотносится соответствие/несоответствие (редакторский аспект анализа) использованных журналистом (концептуальная сторона анализа) прецедентных материалов определенной схеме, сценарию, ожиданиям и потенциальным знаниям читателя, которые сложились в его сознании и подсознании, о типичных ситуациях, об отношениях объектов действительности.

9. Определение степени совпадения читательского и авторского текстов. Данный аспект полностью соответствует редакторской стороне проведения анализа. Роль редактора при этом заключается в приведении языковых картин мира журналиста и читателя к диалогу. Выделяются три степени совпадения читательского и авторского текстов: *относительное–* авторская языковая картина мира и картина мира читателя относительно совпадают, реципиент информации интерпретирует определенный факт адекватно, соответственно заложенному журналистом художественному замыслу; *частичное–* концептуальные установки публициста и читателя в некоторых взглядах на жизнь и мир совпадают, но это совпадение имеет частичный характер, так как между донором и реципиентом информации из-за объективного расхождения горизонтов восприятия не происходит полноценного диалога; *несовпадение–* читательская и авторская языковые картины мира не имеют пунктов соприкосновения, реципиент информации не понимает поданного публицистом факта или ошибочно интерпретирует, деформирует или даже профанирует факт речевой действительности, создавая новые, не заложенные журналистом смысловые структуры и псевдореалии.

10. Определение наличия штампов использования интертэкста. Анализ частотности того или иного интертекстуального элемента в публицистическом дискурсе позволяет выяснить, насколько он сохранил и может ли сейчас реализовать свои экспрессивные качества. Анализ штампов позволяет сделать выводы об отношении журналиста к выбору тех или иных интертекстуальных средств, что в свою очередь упрощает процесс их редактирования.

Существуют четыре степени заштампованности интертекста: **высокая** (интертэкст встречается в средствах массовой информации довольно часто, перерождаясь в интертекстуальный симулякр); **средняя** (интертекст иногда возможно встретить в публицистических статьях современных СМИ, что указывает на гипотетическую возможность перерождения интертекстуального средства в симулякр); **низкая** (подобные примеры интертекстуальных элементов практически не встречаются в публицистическом дискурсе); **нулевая** (интертекст подобного типа не возможно найти в публицистических статьях).

Выделение ряда объективных научных критериев оценки соответствия использования автором интертекстуальных единиц их читательскому восприятию вызвано большим количеством ссылок на прецедентные тексты в современных средствах массовой информации и коммуникации. Профессиональная редакторская деятельность направлена на постижение замысла и идеи создателя текста, анализ языковых средств, при помощи которых они (замысел и идея) реализуются в тексте автора, с последующим совершенствованием формы и содержания произведения.

Обязательными условиями формирования, интерпретации и отображения общественного мнения являются налаживание двусторонних связей и дальнейшая поддержка диалога между донором и реципиентом информации. Предложенная схема проведения редакторской-концептуального анализа

включения в структуру публицистического произведения элементов интертекста может быть использована творческими сотрудниками СМИ, журналистами и редакторами, при совершенствовании авторской рукописи.

Список использованной литературы:

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Москва, 2015. 240 с.
2. Вырковский А.В. Менеджмент СМИ в условиях конвергенции // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 3. С. 112-120.
3. Зелянко С.В. Гендарныя падыходы да рэдакцыйнай падрыхтоўкі медыятэкстаў // Журналістыка-2015: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 17-й Міжнар. навук.-практ. канф., 12–13 ліст. 2015 г., Мінск / рэдкал. : С.В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Вып. 17. – Мінск : БДУ, 2015. – С. 274-277.
4. Зелянко С.В. Журналісцкі тэкст у сітуацыі постмадэрна// Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2007. № 2. С. 107-112.
5. Зелянко С.В. Інтэртэкстуальны эфект журналісцкай дзейнасці // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2007. № 1. С. 117-122.
6. Зелянко С.В. Экстра- і інтралінгвістычныя перадумовы ўзнікнення тэорыі інтэртэкстуальнасці і дзеянне яе ў сродках масавай інфармацыі // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2008. № 2. С. 79-82.
7. Іўчанкаў В.І. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту. Мінск, 2003. 258 с.
8. Іўчанкаў В.І. Медыярыторыка: рытарычныя асновы журналістыкі, лінгвістыка публіцыстычнага тэксту, Ю дыскурсны аналіз сродкаў масавай інфармацыі. Мінск, 2009. 280 с.
9. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. Москва, 2004. 656 с.
10. Накорякова К.М. Справочник по литературному редактированию для работников средств массовой информации. Москва, 2010. 200 с.
11. Прохоров М.М. Истина и действительность // Философская мысль. 2013. № 6. С. 293-387. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.6.333 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_333.html.
12. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). Санкт-Петербург, 2002. 383 с.
13. Свитич Л.Г. Изменение журналистской профессии в процессе медиаконвергенции // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 94. 2015. № 5 (360). С. 406-414.
14. Цікоцкі М. Я. Стылістыка беларускай мовы. Мінск, 1995. 294 с.
15. Якобсон Р.О. Тексты, документы, исследования. Москва, 1996. 918 с.

16. Jameson F. Postmodernism, or The cultural logic of late capitalism. Durham, 1991. 470 p.

Глава 13.

ЛОЖЬ И «ЛОЖЬ ВО БЛАГО» В МЕДИЦИНЕ КАК ИМИТАЦИЯ БЛАГА

Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный медицинский университет», г. Челябинск

Волкова Татьяна Ивановна

Очевиден факт, что мы живем в обществе, где ложь стала вполне обыденным явлением. Родители лгут детям, а дети – родителям. Начальство дезинформирует своих подчиненных, а подчиненные не считают необходимостью говорить всю правду руководству. Другими словами, – в нашем мире не осталось людей не умеющих лгать. Все лгут: кто нарочито, кто помаленьку. Но, оказывается, что «неспособность ко лжи далеко еще не есть любовь к истине» – вещает Ницше устами Заратустры [14, с. 526].

Чтобы досконально разобраться в сущности «лжи во благо», её причинах и следствиях – необходимо понять, прежде всего, что такое ложь как таковая, истина, правда, заблуждение. Эти понятия неразрывно связаны между собой и не существуют друг без друга, «сами по себе». Поэтому в нашем исследовании данные категории будут непреложно пересекаться, чередоваться и взаимодействовать.

Начнём со лжи. Во все времена ложь считалась одним из самых тяжких грехов. Еще в древнеиндийских «Брахманах» говорилось, что «тот, кто говорит правду, подобен тому, кто изливает топленое масло на зажженный жертвенный огонь... Тот, кто говорит неправду, подобен тому, кто наливает воду на жертвенный огонь... Поистине должно поэтому говорить лишь правду» [9, с. 49]. Можно с уверенностью сказать, что в древнем мире правда была моральной основой существования общества и самого человека, поэтому ложь рассматривалась как тяжкое зло.

Негативное отношение ко лжи было характерно и для античности. Так, Платон высоко ставил истину, считая её божественной, потому что богам, говорил он, нет необходимости лгать, а человеку «вводить свою душу в обман относительно действительности, оставлять её в заблуждении и самому быть невежественным и проникнутым ложью – это ни для кого не приемлемо: здесь всем крайне ненавистна ложь» [15, с.162].

Аристотель, видевший благо в «золотой середине», в «Никомаховой этике» пишет: «обман сам по себе дурен и заслуживает осуждения, а правда прекрасна и заслуживает похвалы. Так и правдивый человек как держащийся середины, заслуживает похвалы, а обманывающий – безразлично в какую сторону – заслуживает осуждения» [2, с. 140].

Сенека связывал истину с благом: «Только то и благо, что честно, а все остальные блага логичные и поддельные» [18, с.129]. Античный взгляд на истину, таким образом, заключался в том, что истинное и ложное не находятся в

вещах, так, чтобы благо, например, быть истинным, а зло непременно ложным, а имеются в рассуждающей мысли.

В Средние века и Возрождение осуждение лжи ещё более усугубляется. Так, Данте в «Божественной комедии» души обманщиков разного толка (льстецы, лицемеры, оболъстители и др.) помещает на восьмой круг ада (всего, как известно девять кругов). Эти души обречены на вечные страдания в самых жутких частях загробного мира:

«Есть место в преисподней, Злые Щели,
Сплошь каменное, цвета чугуна,
Как кручи, что вокруг отяготели.
Посреди зияет глубина
Широкого и темного колодца...» [8, с. 90].

Ложь, обман у Данте опасней и греховней, чем даже убийство и насилие, хуже может быть только предательство (девятый круг). Исчезновение правды, которая лежит в основе всякой добродетели, по мнению, М. Монтеня – это первый признак порчи общественных нравов. «Лживость, говорит он, в своих знаменитых «Опытах» – гнуснейший порок... она свидетельствует как о презрении к Богу, так и страхе перед людьми» [12, с. 373]. А так как взаимопонимание между людьми осуществляется через слово, то тот, кто извращает его, тот и предатель по отношению к обществу.

В русской культуре размышления о лжи и лживости приобретают вселенский масштаб, ими пронизаны как мирские, так и религиозные философские труды. Так, по воззрениям епископа Русской православной церкви Игнатия Брянчанинова «ложь была употреблена в качестве средства погубления человеческого рода падшим ангелом. Поэтому Господь назвал дьявола ложью, которая послужила ему орудием для человекоубийства. Начало всех зол, источник оболъщения и бесовской прелести – ложная мысль. Прелесть (от старославянского – леть – ложь, обман), отсюда духовная леть – духовная болезнь человека, сопровождающаяся высшей и очень тонкой формой лести к самому себе или самообманом, гордыней» [17, с. 243].

Русская философская мысль истину всегда рассматривала не только с познавательной, но и с моральной точки зрения. Если истина не связана с добром, справедливостью, это – ущербная истина и даже, вероятно, вообще не истина. Наиболее ярко подобное восприятие истины отразилось в учении о тождестве истины, добра и красоты Н.Ф. Федорова. Он писал: «Если же отделить от прекрасного истинное, то получится обман, оболъщение... благо же без знания – невежественное благо...» [12, с. 359].

Истина всегда объективна, а, правда – это субъективное, нравственное выражение истины. Истина всегда одна, а, правда – у каждого своя. В русской народной традиции правда означает: закон, справедливость, правосудие, правило, заповедь, наконец, – истину. В философской литературе мы находим подтверждение тому, что, правда – «абсолютная истина, дополнительно фундируемая предельной персональной убежденностью ее автора» [21, с. 815]. Поэтому, правда, для русского человека важнее истины и тому есть явное

подтверждение: в Псалтыре сказано: «истина от земли восходит», правда же «с небес принимается».

Но и современная западная философская мысль не перестает касаться темы лжи, где всё чаще акцент переносится на специфические способности человека к обману, то есть – к самообману. Например, пагубность самообмана французский философ Ж.-П. Сартр заключает в понятии «лживость», которая означает такую ложь, когда я умышленно утаиваю от себя истину, мне известную, когда я в известном смысле лгу сам себе. По этому поводу о такой личности он говорит, что «она пребывает в самообмане или что она сама себе лжет... Сущность лжи предполагает в действительности, что обманывающий полностью владеет истиной, которую он скрывает. Не лгут о том, чего не знают, не лгут, когда распространяют заблуждение, которым сами одурачены... Идеалом обманщика было бы поэтому циничное сознание, утверждающее в себе истину, отрицающее ее в своих словах и отрицающее для себя это отрицание» [16, с. 121].

Но Сартр убежден, что человек не может себя обманывать даже умышленно (ибо его сознание известно ему полностью), то его лживость начинает исчезать, едва появившись, уступая, тем самым место цинизму. Однако она может постоянно вызываться вновь, а может и быть характерна для всей жизни человека. Поэтому ложь и лживость практически неискоренимы из нашей жизни. Данная позиция схожа с воззрениями известного советского и российского филолога Г.Ч. Гусейнова, который считает ложь особым состоянием сознания и утверждает, что «телесное поведение человека не выносит продолжительного ложного положения, речевое поведение – изначально ориентировано именно на ложь» [8, с. 65]. Получается, что ложь, какой бы она не была, присуща человеку изначально и, говорить об истине и правде не имеет никакого смысла? Наверное, не всё так просто.

Попробуем вначале разобраться в том, что же такое ложь? В философском словаре под редакцией И.П. Фролова, ложь – «искажение отражения действительности, такое познавательное содержание, которое не соответствует объективной природе вещей» [22, с. 295]. Сознательная ложь как обман, нарочитая дезинформация имеет явно негативное значение. Лживость, в целом, является пороком, а непреднамеренная, «благая» ложь совпадает с заблуждением.

Заблуждение в философской литературе рассматривается как «несоответствие знания его предмету, расхождение субъективного образа действительности с его объективным прообразом» [10, с. 144]. Заблуждение можно рассматривать как добросовестную ложь, и, по мнению, К. Гельвеция, который очень много об этом пишет: «заблуждение всегда случайно..., и не составляет прирожденной особенности известных умов, а ... наши ложные суждения суть следствия или наших страстей, или нашего невежества» [6, с. 351-352]. Другими словами, никто не хочет заблуждаться и заблуждение всегда непреднамеренно, нецеленаправленно и неосознанно, а ложь –

целенаправленное, преднамеренное и осознанное введение кого-либо в обман, как правило, имеющее корыстные цели.

Заблуждение имеет субъективные и объективные причины. К субъективным причинам, прежде всего, можно отнести незнание сути вопроса, личностно-психологические качества: невнимательность, леность, поспешность в выводах и др. К объективным причинам – уровень развития науки, отрасли или сферы общественной жизни, социальные условия деятельности (например, отсутствие современной эффективной медицинской техники и приборов не дает возможности даже умному врачу поставить правильный диагноз больному пациенту с тяжелой патологией). От лжи следует отличать бессмыслицу, абсурд.

Можно выделить четыре основных аспекта лжи: гносеологический, логический, нравственный и политический. Гносеологический аспект – это искажение информации в познании. Причины лжи здесь могут носить как объективный, так и субъективный характер. Объективные причины связаны с уровнем развития науки, отсутствием методологии и т.п. Субъективные причины, в свою очередь, зависят от познавательных возможностей человека, индивидуальной особенности психики и физиологии, уровня образования и воспитания и др. Ф. Бэкон такие причины назвал идолами (призраками). Призраки постоянно преследуют человека, создают у него ложные представления и идеи, искажают подлинный мир природы. Ум имеет свои изъяны, ибо «уподобляются неровному зеркалу, которые, примешивая природе вещей свою природу, отражают вещи в искривленном и обезображенном виде» [4, с. 18].

Логический аспект рассматривает ложь и истину либо как предикат, то есть свойство высказывания, либо как объект – одно из истинных значений, приписываемых высказыванию. В классической логике понятия «ложь» и «истина» равноправны (дуальны), поскольку отрицание истины есть ложь, и наоборот, отрицание лжи есть истина. При этом логически не имеет значения, заблуждаются люди или лгут, хотя в нравственном отношении это важно. Одно дело, когда отношение мыслей не соответствует отношению вещей, другое дело, когда слова не соответствуют мысли. В этом контексте целесообразно рассмотреть взгляд Аристотеля на отношение истины и лжи. Он отнюдь не считал, что всё истинно и тем более не думал, что всё логично. Только одно может быть истинно, а другое, соответственно, ложно. Истина и ложь не заключены в самой действительности, они не онтологичны, «истинное и ложное имеются при связывании или разъединении» [1, с. 93].

Особый характер и особое значение ложь приобретает в сфере политики. Достижение даже благой, на первый взгляд, цели с помощью лжи всеми возможными и невозможными средствами всегда безнравственно. В этих случаях, цель, какой бы прекрасной она не была, вступает в противоречие со средствами и последние становятся сами целью. Ложь является основным средством достижения цели в странах с тоталитарным режимом. Функциональное значение лжи здесь настолько велико, что возможно построение уникальных типов государств, где ложь материализуется во всех

проявления человеческой жизни. Так, Э. Фромм в своей известной работе «Адольф Гитлер – клинический случай некрофилии» говорит о том, что Гитлер был законченным лжецом: «Он заявлял о своих миролюбивых намерениях и после каждой победы утверждал, что, в конечном счете, всё делает во имя мира» [23, с. 556]. Современная политическая обстановка дает нам множество тому подтверждений и даже лидеры мировых держав не гнушаются использовать ложь в своих интересах.

В нравственном аспекте, наконец, ложь рассматривается как сознательное, преднамеренное искажение действительности с целью ввести кого-либо в обман. В этом аспекте ложь имеет негативное значение и является пороком. Ложь как обман или нарочитая дезинформация рассматривается во времена негативно и является прямой противоположностью истине. Вопрос: «Что есть истина?», некогда заданный вопросом Понтием Пилатом Иисусу Христу, относится к самой сути человеческого бытия. Неудивительно, что этот вопрос представляет собой фундаментальную проблему теории познания.

Классический взгляд на истину и ложь разделяет М. Хайдеггер: «Истинное, это – действительное... истинным или ложным мы называем прежде всего наши высказывания о сущем, которое само по своему характеру может быть настоящим или ненастоящим, выступая в той или иной форме в своей действительности» [24, с.10]. Быть истинным и истина по Хайдеггеру означают совпадение вещи с мыслью: «*veritas est ad aequationem rei et intellectus*».

То, что ложь с нравственной позиции – зло, это факт очевидный, и у философов не вызывает никаких сомнений. Но, когда речь заходит о спасении чьей-то жизни или чести, болезни и т. п., то отношение ко лжи может меняться прямо на противоположное. Данная проблема еще более усугубляется, когда речь идет о «лжи во спасении», «лжи во благо». Торжественное «шествие» лжи говорит о наступлении нравственного кризиса в современном обществе.

Тот же Платон, резко осуждая ложь, говорит, что «людям может быть она полезна в виде лечебного средства, ясно, что такое средство надо предоставлять врачам, а несведущие люди не должны к нему прикасаться» [15, с. 169]. Поэтому право лгать Платон дает только врачам и только в случае, если это принесет пользу больному.

Русские религиозные философы и, прежде всего, В.С. Соловьев, считали, что ложь – порок, но она может быть благом для спасения человеческой жизни: «Жертвовать человеческой жизнью для точного исполнения отдельного предписания – есть внутреннее противоречие и не может быть нравственным» [19, с. 202].

Как же решить данную антиномию: «лгать нельзя» и «лгать можно»? У И. Канта есть небольшая статья с красноречивым названием «О мнимом праве лгать из человеколюбия». Во всех случаях жизни, настаивает философ, надо быть правдивым. Даже если злоумышленник, решивший убить твоего друга, спрашивает тебя, находится ли его жертва дома, не лги. У тебя нет гарантий, что твоя ложь окажется спасительной. Ведь возможно, что на вопрос преступника, дома ли тот, кого он задумал убить, ты честно дашь утвердительный ответ, а

последний, между тем незаметно для тебя вышел и таким образом не попадетя убийце, и злодеяние не будет совершено. Если же ты солгал, сказав, что твоего друга нет дома, и он действительно (хотя и незаметно для тебя) вышел, а убийца встретил его на улице и совершил преступление, то ты с полным основанием будешь виновен в его смерти.

Между тем, если бы ты сказал правду, насколько ты её знал, то, возможно, что, пока убийца отыскивал бы своего врага в его доме, он был бы схвачен сбежавшимися соседями, и убийства могло не быть: «...тот, кто лжет, какие бы добрые намерения он при этом не имел, должен отвечать и перед гражданским судьей и поплатиться за все последствия...: потому что правдивость есть долг..., и стоит только допустить малейшее исключение в исполнении этого закона, чтобы он стал шатким и бесполезным» [10, с. 258-259]. Ложь, какой бы благой она не была, всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо, по мнению философа, она делает неприменимым самый источник права.

Кантовское отрицание моральной и правовой допустимости «лжи во благо» стало для русской мысли камнем преткновения: «...когда кто-нибудь, не имея других средств помешать убийце, преследующему свою невинную жертву, скроет преследуемого у себя в доме и на вопрос убийцы, не находится ли здесь такой-то, ответит отрицательно,... то одно из двух: солгавши таким образом, он поступил или согласно с нравственным долгом, или противно ему» [10, с. 197].

Исследователь творчества Канта – А.Г. Мясников признает позицию немецкого философа вполне обоснованной и справедливой, несмотря на то, что она может кому-то не нравиться или казаться бесчеловечной, а чтобы преодолеть видимость противоречия, предлагает различать умолчание и отказ от общения, при этом высказывается в пользу последнего. Когда мы не хотим отвечать и умалчиваем о своем подлинном отношении к вопросу, делая видимость доверительного общения с человеком, то вводим его в заблуждение. А когда мы публично даем кому-то понять, что не желаем с ним доверительно общаться – это отказ от общения. «Отказываясь от общения, – говорит Мясников, мы не позволяем себе лгать, когда не можем быть искренними» [13, с. 139].

Отказ говорить не противоречит долгу правдивости. Так поступают многие герои, которые молча и стойко переносили невыносимые страдания, но предпочли смерть, нежели предательство и разглашение военной тайны (например, генерал Д.М. Карбышев, партизанка З.А. Космодемьянская). Но это не про героев новеллы Ж.-П.Сартра «Стена». Суть истории в том, что три приговоренных к смерти участника сопротивления ожидают смертной казни. Им нужно выдать своего лидера – Рамона Грису, который прячется в доме у родственников одного из них – Иббиеты. Чтобы посмеяться над своими палачами, он посылает их за Грисом на кладбище, потому что уверен, что его там не может быть. Однако по иронии судьбы, Грис оказывается именно там. Его убивают, а казнь Иббиеты отменяется... Жизнь сохранена, но как теперь с этим жить? Если ты солгал, даже, как ты считал, что «во имя спасения другого»,

отвечать за последствия лжи придется тебе. Почти как у Канта. Но уклониться от ответа не всегда бывает возможным и обоснованным (например, в отношении пациентов или близких людей).

Да, проблема «лжи во благо» не так проста, как может показаться, и является актуальной во многих литературных произведениях. Так, в рассказе О. Генри «Последний лист» данная тема приобретает даже трагические черты. История повествует о том, что одна юная художница, которую зовут Джонси – тяжело больна воспалением легких, «прикована» к постели и видит из своего окна только стену с обвитым плющом, с которого опадают листья. Так как надежды на выздоровление почти нет, Джонси приходит мысль, что когда опадут все листья с плюща – она умрет. И вот остался всего один лист, который... ненастной ночью тоже опадает. Старый бедный художник Берман, услышавший эту историю, холодной дождливой ночью рисует лист плюща на стене... Джонси выздоравливает, а Берман – простужается и умирает. Можно ли ложью спасти человека? Получается, что можно, но, став «благом» для одного человека ложь может обернуться смертельной опасностью для другого.

Тогда какое же это благо? Эта тема довольно часто встречается в литературе, кинематографе и театре. Так, в репертуаре московского театра «Ленком» есть спектакль Г. Панфилова «Ложь во спасение», в основе которого положена пьеса испанского драматурга Алехандро Касона «Деревья умирают стоя», где по своей сути «благая» ложь приводит к трагическим событиям и гибели главных героев.

В медицине, особенно, правдивость и конфиденциальность существуют часто в беспокойном напряжении. С одной стороны, всё социальное взаимодействие в медицине зависит от правдивой информации. С другой стороны, сообщение всего могло бы вести к бедствию. Врач, проводя анамнез состояния здоровья в своем кабинете, имеет обоснованное ожидание правдивого ответа на все вопросы, имеющие отношение к диагнозу. Пациент, который идет к врачу за диагнозом, также имеет обоснованное ожидание правды.

Но есть случаи, когда люди имеют необоснованные ожидания правды. Например, когда человек вас спрашивает о сексуальной жизни, финансах, судимости, болезнях, тайных амбициях и т. п., то он не имеет никакого обоснованного ожидания, что вы будете делиться ими с ним. Поэтому, правду должны сообщать тем, кто имеет право на правду. Если человек скрывает правду, уклоняется от вопроса, дает неоднозначный ответ или даже сообщает прямую неправду по вопросам, перечисленным выше, то его нельзя назвать лжецом. Ситуация отмечается в тех обстоятельствах, в которых у человека не требуют информации, а он сообщает её по собственной инициативе. В этих случаях, другой имеет обоснованное ожидание правды.

Пациент, таким образом, имеет право на правду, так как он нуждается в этой информации, чтобы принять решение относительно лечения. В других случаях, когда нет вопроса о лечении, пациент может иметь право на правдивую информацию, потому что он оплатил её. Например, пациент, который идет к

консультанту по генетике за информацией, относящейся не к лечению, а к браку, имеет право на правду. В этой обстановке, она – именно та информация, за которую он заплатил. Пациент также имеет право на информацию, когда он нуждается в ней, чтобы принимать важные немедицинские решения и избежать больших несчастий. Принципиальный пример этого – немедицинская потребность пациента знать, что он умирает.

С конца 50-х годов XX века в странах Западной Европы формируется ситуация, связанная с созданием действенных способов защиты людей от повседневных трагедий смерти. Характерными для нее были, прежде всего, неведение больного и желание его в этом неведении оставаться до самого последнего момента. По сведениям знаменитого французского историка Ф. Арьеса – автора известной книги «Человек перед лицом смерти» врачи и философы все чаще стали заявлять, что лжец – тот, кто говорит правду, а правда – это зло для больного. Да, в большинстве случаев «больной боится правды, однако слишком часто врачи не говорят ничего ради собственного удобства» [3, с. 483].

Религиозные мыслители подчеркивают, что умирающий человек должен примириться с Богом. Имеется также потребность устроить финансовые и личные дела, чтобы оставшиеся в живых родственники не страдали больше, чем необходимо. Личные дела могут включать не более чем прощение, но могут также требовать примирения с врагами или живущими отдельно членами семьи. Возможно, кому-то необходимо устроить будущее своих несовершеннолетних детей, найти им опекунов или позаботиться о престарелых родителях. Решение финансовых вопросов также очень важно: расплатиться с долгами, погасить ипотеку или вообще отказаться от нее.

А теперь можно себе представить ситуацию, когда врач, щадя и оберегая своего пациента от потрясений по поводу страшного смертельного диагноза, утаивает от него всю правду, либо называет диагноз не столь пугающий, то есть сознательно лжет. Сценариев может быть несколько:

1. Пациент начинает вести привычный для него образ жизни (а это, возможно, вредные привычки, переедание, переутомление, стрессы и т.п.). Болезнь при этом прогрессирует и может дойти до крайней стадии, может стать неоперабельной, вызвать рецидивы. Время упущено, и последствия могут быть непредсказуемыми.

2. Пациент, получив хорошие результаты исследования и диагностики, понимая, что он все-таки болен, начинает сомневаться в их правильности и точности. Неудовлетворенный диагностикой пациент идет к другому врачу (или в другую клинику) и повторяет исследования. Рано или поздно, пациент все равно узнает свой диагноз и прогнозы, но к своему лечащему врачу у него возникнет недоверие, претензии и т. п. Никто не любит, когда тебя обманывают или лечат некомпетентные врачи.

3. Пациент, довольный результатом обследований и диагностики постепенно приводит свою жизнь в порядок и строит новые жизненные планы. Он берет кредиты, оформляет ипотеку, входит в долги и т. п. Прогрессирующая

болезнь и скоротечная смерть могут изменить все планы, а долги, в конце концов, тяжелым бременем упадут на плечи детей, родителей или других родственников.

Можно сказать, что «ложь во благо» может из благой миссии стать тяжелой проблемой и привести не к спасению, а к усугублению болезни, состояния и обострить другие проблемы (например, личные, материально-финансовые, духовные и др.). Вся ответственность, в подобных ситуациях, возлагается на врача, скрывшего от больного объективный диагноз, состояние здоровья, течение болезни или ее прогностику.

Человек, столкнувшийся со смертельной болезнью, должен иметь в запасе определенное время для осознания своего положения и подготовке к уходу. Большинство людей боятся не смерти, а боятся умирания.

Люди не хотят боли, не хотят быть беспомощным. Люди, боятся процесса умирания и хотят «умереть во сне», не болея и не становясь грузом для окружающих. По мнению известного американского психотерапевта Кэррол У. Пэриш-Харра, именно «...конец нашей жизни – это время великой мудрости» [11, с.14]. Мы можем попроситься, раздать свои сокровища другим, поделиться словами мудрости и проделать внутреннюю работу: главным образом, простить себя и других. Мы должны показать пример своей семье и попроситься. Наши близкие и друзья по-новому увидят свое общение с нами и смогут достигнуть высокой духовности в эти моменты.

Когда говорят, что «ложь во благо», вполне допустима и целесообразна, то, как правило, потому, что люди зачастую не готовы услышать информацию о своем диагнозе, болезни, если они являются смертельными и неизлечимыми. Это воспринимается как приговор. Да и врачу изложить подобное нелегко, потому что жалко больного, не хочется наносить дополнительную травму. К тому же бытует мнение, что человек в подобной ситуации может совершить самоубийство или причинить себе какой-либо вред. Поэтому считается, что лучше сообщить всю правду относительно болезни не самому больному, а его родственникам или опекунам. То есть, в таком случае, врач просто перекладывает свои обязанности и всю ответственность на плечи родственников. А что делать родственникам? Сказать всю правду или умолчать? Получается замкнутый круг. Но, из любой ситуации, какой бы сложной она не была, всегда можно найти выход.

Во-первых, врач, и только врач должен сообщить больному о результатах обследования и сам диагноз, каким бы «страшным» он не был, т.к. это является его непосредственной обязанностью. Исключением являются ситуации, когда речь идет о несовершеннолетних (особенно – подростках), престарелых и недееспособных людях (например, психических больных). В данном случае вся информация сообщается родственникам или опекунам, которые должны принять решение относительно дальнейшего лечения больного родственника.

Во-вторых, диагноз сообщается больному или родственникам (опекунам) только после полной и абсолютной уверенности врача в его правильности и безошибочности. Поэтому, когда возникают сомнения, либо диагноз чересчур

тяжелый, то необходимо провести повторное или дополнительное обследование для уточнения диагноза.

В-третьих, результаты исследований и диагноз врач должен сообщить больному в тактичной, мягкой, понятной для него форме (возможно, без использования сложной терминологии). Как известно, что словом можно исцелить, так и убить человека. Изложив информацию, не должен делать конкретных прогнозов относительно болезни, можно лишь сослаться на статистические данные.

В-четвертых, сообщив результаты обследования и диагноз, врач должен дать человеку надежду на исцеление, помочь физически и морально побороть недуг. Врач и больной должны действовать как единое целое, согласованно и доверительно, так как цель у них одна – победить болезнь. Пациент должен чувствовать поддержку врача, его стремление помочь любыми возможными и даже невозможными средствами и методами. Больной не должен остаться один на один со своей бедой.

Таким образом, если пациент совершеннолетний, дееспособный, психически здоровый и адекватный, то врач должен сказать ему всю правду относительно его здоровья, но только в приемлемой для него форме и только после полного обследования и уточнения диагноза. Если диагноз звучит почти как «приговор» (например, онкология, СПИД и т. п.), то поддержка врача крайне необходима. Научно-технический прогресс идет вперед, практически каждый день делаются открытия в различных областях медицины, появляются новые препараты, методы диагностики и лечения, приборы и техника. И если сегодня болезнь еще считается неизлечимой, то, возможно, завтра все будет по-другому. Долг врача – помочь больному выздороветь, не забывая главные принципы биоэтики «Не навреди» и «Делай добро».

Человек – хозяин своей жизни, он свободен в выборе решения и в том, как ему поступить в сложной ситуации: смириться с болезнью или бороться до конца. Каждый человек должен иметь право знать истину, и, исходя из этого делать свой выбор.

Проблема лжи и «лжи во благо» определяется сложившимися в общественном сознании нравственными принципами. Научное обоснование их кроется в потенциале социологического исследования. Социологическое исследование, с одной стороны, выполняет функцию мониторинга, выявляет отношения людей к исследуемой проблеме, с другой – является эффективным способом определения причины данного феномена.

Такое исследование было проведено автором в 2014 г. на базе Челябинской государственной медицинской академии (Южно-Уральского государственного медицинского университета). Методом сплошного опроса (анкетирование) было изучено мнение 398 студентов 2-5 курсов лечебного, педиатрического, медико-профилактического, стоматологического и фармацевтического факультетов. Юноши составили 25,4% (n=101), девушки – 74,6% (n=297). Студенты 2-3 курсов – 64,8% (n=258), 4-5 курсов – 35,2% (n=140). Отношение студентов ко лжи и мотивы лжи отражены в таблицах 1-2.

Таблица 1

Отношение студентов ко лжи (в %)

№ п/п	Варианты ответа	Абс. (n=398)	%	Юноши (n=101)	Девушки (n=297)	2-3 курс (n=258)	4-5 курс (n=140)
1.	Отрицательно	304	76,4	55,4	83,6	82,5	62,1
2.	Нейтральное	72	18,1	29,7	14,1	10,1	32,9
3.	Положительно	17	4,2	10,9	2,0	6,2	3,6
4.	Не задумывались	5	1,3	4,0	0,3	1,2	1,4

Таблица 2

Причины и мотивы лжи (в %)

№ п/п	Варианты ответа	Абс. (n=398)	%	Юноши (n=101)	Девушки (n=297)	2-3 курс (n=258)	4-5 курс (n=140)
1.	Придать себе цену, повысить значимость, уважение окружающих	197	49,5	83,2	38,0	41,5	64,3
2.	Скрыть ошибки и недостатки, избежать наказание	201	50,5	29,0	57,6	67,4	19,3
3.	Получить награду, желаемое	158	39,7	71,3	29,0	44,6	30,7
4.	Сохранить хорошие отношения	173	43,4	15,8	52,9	23,3	80,7
5.	«Во благо»	315	79,1	77,2	79,8	72,0	92,1
6.	Из-за любви: вызвать или сохранить	114	28,6	29,7	28,2	25,6	34,3

	любовь						
7.	«Ложь принцип жизни»	31	7,8	9,9	7,0	6,6	10

Результаты исследования показали, что большая часть респондентов (более, чем три четверти) ко лжи относятся отрицательно, причём девушки и студенты младших курсов к ней более нетерпимы, чем юноши и студенты-старшекурсники. Нейтральное (безразличное) отношение ко лжи отметили почти четверть респондентов, и что характерно – это почти треть всех опрошенных юношей и студентов-старшекурсников. Получается, что с возрастом всё устойчивее формируется безразличие ко лжи и мужчины адаптируются к ней быстрее, чем женщины.

Основными причинами и мотивами лжи респонденты указывают ложь «во благо» себя или другого человека – (79,1%) и основная их часть (почти 100%) – студенты старших курсов. Половина опрошенных вполне допустимыми мотивами считают сокрытие своих (или чужих) ошибок и недостатков, избежание наказаний и порицаний, придача себе цены, для повышения значимости, уважения окружающих, сохранения хороших отношений с другими людьми. Скрыть ошибки и недостатки – наиболее приемлемый мотив для лжи отметили девушки и студенты младших курсов.

Позиция респондентов в отношении лжи к себе показана в таблицах 3-4.

Таблица 3

Ложь в отношении к себе (в %)

№ п/п	Варианты ответа	Абс. (n=398)	%	Юноши (n=101)	Девушек и (n=297)	2-3 курс (n=258)	4-5 курс (n=140)
1.	Крайне отрицательно	237	59,5	55,4	60,9	77,5	26,4
2.	Отрицательно	155	39,0	38,6	39,1	21,7	70,7
3.	Безразлично	6	1,5	5,9	-	0,8	2,8
4.	Положительно	-	-	-	-	-	-
5.	Очень положительно	-	-	-	-	-	-

Таблица 4

Отношение студентов к людям, обманывающих их (в %)

№ п/п	Варианты ответа	Абс. (n=398)	%	Юноши (n=101)	Девушки и (n=297)	2-3 курс (n=258)	4-5 курс (n=140)
1.	Искренне и безусловно прощу	13	3,3	-	4,4	1,9	5,7
2.	Прощу, но выскажу недовольство	43	10,8	5,0	12,8	7,4	17,1
3.	Обижусь и потребую извинений	270	67,8	50,5	73,7	69,4	65,0
4.	Выскажу свое возмущение и перестану общаться	41	10,3	22,2	6,0	11,2	8,6
5.	Не прощу, разорву отношения	24	6,0	15,8	2,7	7,4	3,6
6.	Другое (набью, убью)	7	1,8	5,9	0,3	2,7	-

Данные результатов исследования показывают, что практически все респонденты отрицательно относятся ко лжи в отношении себя. Позицию «крайне отрицательно» отметили больше всего студенты младших курсов и девушки, а «отрицательно» – студенты старших курсов, которые, как показало исследование – наиболее терпимы ко лжи.

Основная реакция на ложь у большинства респондентов – обида на лжеца и требование извинений за причиненное оскорбление, среди них преобладают девушки и студенты младших курсов. Прощение лжеца – не является популярным вариантом ответа, и процентное отношение таких респондентов увеличивается к старшим курсам. Крайне негативное отношение к лжецам (пятая часть опрошенных) характерно для юношей и студентам младших курсов.

Отношение студентов медицинской академии ко «лжи во благо» представлено в таблицах 5-6.

Таблица 5

Отношение ко «лжи во благо» (в %)

№ п/п	Варианты ответа	Абс. (n=398)	%	Юноши (n=101)	Девушки и (n=297)	2-3 курс (n=258)	4-5 курс (n=140)
-------	-----------------	--------------	---	---------------	-------------------	------------------	------------------

1.	Положительно	305	76,6	68,3	79,5	78,6	72,9
2.	Отрицательно	83	20,9	29,7	17,8	17,8	26,4
3.	Затруднились ответить	10	2,5	1,9	2,7	3,5	0,7

Таблица 6

Допустимость «лжи во благо» (в %)

№ п/п	Варианты ответа	Абс. (n=398)	%	Юноши (n=101)	Девушки и (n=297)	2-3 курс (n=258)	4-5 курс (n=140)
1.	«У постели больного»	309	77,6	53,5	85,9	91,1	52,9
2.	Для сохранения жизни, здоровья и чести близкого человека	61	15,3	28,7	10,8	5,0	34,3
3.	Для сохранения семьи, брака и любви	22	5,5	3,0	6,4	2,7	10,7
4.	Для сохранения дружбы и хороших отношений	6	1,5	5,0	0,3	1,2	2,1

Полученные в результате исследования эмпирические данные указывают на то, что большая часть опрошенных (три четверти) вполне позитивно относятся ко лжи «во благо» или «во спасение» и распределение процентов по полу и учебным курсам примерно одинаковое – почти все респонденты такую ложь принимают. Основным показанием для «лжи во благо» половина опрошенных отметила – «у постели больного», то есть ложь врача больному относительно его диагноза, эффективности лечения, прогнозов и других вопросов, касающихся здоровья и жизни. Среди студентов старших курсов таких оказалось лишь половина. Другие ответы: «сохранение жизни и безопасности близких», «сохранение любви, семьи и брака», «сохранение

дружбы, хороших отношений с людьми» допустимыми в отношении лжи не оказались.

Характерную позицию будущих врачей можно объяснить доминированием в их мировоззрении патерналистской модели отношения врач – пациент, в основу которой положен принцип «Приноси пользу пациенту и не наноси вреда». Этот принцип лежит в основе обучения студентов медицинских вузов, его поддерживают и многие преподаватели-врачи. Но рассмотренная модель основана на ошибке обобщенной экспертизы. То есть эта модель принимает, что, так как врач – эксперт в медицине, он – также является экспертом относительно жизни вообще. Врач берет на себя моральное превосходство над пациентом, в том числе и относительно того, говорить правду пациенту или нет.

Таким образом, у студентов формируется устойчивое мнение, что лучше «сладкая» ложь, чем «горькая» правда, которая может усугубить положение больного. Возможно и так, но если между врачом и пациентом устанавливаются коллегиальные отношения, где они «как коллеги», сотрудничающие в преследовании общей цели – исцеление болезни, сохранение здоровья или ослабление боли (страдания) умирающего человека, то данная позиция будет неприемлема. В современной медицине основную роль должны играть именно такие отношения, где ложь даже в благих целях будет просто недопустима.

О лжи и лжи во «благо» написано очень много научных работ и вам была предложена всего лишь одна из многих точек зрения. Позицию самого автора к данной проблеме, в целом, можно выразить словами Сатина из горьковской пьесы «На дне»: «Кто слаб душой... и кто живёт чужими соками – тем ложь нужна... одних она поддерживает, другие – прикрываются ею... А кто – сам себе хозяин... кто независим и не жрёт чужого – зачем тому ложь? Ложь – религия рабов и хозяев... Правда – бог свободного человека!» [5, с.155].

Список использованной литературы:

1. Аристотель. Сочинения. В 4-х томах. Т. 2. / Пер. с древнегреч.; Ред. З.Н. Микеладзе. М.: «Мысль», 1978. 687 с.
2. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. 830 с.
3. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. / Общ. ред. Оболенский С.В.; Предисл. Гуревич А.Я. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. 528 с.
4. Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х томах. Т. 2. Сост. общ. ред. и вступит. статья А.Л. Субботина. М.: «Мысль», 1978. 575 с.
5. Горький М. Собрание сочинений в шестнадцати томах. Т. XV. / Ред. Л.Г. Краснюк. М.: Издательство «Правда», 1979. 367 с.
6. Гельвеций К. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Сост. общ. ред. и вступит. статья Х.Н. Момджяна. М.: «Мысль», 1973. 647 с.

7. Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. – 1989. № 11. С. 64-76.
8. Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Интерпракс, 1992. 624 с.
9. Древнеиндийская философия. Начальный период. Пер. с санскрита. Подготовка текстов, вступит. статья и коммент. В.В. Бродова. М.: «Мысль», 1972. 271 с.
10. Кант И. Сочинения: В 8-и т. Т. 8. / Пер. с нем. М.: Чоро, 1994. 716 с.
11. Кэрол У. Пэрриш-Харра. Смерть и умирание: новый взгляд на проблему. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2003. 224 с.
12. Монтень М. Опыты. В 3-х книгах. Кн. 2. / Пер. с фр. М.: Голос, 1992. 560 с.
13. Мясников А.Г. Проблема права на ложь // Вопросы философии. – 2007. № 6. С. 130-141.
14. Ницше Ф. Как говорил Заратустра // По ту сторону добра и зла: Сочинения. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 295-556.
15. Платон. Сочинения в 3-х томах. Пер. с древнегреч.; Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Т. 3. Ч. 1. Ред. В.Ф. Асмус. М.: «Мысль», 1971. 687 с.
16. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии: [пер. с фр.]. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 925 с.
17. Свт. Игнатий (Брянчанинов). Собрание соч. в 7-и т. Т. 2. Аскетические опыты. М.: «Ковчег», 2005. 831 с.
18. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Издание подготовил С.А. Ошеров. М.: Научно-издательский центр «Ладомир» – Наука, 1993. 383 с.
19. Соловьев В.С. Оправдание добра. Сочинения: В 2-х томах. Т.1./ Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги; Примеч. Л.С. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. 892 с.
20. Федоров Н.Ф. Сочинения / Общ. ред. А.В. Гулыги; Вступ. статья прим. и сост. И.Г. Семёновой М.: «Мысль», 1982. 711 с.
21. Философская энциклопедия. В 5-и т. Т. 2. / Гл. ред. Константинов В.Ф. М.: «Советская энциклопедия», 1962. 776 с.
22. Философский словарь / А.И. Абрамов и др.; Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 719 с.
23. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. / Пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. 635 с.
24. Хайдеггер М. О сущности истины // Разговор на проселочной дороге (Избранные статьи позднего периода). М.: «Высшая школа», 1991. С. 8-27.

Глава 14.

ПРОБЛЕМА РОСТА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В ЭПОХУ БИМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

*Аспирант кафедры философии, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», г. Челябинск
Кожуховская Анастасия Анатольевна*

На сегодняшний день фармацевтический рынок представляет собой очень большой ассортимент. Этот ассортимент представлен самыми различными товарами (лекарственные препараты, БАДы, детское питание, средства гигиены, косметика, минеральные воды, медицинская техника, ортопедия). Бесспорно, основную долю товарооборота в аптеках составляют лекарственные препараты, которые в свою очередь представлены большим разнообразием лекарственных форм: от растворов до твёрдых лекарственных форм с таргетной доставкой лекарства.

Согласно данным Ежемесячного розничного аудита фармацевтического рынка России, проводимого ЗАО «Группа ДСМ» (DSM Group), в 2018 году через аптеки было реализовано 5,3 млрд. упаковок лекарственных препаратов на сумму порядка 991,9 млрд. рублей (в розничных ценах). При сравнении с 2017 годом продажи лекарств выросли на 4,6% в стоимостном и на 4,9% в натуральном эквиваленте. В целом за 2018 год доля российских препаратов составила 29,2% в стоимостном и 59,0% в натуральном выражении. Объём реализации отечественных препаратов вырос более заметно, чем продажи импортных лекарств: +6,2% в рублях и +5,3% в упаковках. Как результат, удельный вес российских препаратов в структуре аптечных продаж продолжает увеличиваться, причём рост доли происходил как в стоимостном объёме, так и в натуральном эквиваленте [11].

Группы «Гигиена и косметика» и «БАДы» выросли на 0,6% и 0,5% соответственно, при этом доля наиболее популярной группы «Лекарственные средства» снизилась на 1,1% в упаковках по сравнению с октябрём и составила 55,2%. Среди всех подгрупп по-прежнему лидирует «Пищеварительный тракт и обмен веществ». Доля данной подгруппы в общем объёме аптечных продаж Arteka.ru в упаковках увеличилась на 0,12% и составила 6,9%. При этом подгруппу «Сердечно-сосудистые препараты» по итогам ноября отделиют от первого места лишь 14 проданных упаковок [6]. По данным статистики видно, что на сегодняшний день продажи лекарственных препаратов очень высоки и продолжают расти. В этой тенденции можно рассмотреть как положительные, так и отрицательные моменты.

Из положительных явлений для покупателя можно выделить то, что отсутствует нехватка лекарственных препаратов в аптеках. Покупатель всегда сможет приобрести необходимый ему препарат в шаговой доступности, либо сможет приобрести аналогичный препарат с таким же составом с

консультацией провизора/фармацевта. Для производителей, аптек и торговых компаний высокие продажи ведут к большей прибыли.

К отрицательным явлениям можно отнести такие факторы как *фальсификация лекарственных препаратов, навязчивая реклама лекарственных препаратов, агитация врачей и провизоров медицинскими представителями*. Рассмотрим их подробнее.

Фальсификация лекарственных препаратов как форма обмана

В научной литературе «фальсифицированное лекарственное средство (remediumfalsificatum [лат. falsificatus = falsum ложь + facere, factum делать = подделанный] – лекарственное средство, сопровождаемое ложной информацией о его составе и (или) производителе (ФЗ РФ № 61 от 12.04.2010 «Об обращении лекарственных средств»; лекарственный препарат, преднамеренно и обманным образом снабжённый ложной маркировкой в отношении его подлинности и/или производителя (ВОЗ)» [2, с. 134]. Фальсифицированные (контрафактные) лекарственные средства – это лекарственные средства, действительное наименование или происхождение которых намеренно скрыто. Вместо этого неправомерно использовано обозначение зарегистрированного продукта с его торговой маркой, упаковкой и другими признаками. В большинстве случаев эти лекарства неэквивалентны оригинальным препаратам по качеству, эффективности и безопасности.

Фальсификация лекарственных препаратов является следствием, как большого товарооборота лекарственных препаратов, так и их огромного ассортимента. Одной из причин распространения контрафактной продукции в России является неконтролируемый рост фармацевтического рынка, огромное количество посредников на этапе продвижения препаратов от производителя к потребителю. При гигантских объёмах производства лекарственных препаратов государственным органам нереально отслеживать все партии производимых лекарств. Фальсифицированные препараты могут не только не принести нужного эффекта от лекарства, но и могут нанести тяжёлый вред побочным действием.

По данным ВОЗ до 1% лекарственных средств, имеющих на фармацевтическом рынке развитых стран, являются фальсифицированными. Возрастая до 10% в глобальном масштабе, в некоторых районах Африки, Азии и Латинской Америки, фальсифицированные лекарственные средства могут составлять до 30% фармацевтического рынка, обеспечивая последнему, с точки зрения прибыльности, третье место после продажи оружия и наркотиков [12].

Подавляющее большинство «левых» лекарств – это наиболее востребованные и недешевые зарубежные препараты. В структуре фальсификатов лидируют антибиотики, пищеварительные ферменты, антигистаминные препараты, спазмолитики, противовоспалительные средства. По данным МВД, ежегодно к административной ответственности привлекается не более тысячи человек, занимающихся продажей поддельных лекарств, а к уголовной ответственности – в десятки раз меньше [8].

«Навязчивая» реклама лекарственных препаратов как форма обмана

Согласно Федеральному закону от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О рекламе» разрешена реклама только безрецептурных препаратов [7]. «Навязчивая» реклама безрецептурных лекарственных препаратов привела к огромным масштабам самолечения населения. Бесконтрольное применение лекарственных средств часто приводит к прогрессии заболевания, которое может перерасти и в сопутствующие заболевания. Например, купируя сильный кашель одними муколитиками, можно запустить такое серьёзное заболевание как воспаление лёгких. Воспаление лёгких (пневмония) – воспаление лёгочной ткани, как правило, инфекционного происхождения с преимущественным поражением альвеол (развитием в них воспалительной экссудации) и интерстициальной ткани лёгкого [10].

Во всём мире пневмонией заболевают около 17 миллионов человек в год, около 265 тысяч случаев заканчиваются смертельным исходом. От воспаления лёгких умирает каждый 64 заболевший этой опасной болезнью. В добавление к этому, воспаление лёгких даёт опасные осложнения различным органам заболевшего человека. Основным препаратом для лечения воспаления лёгких является антибиотик, который в свою очередь назначается лечащим врачом [4].

Таким образом, слушая советы рекламы, человек с приступами кашля, занимаясь самолечением, может довести себя до летального исхода. В рекламе оговаривают, что перед применением препаратов необходима консультация специалиста, но никто не рассказывает о конкретных побочных нежелательных действиях препарата и о возможных сопутствующих тяжёлых заболеваниях, при которых необходим срочный осмотр у врача.

Введение в заблуждение врачей и провизоров медицинскими представителями как форма обмана

Специалисты должны знать полную информацию о лекарственном препарате, чтобы грамотно и безошибочно назначить препарат, и осуществить его отпуск. Но, как медицинские и фармацевтические работники должны преуспевать изучать новые препараты, несмотря на свой и без того плотный график работы? На помощь врачам и провизорам приходят медицинские представители различных фармацевтических компаний. Они консультируют врачей в больницах и поликлиниках, провизоров – в аптеках, рассказывают о новых препаратах, выдают рекламные буклеты, а иногда и пробные продукты.

Довольно часто медицинские представители фармацевтических компаний устраивают обучающие конференции для врачей и провизоров. Главная проблема заключается в том, что доклады медицинских представителей не несут полной информативности. Они, как правило, озвучивают только достоинства препарата, но информацию о его побочных действиях и их последствиях на здоровье человека, как правило, умалчивают. Можно сказать, что в процессе презентации препарата предоставляется ложная информация или фальсификация.

Медицинские представители фармацевтических компаний должны предоставлять медицинским работникам достоверную и объективную информацию, основанную на результатах научных исследований, а не

использовать непроверенные данные, выдавая желаемые результаты (например, быстрое и безболезненное исцеление без побочных эффектов) за истину.

В правовом аспекте (в соответствии со ст. 67.1 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ) фармацевтические компании в отношении медицинских работников и руководителей медицинских организаций не вправе предоставлять недостоверную и (или) неполную информацию о лекарственных препаратах [5]. Но фармацевтический бизнес является весьма доходным и перспективным направлением деятельности и при этом с очень высокой рыночной конкуренцией, что и приводит к использованию фальсификации на рынке продвижения новых лекарственных препаратов.

Задачей фармацевтических компаний является достижение высоких продаж их продукции. Для реализации поставленной задачи компании используют незаконные, неэтические, негуманные способы продвижения своей продукции. С целью извлечения большей прибыли фармацевтических производителей не затрагивает проблема здоровья населения, которая с гуманной точки зрения должна быть ведущей на всех этапах фармацевтического дела. Назначение препарата без учёта всех противопоказаний и нежелательных побочных действий может быть угрозой здоровья и жизни человека.

Таким образом, обман потребителя происходит практически во всех сферах здравоохранения. Это явление можно объяснить современной «потребительской» идеологией общества, которая характеризуется повсеместным извлечением коммерческой прибыли из всего возможного.

На пороге человечества сегодня стоят современные биомедицинские технологии, которые ещё только ждут массового внедрения в жизнь общества, например как в своё время иммунобиологические препараты (вакцины, сыворотки). Некоторые современные биомедицинские технологии, например персональная расшифровка генома, доступны и в нашей стране, но являются весьма дорогостоящими. Широкое внедрение в жизнь биомедицинских технологий может привести к самым различным формам фальсификации медицинских услуг. Самым устрашающим образом можно представить себе последствия использования биологического материала человека в корыстных коммерческих целях. Так, научные исследования, осуществляющиеся в геномных, биотехнологических компаниях, требуют от их представителей рискованных заявлений и инвестиций и сопровождаются риском сочетания разнородных этических установок и идеологий с одной стороны, а с другой – гибкого дискурсивного пиар-аппарата менеджеров компаний, нацеленных на достижение успеха любой ценой [1].

Особую тревогу вызывает коммерциализация клеточной терапии, которая побуждает некоторых недобросовестных исследователей к проведению необоснованных операций, созданию дорогих клеточных препаратов с грубыми нарушениями общепринятых этических норм, использования поддельных (неоригинальных) материалов [12].

Подводя итоги, можно сказать, что наше общество не готово к широкому внедрению биомедицинских технологий в повседневную жизнь, несмотря на то, что они приносят большую пользу человеку и делают его жизнь более комфортной. В целях успешного и гармоничного развития человека современное общество должно перейти от идеологии потребительства на установки, основанные на гармонизации отношений с природой.

Список использованной литературы:

1. Волков А.В. Наука в эпоху биокапитализма // Вопросы философии. 2014. №10. С. 57-68.
2. Куликов Ю.А. Фармацевтический энциклопедический словарь / Ю.А. Куликов, А.И. Сливкин, Т.Г. Афанасьева / Под ред. В.Г. Вышковского, Ю.А. Куликова. М.: ВЕДАНТА, 2015. 352 с.
3. Лопухин Ю.М., Гусев С.А. Этические проблемы стволовых клеток // Вестник Российской академии медицинских наук. 2004. № 9. С. 19-21.
4. Нетесов С. Ближневосточная пневмония стала ещё и корейской, но это не пандемия. Ъ-Наука [Электронный ресурс]: URL:<https://www.kommersant.ru/doc/2810170> (дата обращения: 02.09.2019).
5. Об обращении лекарственных средств [Электронный ресурс]: федер. закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ (ред. от 03.07.2016) – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/ (дата обращения 27.09.2019)
6. Объем аптечных продаж Apteka.ru превысил 50 млн упаковок [Электронный ресурс]: URL:<https://pharmvestnik.ru>(дата обращения: 02.09.2019)
7. О рекламе [Электронный ресурс]: федер. закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 01.05.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.05.2019). Статья 24. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения 25.09.2019)
8. Равинская Т., Раскин А., Разборова В. Мел и драма // Vademecum. 2013. № 1. С. 36-38.
9. Рост фальсификата на фармакологическом рынке РФ. [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/obshchestvo/>(дата обращения: 02.09.2019)
10. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 1600 с.
11. Итоги 2018 года. Розничный сегмент фармацевтического рынка России [Электронный ресурс]: URL:<https://dsm.ru>(дата обращения: 02.09.2019).
12. Pharmaceuticalcrime. [Электронный ресурс]: URL:<http://www.interpol.int/Crime-areas/Pharmaceutical-crime/The-dangers>(дата обращения: 02.09.2019)

Глава 15.

ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ, ФАЛЬСИФИКАЦИЯ И ПРОПАГАНДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Педагогического института Владимирского государственного университета
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир
Ляпанов Артем Владимирович*

История, как и любая наука, имеет свой объект и предмет изучения. Объектом изучения истории является исторический факт, то есть объективно (независимо от исследователя) существующая действительность. В этом смысле история стремится познать истину. Однако, несмотря на необходимость объективного анализа, произвести таковой является крайне сложной задачей по целому ряду причин. Во-первых, историк тоже человек и, как говорится, ничто человеческое ему не чуждо. На него оказывают влияние множество факторов, как внутренних (социальное положение, уровень жизни, образования и пр.) так и внешних (среда, окружение, власть и пр.). Во-вторых, общество постоянно изменяется, меняется и «прочтение» исторического прошлого. В-третьих, историю зачастую используют как идеологическое и политическое орудие в борьбе за власть. Поэтому достичь истинного знания в исторической науке крайне сложная задача.

Очень часто историк может «заблуждаться» на тот или иной счет в силу недостаточности и недостоверности информации, содержащейся в исторических источниках. Подобное «заблуждение» вполне понятно и, в известной степени, простительно.

Гораздо страшнее, если речь идет о сознательном введении читателя в заблуждение, о лжи и фальсификации данных. К сожалению, наша историческая наука далеко не безгрешна.

Если говорить о начальных этапах нашей отечественной истории, то многие историки отмечают скудость источников по данному периоду. В X-XV вв. исторические факты, события и их анализ находили отражение преимущественно в летописных сочинениях. Так, самая известная начальная летопись монаха Киево-Печерского монастыря Нестора «Повесть временных лет» представляет собой свод XII в., дошедший до нас в составе Лаврентьевского списка 1377 г. и Ипатьевского списка XIV—XV вв. В ней мы находим практически самостоятельное литературное произведение, посвященное крещению Руси. Давайте начнем рассматривать проблему

тенденциозного (необъективного) освещения тех или иных событий в истории на данном примере.

В летописи мы встречаем отрывок, посвященный выбору веры князем Владимиром. «В год 986 приходили к Владимиру болгары магометанской веры..., иноземцы из Рима..., хазарские евреи ... и греческий философ». Именно беседе князя с последним автор уделяет несоизмеримо большее внимание. Тенденциозность прослеживается и при описании посольства, которое направил князь в следующем году с целью «испытания веры» [11, с. 27-34]. Субъективность в данном случае может быть объяснена множеством фактором, таких как личность автора летописи, время составления, тем что «если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей», геополитическими причинами – Византия в то время являлась крупнейшим государством, с которым было выгодно породниться верою, и пр.. Все это вполне объяснимо и может быть принято.

Однако, далее мы обращаем внимание на сам процесс крещения Руси. После крещения Владимира в Корсуни, он вернулся в Киев, поверг идолов и назначил дату крещения горожан. «Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре» [11,с. 37]. Создается очень благодная картина принятия христианства населением не только Киева, но и всей Руси.

В летописи Нестора мы не встретим упоминаний о каких-либо народных волнениях, вызванных данным событием. Однако в более поздних [Иоакимовской](#) и [Никоновской летописях мы можем найти сюжет о](#) введении христианства в [Великом Новгороде](#) в 990—991 годах, и этот процесс проходил уже не столь беспрепятственно [12]. Ожесточённое сопротивление крещению по мнению ряда историков возникло оттого, что оно осуществлялось по велению Киева и, следовательно, являлось инструментом укрепления киевского господства, тягостного для новгородской общины [14].

Признавая возможность данного обоснования, мы все же считаем неправомерным приуменьшать приверженность народов, населявших Киевскую Русь, язычеству. Не отказываются от веры предков столь легко, как это было показано в «Повести временных лет», даже в угоду верховному правителю. И волнения в Великом Новгороде, скорее всего, далеко не единичный случай противления политики христианизации князя и его потомков. Процесс этот растянулся на десятилетия и даже столетия. Слишком уж далеки были христианские ритуалы, мифы от привычного славянского уклада жизни. Незнакомая и далекая Палестина, пустыни, сам Иисус Христос совершенно не вписывались в мировоззрение простого люда. Добавим к этому, что самоназвание «крестьянин» («христианин») закрепилось на Руси только в XIII в. [15,с. 71]

Подтверждением наших слов является еще один сюжет отечественной истории, также связанный с процессами, протекающими внутри уже сформировавшейся Русской Православной Церкви. Речь идет о церковном расколе середины XVII в. Реформа патриарха Никона и царя Алексея

Михайловича Романова имела своей целью сделать Русское государство более привлекательным для иноземных православных в свете падения Византии, а также с учетом недавнего присоединения Малороссии и концепции «Москва – третий Рим». Реформа коснулась переписывания старых русских церковных книг в соответствии с новыми греческими образцами (тут либо мы переписываем, либо они, но нам-то нужнее), замены двоеперстия на троеперстие, отмены земных поклонов и замены их поясными, изменения направления крестного хода (против солнца), написания слова Иисус (раньше Иисус) и т.д.

Обращаем внимание, что данные изменения затрагивали в основном обрядовую сторону, но основы веры оставались неизменными. Никто не вводил новую веру. Однако, все мы знаем последствия этих нововведений для нашего народа и государства. Реформа Никона привела к расколу церкви на господствующую и старообрядческую. Церковный раскол стал расколом русского общества, разобщил его. Народ в своей общей массе не принял нововведения. Тому свидетельством множество восстаний. Достаточно упомянуть вооружённое сопротивление монахов Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря с 1668 по 1676 гг., известное также как Соловецкое сидение. Восстание было жестоко подавлено. Да и в дальнейшем старообрядцы подвергались гонениям со стороны официальных властей и церкви.

На примере двух этих сюжетов: «смирненного» на первый взгляд крещения Руси и Церковной реформы Патриарха Никона можно проиллюстрировать тенденциозный характер многих исторических источников и исследований.

Однако, это вовсе не означает тотальную ангажированность всей исторической науки. Повторюсь еще раз, история стремится к получению объективного знания о прошлом.

В 30-е годы XX века возникла так называемая Школа «Анналов» – историческое направление, основанное Люсьеном Февром и Марком Блоком, которая утверждает, что источник сам по себе нем, важна личность исследователя, именно он задаёт ему вопросы. Следовательно, ценностью может обладать даже фальсифицированный источник, так как он может рассказать нам почему фальшивка появилась и кому это было выгодно.

В отечественной исторической науке интерес к этой проблеме фальсификации значительно возрос на рубеже XX-XIX веков. Большое количество специалистов стали затрагивать эту тему в своих работах. В качестве иллюстрации можно привести пример руководителя Федеральной архивной службы России члена-корреспондента РАН Козлова В.П., который написал две обширные работы, посвященные фальсификации письменных источников: «Обманутая, но торжествующая Клио (Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке)», «Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII XXI веков» [6,7].

Искажение истории находит свое отражение и в литературных произведениях. Антиутопия Джорджа Оруэлла «1984», повествует о

фальсификации истории как о целостном процессе, и виновником этого автор показывает верховную власть государства.

В 2009 году был сделан особый шаг, направленный на противоборство дальнейшему разрастанию данного явления. Был подписан указ Президента РФ Д.А. Медведева от 15 мая 2009 г. № 549 «О комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» [16].

Такое большое внимание к проблеме говорит о ее обширности и значимости. Искажение исторических знаний может привести, например, к потере национального самосознания при фальсификации фактов о национальных движениях; к обесцениванию великих побед, если ложно трактуются события Второй мировой войны; к искоренению такого понятия, как патриотизм при некорректном рассмотрении периода «сталинизм».

При этом, вопрос о том, что же считать фальсификацией исторического знания не достаточно ясен. Подлоги исторических источников, бесспорно, являются искажением фактов и научным преступлением. «Хожение Иванова Олельковича сына Наугородца» использовавшийся в работах «Путь на Грумант», «По студеным морям» К. С. Бадигиным как источник был признан современной подделкой [4]. Фальсификацию можно связать с ведущейся борьбой в 40-50 годы с «космополитизмом».

Другой аспект фальсификации это принижение или вовсе изничтожение значения деятельности государства или отдельных личностей в истории. Так в настоящее время остро стоит вопрос о вкладе Советского союза в победу над фашизмом. Распространяется мнение, что роль советско-германского фронта не столь уж и велика. Существуют точки зрения, что СССР развязало войну совместно с Фашисткой Германией. В 1995 г. в Вашингтоне праздновали 50-летие победы во Второй мировой войне, представители России на это торжество приглашены не были. Это был оскорбительный момент для страны. Исторические «мифы» порождают не только путаницу, но и влияют на внешнеполитические отношения государств.

К фальсификации также можно отнести «иносказание». Отождествление разных понятий или явлений так же искажает историческую действительность.

Отдельный вопрос, является ли сокрытие фактов, источников фальсификацией истории. После событий 14 декабря 1825 года в течение нескольких лет появилось огромное количество трудов и исторических работ, связанных с восстанием декабристов. Барон М. Корф писал свои работы, объясняя восстание в соответствии с официальной правительственной концепцией. В его трудах «Историческое описание 14-го декабря и предшествовавших ему событий», «Четырнадцатое декабря 1825 г.», «Восшествие на престол императора Николая I» не были освящены проекты преобразований, не говорилось об идеях декабристов. По своей сути сокрытие неких фактов не является фальсификацией. При поверхностном изучении таких случаев, действительно, можно прийти к выводу, что здесь не присутствует сознательное искажение исторических событий. Но при подробном изучении

выявляются грубейшие нарушения при сокрытии источников или определенных данных.

«Фальсификацию истории в узком прагматичном смысле можно определить как, сознательное искажение исторических фактов, их тенденциозную трактовку, выборочное цитирование и манипуляции с источниками с целью создания искаженного образа исторической реальности» [9]. Умолчание фактов или сокрытие источников ведет к неправильной трактовки исторических событий. Такое отношение к фактом искажает историческую действительность. Тот же М. Корф считал декабристов «сборищем цареубийц». Он писал «Горсть безумцев, чуждых святой Руси, без корней в прошлом и перспектив в будущем».

Фальсификация – умолчание характерно не только для монархии. При праздновании пятидесятилетия первого полета человека в космос, на плакатах со шлема Гагарина исчезли буквы «СССР». Необходимо понять, почему искажаются исторические факты. Для этого следует обратить внимание на причины фальсификации истории.

Самая распространенная причина фальсификации – это политика. Инициатива по умолчанию проектов преобразования декабристов была осуществленная со стороны правительства. М. Корф, как и многие другие, кто в своих работах не освещал идеи молодых дворян, был приверженцем охранительно-монархической концепции. Такой подход к изучению был призван сохранить самодержавный строй в государстве, опубликование такого рода материала могло подорвать существующие порядки, что было недопустимо.

Фальсификация истории со стороны других государств происходит для поднятия авторитета и патриотических чувств населения. Не малую роль в таком искажении фактов играет политика. Украинская история изобилует фальсификациями многие из которых связаны с Россией и русским народом. Так считается, что число жертв в Хатыни искажено советскими историками в сторону значительного увеличения, часть преступлений в районе Бабьего Яра выдумкой, гетман Мазепа, предавший Россию и перешедший на сторону врага – Швеции, поступил как национальный герой Украины.

Еще одной причиной фальсификации исторического прошлого является недостаточная обоснованность и проверка выдвигаемых концепций, теорий. В современном мире каждый человек может выдвинуть свою концепцию и пересмотреть все существующие догматы науки. Зачастую это совершают люди, не имеющие никакого специального образования. Выкладывая свои «теории» в сеть «Интернет» они стимулируют распространение исторических мифов. Зачастую такие «ученые» не опираются на источники. А если и включают их в свои работы, то крайне не профессионально подходят к изучению материала. Большое количество людей могут ознакомиться с работой и принять искажение за реально существующие факты.

К сожалению, Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам

России прекратила свое существование с указом Президента Российской Федерации от 14 февраля 2012 года № 183 указ № 549 [16]. Но борьба против искажения исторического прошлого не прекращается.

К сожалению, люди постоянно окружают себя собственными проекциями, копиями или удобными моделями, которые подчас подменяют реальность. Как мы уже поняли, это особенно наглядно прослеживается в политике, как на современном этапе, так и в прошлом. Из тех высоких смысловых критериев, которые поучали человечество служить чему-то большему, чем оно само, чему-то более существенному, объемлющему, беспредельному (например, коммунизм, коллективизация, модернизация и пр.), люди были низведены до способов самоутверждения общечеловеческих интересов [1]. Сегодня проблема истины актуализируется тем, что во всех сферах жизни общества вновь происходят изменения, влекущие за собой трансформацию ценностных ориентаций [8].

Понятие «истина» является одним из важнейших в общей системе мировоззренческих категорий. Оно находится в одном ряду с такими понятиями как: «справедливость», «добро», «смысл жизни». От того, как истолковывается истина, достижима ли она, зависит и жизненная позиция человека. Истина есть правильное, адекватное отражение предметов и явлений действительности познающим субъектом [13, с. 182]. Но истина и действительность, – две большие разности. Действительность существует независимо от познающего субъекта. Истина же появляется в результате познания людьми этой реальности. Нередко в обществе истина подменяется или трактуется неверно. Так истина принимает форму лжи.

Для определения лжи применяются различные категории. В обыденном сознании ложь обычно отождествляется с негативным, социально неодобряемым действием - обманом, который определяют либо как синоним лжи, либо как процесс порождающий ложь [5]. Ложь всегда присутствует в обществе. Очень тонок момент, когда происходит оценка целей, ради которых человек, целая группа лгут или искажают правду. Ярким историческим примером служит уже упоминавшийся выше летописный свод «Повесть временных лет» монаха Киево-Печерского монастыря Нестора. Описывая исторические события, автор менял свой взгляд в зависимости от ситуации, как правило, возвышая христианскую церковь и деятельность киевских князей. Все это было сделано для того, что бы показать значение Киевской Руси в контексте мировой истории и влияние народа на историю других государств.

Не секрет, что существует ряд профессий: дипломатия, политика, военное искусство и др., в ходе которых актеры скрывают свои истинные намерения и цели, используют различные ухищрения и манипулируют объектами воздействия. Такая профессиональная деятельность тесно связана с социально-политическим заказом, когда субъекты полагают, что их деятельность будет одобрена обществом и им поддержана. Таким образом, истина искажается и происходит подмена ценностных ориентиров, иначе говоря, люди начинают верить лжи.

Но ложь не может быть представлена обществу в открытом виде. На подготовительном этапе осуществляется пропаганда этих ложных ценностей. А так как она действует в обществе, то принимает форму социальной пропаганды. С легкой руки французского социолога Жака Эллюля такого рода ненамеренная пропаганда получила довольно необычное название – социологическая пропаганда. Рядом с социальной стоит и политическая пропаганда. Политическая пропаганда в отличие от социальной преследует политические цели, такие как разжигание социальной вражды или манипулирование большим числом населения в угоду малой группе. Политическая пропаганда – всегда преднамеренная попытка воздействия на массы, тогда как социологическая пропаганда появляется спонтанно, она не является результатом преднамеренного пропагандистского действия [2].

Считается, что свое начало политическая пропаганда получила в годы Первой мировой войны. Эта война создала каноны, которые действуют и до настоящего времени. Главная задача пропагандистов во все времена – перебороть сильнейшее психологическое сопротивление собственных граждан. В начале XX в., впрочем как и сейчас, никто не хотел разбираться в хитросплетениях мировой политики, чтобы понять, почему она приводит к разрухе, голоду и смерти. В любое время, в любом обществе найдется протестный слой общества, готовый пойти на баррикады против собственного правительства, лишь бы не было войны (и Россия здесь не исключение). В 1914 г. таким социальным слоем были рабочие. Так у правительства Германии были серьезные причины опасаться социал-демократов, а у правительства Великобритании – лейбористов. В результате, влиятельные чиновники из числа английских либералов использовали все возможные методы, чтобы предотвратить участие страны в надвигавшейся войне. Создавая образ врага, общество начинало верить в него, ненавидя его все больше и больше. Подмена ценностных ориентиров привела в Первую мировую войну к многочисленным жертвам с обеих воюющих сторон, революциям и отставанию в развитии многих государств.

Сегодня также можно найти массу примеров, когда политическая пропаганда приносит в жертву историю и влияет на судьбу народов. Уже упоминались события на Украине, связанные с разжиганием вражды между родственными народами, с неприятием всего русского, с переписыванием истории, восхвалением украинских националистов (С. Бандеры и др.), нападками на Петра I и других представителей отечественной истории со стороны выглядят нелепыми до неприличия. Когда у власти заканчиваются реальные аргументы, в ход идет пропаганда. Однако это работает. И что самое страшное – все это находит поддержку не только внутри маргинального сообщества, но и со стороны. В дестабилизирующий процесс оказалась вовлечена даже Православная церковь. Константинопольский патриарх Варфоломей инициирует автокефалию (независимость) украинской православной церкви от Московского Патриархата, отменив 11 октября 2018 г. решение патриарха Дионисия IV и Синода Константинопольского патриархата,

согласно которому в 1686 г. Киевская митрополия перешла в состав Московского Патриархата навечно.

Таким образом, можно сделать вывод, что истина, ложь и пропаганда в политике, а за нею и в истории, идут рука об руку. В поисках истинны общество может заблуждаться и нередко идти по ложному пути, однако нельзя отрицать, что именно пропаганда зачастую становится действенным инструментом создания и аргументации ложного пути.

Историческая наука в идеале должна освободиться от политического влияния. В ней не должно быть места фальсификациям тенденциозности, мифам. Ложные теории и концепции должны активно опровергаться.

Список использованной литературы:

1. Батищев Г.С. Истина и ценности // Познание в социальном контексте. – М.: РАН, 1994. – С. 61 - 78.

2. Белоусов А.Б. Что такое социологическая пропаганда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2018. – № 3. – С. 110-122.

3. Белоусов А. Гимн ненависти: каноны пропаганды в Первую Мировую Войну. URL: https://republic.ru/world/gimn_nenavisti_kanony_propagandy_v_pervuyu_mirovuyu_voynu-1138037.xhtml (дата обращения: 12.10.2018)

4. Вяземский Е.Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования 2012, №1, 28-43

5. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью. – М.: Эксмо, 2003. – 112 с.

6. Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио (Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке) /"Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2001.

7. Козлов В.П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII - XIX веков. – М.,1996

8. Лукманова, Р.Х. Гармоническая многомерность истины: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016.

9. Мелетинский Е.М. Миф и двадцатый век / Избранные статьи. Воспоминания. – М.: 1988.

10. Мифы и мифология в современной России / Под ред.К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2000.

11. Нестор Летописец Повесть временных лет URL: http://svt-luka.prihod.ru/users/69/1101269/editor_files/file/letopisec_nestor_povest_vremennyh_let.pdf (дата обращения: 7.11.2018)

12. Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах Репринт с изд. 1963, 1964 гг. – М.: Ладомир, 1994. – Т. 1. История Российская. Часть 1.

13. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 576 с.

14. Фроянов И.Я. Загадка крещения Руси. – М.: Алгоритм. 2007. – 336 с.
15. Шпалтаков В. П. Модернизация социально-экономической системы России (теория, история и современность): Монография. – Омск, 2014. – 198 с.
16. Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. №549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // URL: <http://archives.ru/documents/decree/ukaz549.shtml>

РЕЛИГИЯ, НАУКА И СОЗДАТЕЛЬ ИСТИНЫ

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», г. Челябинск

Шрейбер Виктор Константинович

1. *Что такое создатель истины.* По убеждению австралийского материалиста Дэвида Армстронга, дискуссии вокруг теории создателя истины представляют собой один из самых «сулящих» моментов в современной метафизике [5, p.61]. Исток тематики можно обнаружить в «Человеческом познании» Рассела. Размышляя о природе убеждения в истинности той или иной пропозиции, он вводит идею «фактов-верификаторов» как таких, «которые, если они действительно существуют, делают веру истинной» [2, с.165]. Однако этот ход мысли у него не получил развития. Термин «верификатор» не удачен. Для поколения, которое, вроде бы, размежевалось с логическим позитивизмом, термин нес привкус той самой теории, от которой оно пыталось освободиться.

Начало нынешним дискуссиям положила статья британских философов Малинина, Симонсона и Смита 1984 года «*Truthmakers*» [14]. Они репрезентировали гипотезу создания истины как дополнение и новое слово в корреспондентской теории истины. Авторы обратили внимание на то, что атомарные эмпирические предложения вроде «Джон поцеловал Мэри» имеют создателей истины, - обычно это события или тропы, соответствующие (*corresponding*) основному глаголу рассматриваемой пропозиции. Исследователи подвергли анализу возможности распространения этой идеи на другие разновидности утверждений, но воздержались от признания максималистской концепции создателей истины (*truthmakermaximalism*), согласно которой любой носитель истины имеет своего создателя истины.

Со временем концептуальный аппарат теории разросся. Его костяк образован тремя основными понятиями. Ими являются носитель истины (*atruthbearer*), то есть некое содержательное утверждение, *truthmaker* или создатель истины. Подчеркну, что в контексте этих споров «создатель истины» вовсе не является синонимом понятия бога. Под ним понимается тот фрагмент внешней реальности, благодаря которому рассматриваемое утверждение обретает качество истинности. Наконец, третий базовый компонент концепции — это отношение между носителем истины и её создателем, «*труфмейкером*». Соответственно, создателем ложности утверждения является та существующая реальность, благодаря которой данное утверждение становится ложным. По существу, эти понятия описывают то же самое отношение, что и корреспондентская теория истины. Но отождествлять эти теории будет заблуждением. Теория корреспонденции предлагает определенную концепцию природы истины и по существу этой концепцией и является, тогда как теория

создателя истины (СИ) вопрос о природе истины обходит. Ключевая проблема теории СИ - это объяснение отношения создания истины. Когда объект X служит создателем истинности некоторого утверждения Y , какова природа того отношения, в котором находятся X и Y ?

Почти все согласны, что создание истины не является взаимно однозначным отношением (a one-one relation). Иными словами, объект в принципе может быть создателем истины для множества истин, и любая истина может иметь множество создателей. Сократ считается создателем истины не только для «Сократа», но и для утверждений «Сократ - это человек» и «люди существуют». Ибо невозможно, чтобы человек, которого звали Сократом, существовал, а любое из этих предложений было ложным. Аналогично, «люди существуют» обретает свою истинность благодаря множеству вещей — фактически любой вещи, которая является человеческим артефактом. Отсюда, вопрос, что служит создателем истины для данной истины, может стимулировать пустопорожние споры, поскольку нет необходимости, чтобы истины имели только одного, уникального создателя истины.

Другая примечательная особенность отношения, на которой настаивает Армстронг, заключается в его внутреннем характере. То есть, природа истины и природа того, что делает эту истину истиной, являются единственными вещами, вовлеченными в данное отношение [5, p.75]. (Внутреннее отношение Армстронга стоит близко к понятию взаимодействия в советской традиции.) Внутренние отношения многообразны, встречаются повсеместно и поэтому обычно не вызывают особого интереса. Этим, по мысли Армстронга, объясняется то, почему такие отношения часто упускаются из виду.

Многие сторонники этой теории полагают, что отношение создания истины имеет онтологический аспект или, в более сильной по модальности версии, «необходимо, что каждая истина имеет своего создателя истины». В терминах возможных миров, эту мысль можно выразить так: X требует Y , если и только если всякий возможный мир, в котором существует X , является миром, в котором Y истинно. Детерминация мыслится обязательной составляющей созидания истины, потому что благодаря такой связи существование создателя истины является достаточным условием для истины. Если бы существования X было недостаточно, чтобы гарантировать истинность Y , тогда X не мог бы адекватно объяснить или описать истинность Y . Забегая вперед, отметим, что теистические концепции тяготеют именно к такой логически необходимой версии.

Кроме вопроса об особенностях и метафизической природе отношения создания истины широко обсуждается степень общности теории создателей истины. Каждая ли истина имеет создателя? Или наличие создателя есть привилегия некоего ограниченного подмножества истин? Этот вопрос разделил исследователей на максималистов и минималистов. Максималисты, как мы уже отмечали, признают, что создатели есть у всех истин. Такова точка зрения Армстронга. Сторонники минималистской концепции (non-maximalism) оспаривают этот тезис; по их мысли, некоторые типы истин не имеют своего

создателя. Таковы, в частности, отрицательные истины. Что, к примеру, может служить создателем истины для утверждения «в этой комнате нет слона»? Рассел в этом контексте вводил идею отрицательных фактов. Но она спорна. Когда он предложил эту идею на семинаре в Гарварде, то, по его же собственным словам, «произвел нечто вроде бунта».

Особенно проблемными являются отрицательные экзистенциальные утверждения общего характера. Минималисты здесь обращаются к контрпримерам. Рассмотрим для примера негативную экзистенциальную истину «хоббитов не существует». На первый взгляд, предложение верно именно потому, что в реальном мире хоббитов нет. Однако создателем истины для отрицательной экзистенциальной пропозиции должна быть некая сущность, существование которой исключает существование хоббитов. Среди «позитивных» сущностей мира нет ни одной, которая могла бы гарантировать не существование этих придуманных Толкиеном существ. Все живые существа, населяющие Землю, взятые вместе, не гарантируют отсутствия хоббитов. Пусть они все существуют, но при этом где-то далеко-далеко могут существовать и хоббиты. Только если мы сумеем соединить существование живых существ с фактом, что они представляют собой исчерпывающий список существующих животных, нам удастся найти создателя истины для данного негативного экзистенциального утверждения.

Аргументов в пользу максимализма немного. Его защитники подчеркивают интуитивную очевидность и приемлемость своей позиции. Сопrotивление максимализму, по их мысли, ведет к отрыву истин от реальности вообще. Такая «сырая истина» (*brute truth*) оказывается истиной без объяснения и приобретает онтологически загадочный характер. Ещё одна линия защиты максимализма состоит в апелляции к существенности связей между истиной и создателем; наличие создателя является существенным (необходимым) условием бытия истины. Этот вариант исходит из тезиса, что ни одно утверждение нельзя принимать в качестве истины, если нет соответствующего создателя. Первые наброски этого хода мысли предложил Ансельм в своем онтологическом доказательстве бытия бога. В рассуждениях Ансельма был момент софистики. Его показал Кант в критике онтологического аргумента.

Эта линия защиты максималистов становится проблемной, когда речь заходит об истинностном содержании беллетристики и религиозных истин. По отношению к последним определенную остроту приобретает вопрос о том, какие объекты могут быть носителями истины. Понятно, что тот, кто глубоко привержен идее создателей истины и одновременно сомневается в том, что для определенного вида носителей истины можно найти творца истины, будет ставить под сомнение статус данного носителя *qua* носителя. И насколько можно проникнуть в глубь веков, споры относительно *сакрального* статуса той или иной реликвии сопровождали историю церкви с самого её возникновения.

2. *Создатель истины и беллетристика.* Случай хоббитов можно рассматривать в казуальной перспективе. Но как быть с художественной литературой? Она вкупе с живописью, музыкой и другими искусствами образует целый мир идей, концептов, переживаний и образов. Эстетическая сфера составляет неотъемлемую часть духовной культуры человечества. Многие исследователи подчеркивают её значимость в плане человеческого самопознания. Однако от романов и до балета художественное творчество пользуется вымышленными персонажами и придуманными сюжетами. Что может быть создателем истины при таком положении дел в эстетической сфере? Ответ на этот вопрос может стать подспорьем при обсуждении отношений между истиной и религиозным сознанием. В поисках ответа мы ограничимся беллетристикой. Другими словами, в качестве носителей истины будут рассматриваться лингвистические структуры (предложения или суждения). Да, и ещё одно замечание. В некоторых рассуждениях я буду опираться на концепцию возможных миров Дэвида Льюиса.

Чтобы придать идее создателя истины статус общего принципа, нужно быть уверенным, что в случае каждой, а не только экзистенциальной истины существует создающая её сущность. Обеспечение этого вывода означает, среди прочего, уверенность, что квантификатор «нечто» в соответствующих утверждениях обладает объективируемым (objectual) содержанием. Такая объектная интерпретация иногда проблематична («поскольку Пегаса не существует, наверняка чего-то не существует»). Эта познавательная ситуация очень широко представлена и в религиозной сфере.

Художественные истины связаны с вымыслом и по отношению к нему делятся на две группы: внутренние и внешние. Первая группа описывает героев и сюжет. Вот как они выглядят в известном романе Пушкина. Онегин «по-французски совершенно / Мог изъясняться и писал»; «читал Адама Смита / И был глубокий эконо́м, / То есть умел судить о том, / Как государство богатеет».

Внешние истины отображают отношение между произведением и контекстом: «“Евгений Онегин“ - это энциклопедия русской жизни первой трети XIX века», «Старшеклассники обычно с большим пиететом относятся к Онегину, нежели к Ленскому», «Онегин явился предтечей типажа лишнего человека». Создатели этих истин связаны со своим предметом в лучшем случае частично. Ведь никакого Онегина и Ленского в натуре не было. В теории литературы есть кандидаты на роль создателей истины для подобных утверждений. Однако они не дают онтологического обоснования. Впечатление истинности создается множеством «квази-фактов» [12, p.199]. Идея квази-фактов возникает благодаря возможности устанавливать истину без соответствующего создателя истины. Под «квази-фактами» и «квази-положением дел» профессор из Окленда Фредерик Крон предлагает понимать ситуации, где мы некритически апеллируем к разговорам о «фактах» или «состояниях дел», чтобы указать, что делает то или иное утверждение истинным, но где нет очевидных причин истолковывать такие разговоры как отвечающие реальному положению дел. Если хотите, «квази-факты» - это то самое «нечто», которое

остается в нашем рассуждении о создателе истины после того, как этот последний будет истолкован посредством подстановки (или замещения).

Льюис выделяет три источника истинности художественного произведения. Первый это явное содержание вещи (сюжет, герои, их действия и т.д.). Вторым является «фон» (*background*), состоящий из реальных фактов нашего жизненного мира и верований (убеждений, представлений), которые распространены и воспроизводятся в обществе, где и для которого данное произведение было создано. К ним присоединяется ещё один, пожалуй, вспомогательный источник; это перенос идейного материала из одного художественного произведения в другое [13, p.273]. По существу речь идет о художественной традиции. (К слову, в Татьяне угадываются черты Элоизы - героини романа Жана Жака Руссо.) Совмещение этих трех источников ограничивает диапазон возможных интерпретаций художественного вымысла и тем самым облегчает постижение его истинностного содержания. Таким образом классификация Льюиса вводит полезные уточнения в деление источников истинности на «внутренние» и «внешние», которое предложил Крон.

Завершая наш коротенький экскурс в особенности создателя художественных истин, отметим, что их жизненное правдоподобие обеспечивается не телесной субстанцией персонажей, не реальным их существованием, но той суммой свойств и отношений, в которые эти персоны втянуты и которые обладают важной для современников идейно-эмоциональной значимостью. Вымышленные герои становятся фокусом читательского внимания, они помещаются в реальный жизненный контекст (напомню в этой связи настольную статуэтку Наполеона, которую Татьяна увидела в кабинете Онегина) и наделяются конкретными чувственно воспринимаемыми чертами. Эти черты приближают внутренний облик героя к мыслям и чувствам людей того времени и помогают последним разобраться в своей собственной жизни. Но предпосылкой такого озарения является признание того, что черты героя воспроизводят реальные характеристики живых людей, они отображают жизненные реалии и потому могут оцениваться на свою истинность.

И как мы увидим дальше, многие из этих особенностей эстетических СИ будут успешно работать и в религиозной сфере.

Стандартным приемом современных апологетов является акцент на принципе дополнительности религии и науки: наука отвечает за техническую, материальную сторону жизни, предмет же религиозной заботы - человеческая нравственность, смысл жизни и ценности. Так, полагает наш патриарх. И с этой точки зрения разговоры об истинностной составляющей религии представляются несколько искусственными. Однако религиозное сознание является разновидностью мировоззрения и как таковое оно включает в себя картину мира, то есть предлагает своеобразную онтологию и, стало быть, подлежит оценке на соответствие.

3. *Становление опытной науки и христианство.* Хотя XX век в России прошел под знаком марксизма, отношение нашей интеллигенции к религиозным идеям было сформировано ещё позитивистской философией и за исключением «воинствующих» радикалов оставалось скептическим. Мы, как и интеллигенция Запада, часто полубессознательно принимали доктрину неумолимого прогресса, согласно которой рост знаний сам по себе ведет к торжеству науки и превращению религии в пережиток - примерно так же, как желудь становится дубом.

И все же известны цивилизации, которые возникали и исчезали безо всякой науки. Тип мышления, который известен нам как научный с его акцентом на эксперименте и математике, возник только в одной культуре - западноевропейской — и ни в какой другой. Наука не является «естественным» институтом. Любознательность по отношению к миру - это действительно естественная установка, но институт науки есть нечто большее. Она руководствуется нормами, которые должны быть усвоены, она создает практики и методы, которые должны быть переданы от поколения к поколению в формальном процессе образования. Короче, она является изобретенным институтом, институтом культуры. Наука, вопреки представлению Аристотеля, не могла взрасти из инстинкта. Она требовала особой почвы для своего рождения и расцвета. «Лишенная этой почвы, она столь же способна (as capable of) к распаду и гибели, как и любая другая человеческая деятельность, вроде религии или государственного управления» [7, pp. 95–96].

Что же явилось этой особой почвой? Историко-научные исследования, развернувшиеся со второй половины двадцатого столетия, показывают, что среди факторов, способствовавших рождению «новой» науки, заметное место принадлежит христианской вере. Историки-позитивисты трактовали отношения между наукой и религией как войну [17]. Тем не менее, концепция эта ошибочна. Ученый, живший между 1500 и концом 1800-х годов, жил совсем в другом мире, нежели нынешний. Тогдашний ученый, как правило, был верующим и не считал занятия наукой и религиозность несовместимыми. Напротив, его мотивацией для изучения чудес природы был импульс прославления Бога, который их сотворил. Хотя он изучал физические явления, он часто оставался человеком церкви. В англоязычных странах соединение пасторской деятельности и естественнонаучных изысканий было общей практикой. К слову, термин «ученый» был придуман только в 1834 году [15, p.7].

Конечно, становлению *новой* науки способствовало множество факторов: рост рынков, технический прогресс, создание научных учреждений нового типа, вроде Королевского общества, увеличение тиража книг и журналов и так далее. Но это были не источники научной революции, а, скорее, движущие импульсы и пути, по которым она распространялась. Одним из интеллектуальных источников был тот набор допущений (и установок), отображающих существенные характеристики природы и места человека в ней, которые репрезентировались христианской картиной мира. Чтобы всерьез

заняться исследованием того или иного природного феномена, человек ещё в преддверии своего обращения к предмету должен был признать за природой такие черты, которые делали ее возможным объектом изучения. Этот взгляд творцы европейской науки унаследовали от христианско-иудейской духовной традиции [8].

Далеко не все европейцы, жившие в эпоху научной революции, пишет Альфред Уайтхед, были правоверными христианами. Но даже критики библейской ортодоксии жили и мыслили в рамках библейской эпистемы. Пытаясь как-то уточнить свои соображения, Уайтхед говорит о «впечатлении» (the impress), «вырастающем из неоспоримой веры веков» и даже «инстинктивном тоне мысли» [18, pp. 12–13]. Как уловить этот «тон мысли»? Трудность в том, что ученые той эпохи часто выражали свои позиции в терминах Аристотеля или неоплатонизма, что маскировало *уникальность* христианской перспективы. Но она была, и лучший способ её увидеть - это сопоставить христианский взгляд на мир с противоположными воззрениями.

Во-первых, Библия настаивает на реальности природного мира. Если это кажется тривиальным, напомним, что многие системы верований считают природу нереальной. Различные формы пантеизма и идеализма учат, что конечные вещи суть лишь «видимости» единого, абсолютного и трансцендентного начала и в своей отдельности они иллюзорны. Для индуистов повседневный мир материальных объектов - это иллюзия, *майя*. Сомнительно, чтобы религия, которая так порочит материальный мир, была способна внушить ту степень пристального внимания к нему, которая необходима для науки.

Люди мифологической эпохи жили в «зачарованном лесу». В их картине мира долины и скалы, роци и ручьи были местом обитания духов, демонов, фей и гномов. Тотемизм строился на идее, что все творения природного мира скрытым образом связаны с человеческими судьбами. Христианский бог не является персонификацией природных сил. Он не живет в мире подобно тому, как дриады живут в деревьях. Он не «душа» мира, а его Создатель. Первые строки Ветхого завета контрастируют с большинством древних религий, отрицая божественный статус солнца, луны и звезд. Они не более, чем носители света, помещенные на небо примерно также, как женщина зажигает свечу, чтобы осветить кладовку.

Десакрализация природы была решающей предпосылкой науки. Пока природа требует религиозного поклонения, попытки её препарирования представляются предосудительными. Если мир населен божественными существами и силами, то единственным верным поведением будет упрашивать их о снисхождении, а вовсе не подвергать вивисекции. Понятно отсюда, почему основоположник химического анализа Роберт Бойль заявлял, что склонность рассматривать природу как священную «была обескураживающей препоной (discouraging impediment)» для научного поиска.

Вторая особенность христианского мирозерцания высвечивается в связи с тем, что наука покоится не только на метафизических, но и ценностных

допущениях. Общество должно быть убеждено, что природа является объектом, достойным изучения. Грекам не хватало этого убеждения. Древние нередко порочили все, что связано с материальными вещами. На пике расцвета древних цивилизаций ручной физический труд был низведен до статуса рабского, элита же выше всего ценила досуг как таковой, как свободу от забот материального плана. По-видимому, в этом пренебрежении крылась одна из причин, по которой греки не создали эмпирической науки.

В противовес греческой культуре ранняя церковь признавала ценность природного мира, по крайней мере, как творения Бога. В первой главе книги *Бытия*, где повествуется о сотворении мира и человека, вновь и вновь повторяется рефрен: «и увидел Бог, что *это* хорошо». По словам британского философа науки Мэри Хессе, «в иудейско-христианской традиции никогда не было места идее, что материальный мир является тем, чего следует избегать, а работа в нем унижает человеческое достоинство». К тому же в христианизированной Западной Европе не было пренебрежения к физическому труду; не было класса рабов, чтобы передать ему эту работу, и ремесленники пользовались уважением [11, pp. 42–43].

Дальше — больше, и сторонники Реформации заговорили о работе как о *призвании*. Протестанты верили, что человек может служить Богу не одними молитвами, но честным и прилежным исполнением любой полезной работы. Иоганн Кеплер совершенно в духе Кальвина считает, что был «призван» реализовать свои дарования и способности именно в астрономии. В одной из своих записных книжек он совершенно спонтанно разражается молитвой: «Я приношу Тебе свое благодарение, Создатель и Бог, за то, что Ты своим творением даруешь мне эту радость, и я радуюсь трудами твоих рук. Смотри, я только что закончил ту работу, к которой я был призван. И в ней я использовал все таланты, которые Ты ссудил (have lent) моему духу» [15, p.12].

Кажется, Кювье как-то заметил, что со случайностью, даже если она существует объективно, науке делать нечего. Наука строится на допущении законосообразности мира. Поэтому третья важная для науки - и сложившаяся в рамках христианства - идейная предпосылка касалась отношений между богом и закономерностями бытия. Вместо мира как арены постоянных распрей множества капризных и завистливых богов христианская доктрина предложила образ мира как продукта усилий единственного трансцендентного Творца, создавшего единую и внутренне согласованную Вселенную. Как поясняет пресвитерианский богослов Томас Дерр., «природа была внезапно десакрализована, лишена многих своих произвольных, непредсказуемых и, несомненно, ужасающих аспектов» [6, p.20]. Идея порядка природы основывалась не только на единственности Бога, но и его характере. Бог, явленный в Библии, заслуживает доверия и демонстрирует надежность. Дерр продолжает: «Как творение заслуживающего доверия Бога, природа проявляла (exhibited) регулярность, надежность и упорядоченность. Она поддавалась пониманию и могла быть изучена. Она показывала (displayed) вполне понятный порядок» [6, p. 26.]

Из веры в упорядоченную вселенную родилась идея естественного закона. Выражение «законы природы» нам настолько знакомо, что мы не задумываемся об его историчности. Однако люди архаических эпох, воспринимавшие природу живой и движимой таинственными силами, вряд ли могли признать, что все природные явления закономерны и умопостигаемы. Конечно, ремесленники и крестьяне в своей поколениями повторяющейся практике находили и передавали какие-то свидетельства природных регулярностей. Но когда они сталкивались с аномалией, они просто принимали ее как часть непостижимой природы вещей.

Как полагает историк Альфред Холл, идея естественного права не была известна ни западному, ни восточному миру. Её возникновение в средневековой Европе означало «заметный отход» от прошлой традиции. Источник сдвига он усматривает в библейском учении. Для дохристианских культур обращение к слову «закон» в контексте естественных событий было бы непонятным. Напротив, иудейская и христианская вера в божество, которое одновременно было творцом и *законодателем*, придавала этому слову смысл и силу [9. pp. 171–72]. Следы этого убеждения видны в исканиях Декарта, полагавшего, что формулы и аксиомы математики установлены Богом примерно так же, как король издает свои ордонансы.

На протяжении веков теологи утверждали, что, поскольку Бог есть добро и разум, его творение должно - пусть и не очевидным для людей образом - быть добрым и разумным. Законосообразность природы выводилась априори - из характера, который, как предполагалось, имел Творец. Идея естественного закона опиралась не на наблюдения, а на веру в библейского бога. В XVIII веке логика аргумента парадоксальным образом изменилась. В диалогах Юма об естественной религии один из его персонажей, Клеонт, не пытается доказывать, что, поскольку бог разумен, природа должна быть разумной. Нет! Вместо этого он говорит, что природа является машиной, действующей сообразно законам, и потому Бог должен быть очень квалифицированным разработчиком и проектантом. Таким образом, естественный закон перестал быть догматом веры. Он превратился в вывод из наблюдений за поведением природных объектов. Эта логика воплощена в рассуждениях Ньютона. Он движется от порядка природы к создающему этот порядок богу.

Но как получился этот методологический кульбит? Ссылка на библейскую историю этого не объясняет. Да, человек создан по подобию Божьему. Но при чем здесь сдвиг европейской науки в сторону опыта и наблюдения? Разве столь почитаемый в христианской традиции Платон не высказывался о познавательной мощи математического инструментария? Позитивное отношение к эмпиризму было подготовлено полемикой схоластов относительно свободы и необходимости в делах божественных.

Вспомним! Библейский Бог создает Вселенную *ex nihilo*; он контролирует и процесс, и его результаты. Стало быть, в своей сущностной структуре универсум именно таков, каким его хотел видеть бог. Древним эта идея была чужда. В прежних космогониях сотворение мира начинается с какой-то

предсуществующей субстанции, которая обладает собственными характеристиками. Отсюда, к примеру, платоновский демиург связан по крайней мере в двух отношениях: он должен был следовать идеальным образцам вечных форм и, кроме того, соединить их с непокорной и хаотичной материей. Как следствие, античная картина мира допускала неточности. Ведь отдельные вещи являются лишь приближениями к идеальным формам; их можно ранжировать, как, скажем, это происходит с участницами конкурсов красоты. Для платоника, если замкнутая кривая в природе не является совершенным кругом, то это потому, что природный круг есть лишь аппроксимация геометрической идеи. Но в христианской перспективе ситуация выглядит иначе. Если Бог захотел сделать данную замкнутую кривую кругом, то это и будет круг, а не эллипс. Акцент на точность и абсолютную мощь божественного разума санкционировал пиетет перед дедукцией.

После того, как в конце XII века европейцы открыли для себя физику Аристотеля, схоласты восприняли его «формы» как цели (функции) природных вещей. В христианизированной версии они превратились в созданные силы, которые действуют как помощники Бога или вице-регенты, чтобы управлять природой. Смута началась, когда аристотелевское понятие формы стало восприниматься на манер платоновских форм — как ограничение божественной креативности внутренней необходимостью, скрытой в самой природе вещей. К примеру, поклонники Аристотеля утверждали, что «природа» небес требует круговых орбит вследствие места, занимаемого планетами в общей иерархии бытия. В Парижском университете 70-х годов XIII века споры по поводу божественной свободы приобрели такую остроту, что привлекли внимание папской курии.

В 1277 Этьен Тампье, епископ Парижа, специальным указом осудил более сотни положений, которые ходили на факультете свободных искусств. Осуждалась черная магия, гадание по точкам, общение с нечистой силой и т. п. Но в список запрещенных попало несколько тезисов, производных от аристотелизма — что Бог не мог позволить планетам двигаться иначе, чем по круговым орбитам, что он не мог создать вакуум и ряд других. Осуждение 1277 помогло утвердиться новой форме теологии - волюнтаристской, исключаяющей какие бы то ни было ограничения Божьих деяний. Теологический волюнтаризм настаивает, что структура вселенной — даже её существование — задается не логическими ходами божественного разума, а свободной и трансцендентной волей Бога.

Аристотелики полагали, что последние причины бытия, скрытые в божественном интеллекте, могут быть раскрыты человеческим разумом. И — главное — Аристотель эту задачу выполнил. Отсюда образ мира конструировался по Аристотелю, то есть на основе метафоры организма, каждая часть которого стремится занять положенное ей место, — и никак иначе. Именно эту идею и оспорили волюнтаристы. Они подчеркивали могущество и свободу бога творить мир сообразно собственным желаниям и замыслам. Эхо их умонастроений слышится в словах Бойля, когда он

характеризует Бога как «свободного создателя (establisher) законов движения» и замечает, что эти законы «полностью зависят от его воли (will)» [15, p.20].

Волонтаристская теология способствовала обоснованию и разработке экспериментальной методологии. Ибо если Бог творил, сообразуясь не с логикой вещей, а свободно, то нам не удастся достичь знания посредством дедукции и умозрительных гипотез. Надо выходить в мир! Надо смотреть, видеть и экспериментировать; правильное знание должно быть апостериорным.

4. Деизм, бог и «реформатская» эпистемология. Деизм позволил предельно полно вписать в сферу религиозного опыта данные и выводы науки. Но даже в деистической версии религиозная КМ содержит три идеи, без которых вера не в состоянии выполнять свои социальные функции, и потому принимаемых догматически — независимо от того, что по этому поводу говорит наука. Ими являются идея Бога, души и жизни после смерти или посмертного воздаяния. Все они логически связаны с делением реальности на наш профанный мир и горний (сверхъестественный) мир. Для развитого религиозного сознания это деление принципиально.

Идеи эти не равноценны. Признание бессмертия души не влечет обязательности религиозной санкции, потому что оно не дает оснований отвергать сходство того и нашего мира и, следовательно, допускает возможность, что данная конкретная персона продолжит свои победы (или потери) и в будущем. Воздаяние онтологически есть вид отношения и как таковое оно кроме души предполагает наличие вселенского судьи, сиречь Бога. Отсюда анализ божьих атрибутов образует традиционную тему богословия, а само его существование — предмет споров атеистов с теологами. Обе партии апеллируют за поддержкой к теории СИ. Однако даже обзор возникающих при этом вопросов требует специального обсуждения и я ограничусь только одним — вопросом о доказательствах существования бога.

В рамках религиозного мировоззрения используется два типа аргументов в пользу его существования — ссылки на проблематичность научных объяснений и обращение к внутреннему опыту верующих. Первый пакет аргументов получил разработку в Средние века; космологический аргумент, довод от дизайна, от первой причины и др. хорошо известны. Второй пакет включает аргументы от религиозного опыта, моральной аргумент, аргумент от сознания, аргументы от истории и чудес (miracles), и т. д. Этот вид опыта важен вследствие психологических и социокультурных особенностей сознания верующих. По мысли Ричарда Суинберна, философа и православного верующего, соединение этих типов аргументов ведет к заключению, что теизм является самым рациональным объяснением мира и человеческой жизни.

Логическую основу аргументов первого типа образует аналогия. К примеру, утверждается, что, поскольку вселенная демонстрирует ясные свидетельства проекта или упорядоченности, рационально заключить, что этот порядок был спланирован Творцом. Аргумент движется от сравнения упорядоченности вселенной с упорядоченностью объектов, созданных людьми,

к Богу, который продумал порядок вселенной точно так же, как люди проектируют создаваемые вещи. Как говорилось выше, антропоморфизм этого хода мысли подмечен ещё Юмом. Суинберн предложил улучшенную версию этого аргумента, которая должна преодолеть недостатки, указанные скептиком [4].

Он, похоже, тяготеет к волонтаристской версии теизма и свои рассуждения начинает с разграничения двух значений слова «проект» (design). Первое значение возникает, когда нам рассказывают, кем и как, к примеру, конструировался двигатель. Второе означает, что нечто устроено сообразно законам физики. Поскольку все в нашей вселенной (за исключением разума) следует законам физики, то по отношению к ней «проект» применяется обычно во втором смысле. Так случайная смесь химикатов в колбе, тем не менее остается упорядоченным в том смысле, что подчиняется законам физики. Отсюда, например, камень, который вы швыряете в небо, всегда падает на землю? Этому разграничению соответствуют два вида объяснений: научное и личностное. Личностное объяснение исходит из гипотезы, что некий агент производит некий результат благодаря определенным убеждениям, намерениям и силам [4, с.77]. Так благодаря продуманному проекту работает мотор, и так же функционирует Вселенная, созданная богом.

Другой упрек Юма, на который отвечает Суинберн, строится на рассуждении от противного. Если аналогия с тем, как человеческий разум проектирует вещи, кладется в основу аргумента, что бог является архитектором вселенной, то почему бы не пройти весь путь и не сказать, что Бог подобен человеку? Здесь опять слышится мотив антропоморфизации. Ответ Суинберна, предложенный во второй главе, достаточно остроумен: аналогия между высшим разумом и людьми, работающими над проектом, не подразумевает полного сходства. Гипотеза о вселенском проектанте должна объяснить всеобщность действия законов. Но если Бог подобно человеку имеет тело, то он должен бы существовать в рамках какой-то части вселенной, и все законы, которые находятся вне его домена, должны бы работать независимо от него. Как следствие, бог с телом не мог бы объяснить действия законов во всем универсуме. Значит: гипотеза, что Бог лишен тела, объясняет больше, чем гипотеза о его телесности [4, с.64-65]. Если заключить, что бог похож на человека во всех аспектах, то это ослабит аргумент от замысла.

Далее Суинберн разбирает ещё один юмистский довод против утверждения «Бог существует». В основе этого довода лежит идея каузальной связи как взаимодействия бильiardных шаров: рассуждение по аналогии невозможно, если предмет представлен в единичном экземпляре, как наша вселенная. Аргумент от дизайна имел бы большее достоинство, если бы было несколько иных миров, о которых было бы известно, что они спроектированы всемогущим устройтелем. Тогда было бы больше доверия к спекуляциям, что наш мир тоже спроектирован. Таким образом Юм предвосхитил логику поиска создателя истины для отрицательных экзистенциальных утверждения, которую мы обсуждали в первом параграфе.

В ответ Суинберн указывает, что автор диалогов об естественной религии ошибается, утверждая, что нельзя получить заключение об объекте, если он единственный в своем роде. Ученые, отмечает он, постоянно рассуждают таким образом о вселенной, происхождении жизни и сознании. Поэтому вполне разумно, если вы столкнулись с объектом, который несет явные следы проектирования, заключить, что у него был создатель. Такие феномены, по Суинберну, обладают двумя чертами: необычностью и масштабностью, вследствие чего они не вписываются в установленные стандарты научного объяснения [4, с.91-92].

Но разве тот же Кун не показал, что в науке имеют место парадигмальные сдвиги или, в более привычном для нас языке, научные революции, в результате которых создаются новые концептуальные схемы с новым аппаратом и возникают *новые* «стандарты научного объяснения»? Почему защита теизма строится на игнорировании реальной истории естествознания? Сегодня методологи различают три исторических типа научной рациональности сообразно типам изучаемых систем: простых, сложных и организованных сложностей. В системах с организованной сложностью хаос взаимодействует с самоорганизацией: здесь и *хаос* другой, и *стохастика* другая, и нет *детерминизма* вообще [1. с.28]. Суинберн много лет отдал исследованиям в области философии науки. Он апеллирует к принципам вероятностного объяснения. Это новый момент по сравнению с механистической моделью причинности. Акцент на пробабиллизм, принцип простоты как фактор, повышающий вероятность теории, и ссылки на того же Льюиса говорят, что о развитии научного знания английский православный профессор по крайней мере имеет представление.

Наука есть езда в неизвестное, и чем больше мы знаем, тем богаче спектр наших контактов с неизведанным. Замечено ещё Сократом. У нас, к примеру, до сих пор нет удовлетворительного объяснения так называемого тектонического дрейфа, который в течении миллионов лет привел к разделению континентов и возникновению океанов. В науке по самой сути дела всегда будут проблемы, на которые современные исследователи не в состоянии дать ответ. По мысли Суинберна, здесь рациональнее придерживаться гипотезы существования бога, ибо она согласуется с идеей СИ. В качестве последнего основания «Бог совпадает с концептом материи. Оба нацелены на охват бесконечного разнообразия сущего. Однако наши представления о структуре реального мира ограничены практикой. В теизме такого ограничения нет. У Суинберна это различие выступает как разница научного и личностного объяснений. Отсюда для теиста пределом мысли о боге является абсолютная свобода от мыслимых свойств, логически завершающаяся его отождествлением с Ничто. Как следствие различия между верой и знанием расплываются. Но Суинберн претендует на индуктивное и логически строгое обоснование существования бога.

Но, как говорилось выше, наряду с аргументами от проблематичности научных объяснений защитники религии прибегают к доводам от внутреннего

опыта людей. Возможно, что в этой сфере им удастся отыскать более надежные основания существования Бога, указать, иными словами, СИ для теистов. Современные защитники теизма отмечают многообразие религиозного опыта. Его виды и формы варьирует - от смутного ощущения присутствия высшего Существа за пределами порядка природы до ощущения мистического контакта с Ним. Религиозные эмоции могут переживаться как ощущение счастья, надежды или, напротив, одиночества, отчаяния или вины. Смысл жизни тоже может стать частью религиозного опыта. Религиозные переживания могут касаться объектов как публичного, так и частного плана. В Евангелиях ученики имеют общий религиозный опыт воскресения Христа. Святая Бернадетта сообщала, что видела Деву Марию в Лурде, но это было её личное переживание, остальные жители деревни этого видения не имели. А Тереза Авильская вообще не смогла описать свои переживания в терминах ощущений [10, p.150]. Суинберн полагает, что опыт становится религиозным благодаря *способу* его получения.

Под опытом обычно понимают знание, характеризующееся непосредственностью и ощущением прямого контакта с изучаемой реальностью. Если этой реальностью выступают состояния самого сознания, то его называют внутренним [2, с.159]. Но это проблемное понятие. Тем более спорна идея внутреннего религиозного опыта. Опыт чувственен, и если бог не имеет ни тела, ни иных вещественных характеристик, то религиозный опыт не может быть опытом Бога, потому что нефизическое нельзя ощутить. И если даже признать, что такой опыт существует, не ясно, какие черты этого опыта позволяют отнести его к религиозному. Есть сомнения и в том, что такие переживания могут быть надежными источниками религиозных интуиций. Они, по мнению критиков, слишком субъективны, чтобы обладать высокой ценностью. И далее вновь Юм! Поскольку религиозный опыт уникален, как определить степень доверия к нему? У нас нет способности изучить объект религиозного опыта, чтобы проверить, можно ли опираться на свидетельские показания. А отсюда вполне возможно, что истории, которые верующие считают свидетельством прямого контакта с Богом или хотя бы его невидимого присутствия, на самом деле свидетельствует только о наличии убеждения.

Я привел только часть аргументов, которые приводят оппоненты религиозного мировоззрения. Число подобных контрдоводов можно увеличить. Их распространение побудило религиозно настроенных философов искать новые способы обоснования своих взглядов. Традиционный аргумент от религиозного опыта, которого, в частности, придерживается Суинберн, утверждает, что, поскольку религиозные убеждения есть у многих, это лучше всего объяснять существованием Бога. Ключевым моментом этой линии аргументации является заключение о Боге как причине религиозного опыта. Логика здесь та же, что и в эпоху научной революции, - с той «маленькой» разницей, что законы классической механики существуют независимо от того, что о них думают люди. Чтобы защититься от очевидной глупости, навязываемой такой трактовкой аргумента, традиционалист заявляет, что

каждый сам делает вывод из своего опыта существования Бога. Проблема истинности в этом случае снимается.

Более свежий взгляд на доказательство бытия бога предлагают британец Джон Хик и американец Алвин Плантинга. Последний приобрел известность благодаря «реформатской» эпистемологии; Кальвин верил, что Бог каждому привил склонность верить, и эта точка зрения оказала большое влияние на Плантингу. В классической эпистемологии Плантинга вполне резонно различает два типа убеждений, а именно, основные и выводные. Базовые убеждения - это полностью оправданные убеждения типа «я сижу сейчас за этим столом», «сегодня утром я завтракал», « $2 + 1 = 3$ », «ни один человек не может быть одновременно женатым и холостым» и т.п. Такие убеждения самоочевидны, очевидны для чувств и не поддаются коррекции (*incorrigible*). Второй тип убеждений - выводимые убеждения — строятся на основе других убеждений, а именно основных. Например, моя вера в то, что университет, в котором я работаю, - хороший университет, или что я, наконец, закончу эту статью. Разграничение базового и выводного знания принимается как эмпиризм, так и рационализм. Поэтому Плантинга называет классическую эпистемологию фундаменталистской.

По его мысли, за фундаментализмом стоит скрытая посылка, а именно критерий определения того, что считать базовым убеждением. Смысл своих рассуждений он видит в таком расширении критерия, чтобы в ряд базовых попало убеждение в существовании Бога [10, pp.133-141]. Тут проблема! Если, к примеру, я скажу «я верю в бога», и кто-нибудь спросит меня, чем это обосновать, то, по Плантинге, я просто могу сказать, что это мое базовое убеждение, - такое же как и то, что сейчас я сижу за компьютером. Понятно, такой ответ не слишком убедителен. Ибо мое убеждение, что я сижу здесь и сейчас, и мое убеждение, что Бог есть, — очень разные убеждения. Более рациональным было бы считать веру в Бога выводным убеждением, но тогда мне придется расшифровать те шаги, которые привели меня к этому убеждению.

Плантинга такой подход называет «эвиденциализмом» (от *evidence* - свидетельство) и считает ошибочным. Основу этой негативной оценки образует уверенность, что веских аргументов в поддержку основного критерия для выделения «собственно базовых убеждений» (*properly basic beliefs*), не существует. Ссылка на то, что «все самоочевидное, или очевидное для чувств, или неподдающееся коррекции (*incorrigible*)» суть основные убеждения, а все остальные убеждения являются выводимыми убеждениями, - эта ссылка, утверждает Плантинга, недостаточна. Ибо критерий этот сам по себе не является ни самоочевидным, ни очевидным для чувств или неисправимым. Его нельзя отнести к базовым убеждениям.

В конце концов он приходит к мысли, что сердечное (эмоциональное) принятие Бога достаточно для логической совместимости науки и теологии и не требует поиска эмпирических доказательств существования бога. Вера в Бога рациональна даже при недостаточности аргументов в пользу его

существований. Новый Завет подчеркивает эмоциональные основания принятия бога. Таким образом свидетельство бытия бога приверженцы «реформатской» эпистемологии усматривают в самом факте рефлексии и подчинении божьим предписаниям своего поведения. Верить в Вуду или Большую Тыкву — Вуду и Большая Тыква есть!

Плантинга, конечно, не хочет санкционировать любой вид веры, независимо от того, насколько она смешна, слабо обоснована или даже опасна. Но его ответ не вполне удовлетворителен. Он утверждает, что правильный способ выяснить, является ли данное убеждение обоснованным должным образом заключается в индукции. Мы должны, - говорит он, - собрать примеры верований и условий, в которыми они вызываются (are called forth) так, что первые, очевидно, основываются на последних (basic in the latter). Примером правильно обоснованного перцептивного убеждения может быть утверждение «перед собой я вижу дом», когда мы знаем условия, при которых эта вера будет оправдана. Со временем, говорит Плантинга, мы запоминаем тот набор условий, которые легализуют возникновение оправданных (justified) убеждений. Собственно, это и означает у него индуктивный способ получения критерия. Плантинга вновь ставит на одну доску религиозные, то есть мировоззренческие допущения и уверенности здравого смысла.

Таким образом становится видно, что, реформатская эпистемология не так уж далеко ушла от «привычки» Юма и способов преодоления «сомнений» Чарльза Пирса. Однако сказать, что сменились лишь словесные одежды, будет не совсем точно. И по отношению ко всей нашей теме можно с некоторой долей оптимизма утверждать, что за склонностью уточнять условия истинности, к чему подталкивает теория СИ, и за попытками заменить истинность рациональностью идет сдвиг от традиционного противопоставления науки и религии и стремления установить алетический приоритет той или иной сторон этого отношения к разграничению их социально-культурных функций. Если исходить из того, что цель религии состоит вовсе не в поисках истины, что, напротив, она лишь разновидность мировоззрения, рождаемая определенными «формами жизни» и обеспечивающая их воспроизводимость, то с этой точки зрения религия может быть рациональной.

Список использованной литературы

1. Карпин В.А., Гудкова С.А., Живогляд Р.Н., Козупица Г.С. *Типы научной рациональности в аспекте трех парадигм* // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2015. №1. С.22-30
2. Лекторский В.А. *Опыт* // Новая философская энциклопедия. В четырех томах. Т.3. М.: Мысль. 2010. 692 с.
3. Рассел, Б. *Человеческое познание. Его сфера и границы*. Киев: «Ника-Центр». 1997. 556 с.
4. Суинберн Р. *Существование бога*. М.: Ин-т философии РАН — Языки славянской культуры. 2014. 464 с.

5. Armstrong, D. *Sketch for a Systematic Metaphysics*. New York: Oxford Univ. Press. 2010. 124 p.
6. Derr T. S. *Ecology and Human Need: a Theological Critique of the Use and Abuse of our Birthright*. Geneva: World Student Christian Federation. 1973.111 p.
7. Eiseley L. *Francis Bacon // The Horizon Book of Makers of Modern Thought*. New York: American Heritage Publishing. 1972.509 p.
8. Foster M. B. *The Christian Doctrine of Creation and the Rise of Modern Natural Science / Science and Religious Belief: A Selection of Recent Historical Studies*, ed. C. A. Russell. London: University of London Press. 1973. 323 p.
9. Hall A. R. *The Scientific Revolution, 1500–1800: The Formation of the Modern Scientific Attitude*. Boston: Beacon Press. 1954. 390 p.
10. Hancock C. L., Sweetman B. *Truth and Religious Belief: Conversations On Philosophy of Religion*. New York: M.E. Sharpe, Inc. 1998. 248 p.
11. Hesse M. *Science and the Human Imagination: Aspects of the History and Logic of Physical Science*. New York: Philosophical Library.1955, 171 p.
12. Kroon F.W. *Truthmaking and Fiction // Logique & Analyse*. No.169-170. 2000. Pp.195-210
13. Lewis, D. *Truth in Fiction/ D. Levis. Philosophical Papers. Vol.1 // Cambridge: Cambridge University Press 1984. 285 p. printed from Oxford scholarship online (www.oxfordscholarship.com)*
14. Mulligan, K., Simons, P., Smith, P. *Truth-Makers// Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 44. No.3.1984. Pp.287-321
15. Pearcey N. R. and Thaxton C. B. *The Soul of Science: Christian faith and natural philosophy*. Wheaton (Illinois): Crossway Books, a division of Good News Publishers, 1994.304p.
16. Plantinga A. *Is Belief in God Properly Basic? // R.D.Geivert and B. Sweetman (eds.) Contemporary Perspectives on Religious Epistemology*, New York: Oxford Univ. Press. 358 p.
17. White A.D. *A History of the Warfare of Science with Theology*, 2 vols. New York: Dover Publications, 1960(reprint of an 1896 edition)
18. Whitehead A. N. *Science and the Modern World*. New York: Cambridge University Press. 2011 (Free Press, 1925). 278 p.

Глава 17.

ФАНТАЗИЯ, ИСТИНА И РЕФЛЕКСИЯ

Доктор философских наук, профессор. Профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород

Прохоров Михаил Михайлович

Шестнадцатая глава монографии обусловила необходимость заключительной главы, в которой специальному обсуждению подвергаются анализу категории фантазии, истины и рефлексии, чтобы разграничить отображение внешнего, материального мира и тех образов сознания, которые таковыми не являются.

В отличие от осознания внешнего мира под рефлексией (от латинского *reflexus* – изгиб, обратное движение, поворот, отражение луча света) будем понимать принцип самосознания, размышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок. В нашем случае речь пойдет о предметном рассмотрении самого познания, знания, истины и уходящей от истины фантазии, их критический анализ как форм человеческого мышления. В данной главе мы подвергнем рефлексивному исследованию отношение людей к понятиям истины (от ее утверждения до отказа от нее) и фантазии (выделяя фантазию стандартную, религиозную, объективно-идеалистическую и мифологическую).

Начнем с понятия истины в его классическом смысле, в смысле теории корреспонденции: *истинна та мысль, которая соответствует своему предмету*. Понятие истины как соответствие мысли своему предмету появилось в «осевое время» (К. Ясперс), когда формировался корпус основных понятий, которыми человечество пользуется вплоть до настоящего времени. Корреспондентское понимание истины, на котором настаивал Аристотель, создатель первой универсальной картины мироздания, было одним из величайших философских открытий. С его помощью из конгломерата мифологических, мистических и т.п. идей, сплетенных с предрассудками, фантазиями, крупными повседневного опыта, появилась возможность выделить те мысли и представления, которые давали адекватную картину окружающего мира. Оно базировалось на выработке и приведении к единству онтологии, учения о бытии, и гносеологии, учения о познании – как противоположных учений, возникших в ходе постановки и решения единого вопроса об отношении мышления и бытия (что первично-вторично и познаваем ли окружающий человека мир). Благодаря этому человек не только возвышался над животным миром, но и преодолевал мифологические фантазии, характерные для синкретичных представлений произведений периода устного

народного творчества. В это время закладывались основы современного мира духовной культуры.

Понятие истины было принято наукой в Новое время и до сих пор в ней сохраняется. Истина и ложь рассматриваются как противоположные гносеологические характеристики знания в его отношении к познаваемой реальности.

В.И. Ленин истолковал «соответствие» как *отображение* и придал ему универсальный характер, указав, что оно распространяется на любой объект, существующий в реальности: «Мы спрашиваем: дана ли человеку, когда он видит красное, ощущает твердое и т.п., объективная реальность или нет?.. Если дана, то нужно философское понятие для этой реальности, и это понятие давно, очень давно выработано, это понятие и есть *материя*. Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [3, с. 131]. Но отображение осуществляется не только на ступени чувственности, в формах ощущений, восприятий и представлений. Мышление, выводит отражение как сущность познания на новый, теоретический уровень или уровень понятий, оно «свертывает теории» в понятия, вырабатывает объективные, истинные понятия. Здесь оно осуществляется в форме понятий, суждений и умозаключений, изучаемых формальной логикой.

Гегель указал на недостаточность формально-логических представлений и выразил результаты исследования мышления в разработанной им диалектической логике, которая обеспечивает не простое соответствие, но диалектическое тождество мышления и бытия, совместное развитие субъективности и объективности, их коэволюцию. Человеку и животным свойственно отображение на ступени чувственности в формах ощущений, восприятий и представлений, отличие же человека от животного состоит в том, что он мыслит. Формы мысли выявляются и отлагаются в человеческом языке. Во все, что для человека становится внутренним, включая его представления, проник язык, а все то, что человек превращает в язык и выражает в языке, содержит в себе, в скрытом ли, спутанном или более разработанном виде категории, логическое, мышление. Логические предметы и их словесные выражения всем известны, но они нуждаются в познании, чтобы преодолеть их бессознательное, инстинктивное использование «естественной логикой». В этом состоит задача диалектической науки логики.

Далее, мышление не остается на уровне теории, но восходит к деятельности человека, который составив себе объективную картину развития бытия и самого себя, их соразвития, коэволюции изменяет «внешнюю действительность» («снимает ее определения»), меняет, отнимает у нее черты не укорененных в сущности («не обоснованных») кажимости, внешности, ничтожности, и «делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (=объективно-истинной)» [4, с. 199], приводя «предметы» в соответствие с «понятиями», содержащими истину, которая дана в знаниях науки. Тем самым

преодолевается созерцание, когда действительность берется только в форме объекта, как писал К. Маркс писал в «Тезисах о Фейербахе». В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что познание как «производство сознания» изначально было непосредственно вплетено в человеческую практику, было ее побочной стороной. Позже, в результате разделения труда познание стало самостоятельной формой человеческой деятельности по производству знания. Высшей формой человеческого познания выступила наука.

Познавательный процесс осуществляется в условиях той или иной общественной формы, которая оказывает на него свое влияние. Возникают различные, противоположные интерпретации познания, знания. «Господство определенного класса общества, его власть, проистекавшая из его экономического положения, находит *«практически-идеалистическое выражение»* [5, с. 69]. Противостояние материализма и идеализма не остается в сфере практики, проникает в область философской теории, теоретического мировоззрения, познания как такового. Естественным казалось утверждение, что истинна система идеалистических представлений, насаждавшаяся рабовладельцами. Философия, как показано в первой главе монографии, оказывается в сфере противостояния истины и непознавательных ценностей.

В течение XX века понятие истины стало постепенно вытесняться, становясь жертвой субъективного произвола. Об этом пишет А.Л. Никифоров: «Логический позитивизм заменил понятие истины понятием верифицируемости, т.е., грубо говоря, понятием соответствия чувственно данному. Г. Рейхенбах на место понятия истины пытался поставить понятие вероятности, рассматривая истину и ложь как предельные случаи высокой и низкой вероятности... У К. Поппера истина либо рассматривается как недостижимый идеал, либо заменяется понятием степени правдоподобности. Т. Кун, И. Лакатос, их коллеги и современники вообще не пользуются понятием истины в своих методологических построениях, а П. Фейерабенд прямо призывает выбросить понятие истины на свалку исторических заблуждений человечества» [6, с. 44]. Под лозунгом борьбы против жестких методологических правил, стандартов, норм, в конечном счете – против истины. Этот «тренд» обнаруживается у *значимых* представителей «философии науки», а через Ж. Лакана он стал характерной чертой философов постмодернизма, что отбрасывает нас за пределы «осевого времени», погружает в хаос пустопорожних разговоров, иллюзий, сновидений, мифов и предрассудков, подменяя ими понятие истины. Если даже официальное господство марксизма в СССР не оградило страну от безумия и абсурда, то в последние десятилетия многие отечественные (не только) философы, поддавшись социальной моде, отправились в поход против разума и истины.

Обратимся к стандарту фантазии или к стандартной фантазии, которая представлена многочисленными произведениями обыденной и научной фантастики, утопиями и иными фантазийными жанрами мышления. Мышление фантазера стремится выйти за пределы «нашего» мира, чтобы попасть в

«другой» мир, преодолевая разделяющую их границу. Эту границу можно представить себе в виде тонкой черты, разделяющей «наш» и «другой» мир, являющийся продуктом «вымысла», воображения фантаста. В этом случае граница предстанет как стремящаяся «к нулю», незаметная для человека реальность. Но ее можно представить себе и иной, если заявить, что она «стремится к бесконечности». В таком случае «граница» стремилась бы занять все пространство мысли, вытесняя и «наш» и «другой мир». Придадим границе промежуточную между обоими крайностями размерность, чтобы дать место для «нашего» и «другого» миров, как и для границы, имеющую собственную, отличную от них реальность. Это позволяет поставить следующий вопрос: какими реальными характеристиками будет обладать сама такая граница? Какова реальность «в пространстве» *самой* границы? Ведь нет никаких иных характеристик, кроме характеристик «нашего», реального и «другого», фантастического мира, в который, устремлено мышление фантазирующего. Ответ на этот вопрос показывает, что фантазия не способна создать такой мир, который бы не нес в себе характеристик «нашего» мира. Мир фантазера, фантаста есть не только «другой», но и его «отрицание». Он не может не содержать в себе черт нашего «мира». Стандартное фантастическое мышление не в состоянии полностью «оторваться» от черт нашего мира. Поэтому, оказываясь «отрицанием» «другого» мира, оно объединяет черты «нашего» и «другого» миров.

Те и другие, будучи противоположными, образуют единую реальность, вопреки «планам», обещаниям фантазера, фантаста создать полностью «другой» мир. Таково характерное для стандарта фантазера присущее его мышлению противоречие, поскольку он не способен измыслить полностью иной мир, лишенный связи с чертами нашего мира. «Наш» и «другой» миры есть нечто различное. Согласно Гегелю, «реальное, или нечто, отличное от другого реального, сначала равнодушно к нему, так как в своем инобытии оно вместе с тем есть в себе. Различие одного нечто от другого сначала заключается в *границе* как середине между ними, в которой они и суть и не суть. Таковые нечто 1) отличаются от границы или своих различий, каковые суть их середина, в которой они суть нечто. Но: 2) граница принадлежит им самим, будучи их границей» [1, с. 152].

Элементы фантастики присутствовали в человеческих произведениях, начиная с фольклора и эпоса. Они получили существенное развитие в античности, Средние века, в Эпоху Возрождения, в Новое, дойдя до нашего времени. Известны яркие примеры фантазирования обобщенных образов универсального бытия. Фантазированием можно считать, например, утопию (от греч. место, которого нет, по другой версии – благословенная страна). Исследование фантазий, фантастических произведений показывает, что в них воедино сплавлены хорошо знакомое нам «наше» и «другое». Мифологическая фантазия была нами рассмотрена [7]. Она не знает деления на объективное и субъективное, природное и человеческое, материальное и идеальное, естественное и сверхъестественное. Эти базовые противоположности

«наложены» друг на друга, существуя в мифологических образах синкретично, нераздельно, они исключают представления о сверхъестественном, потустороннем, трансцендентном, которые характерны для религиозной и идеалистической фантазии.

Иную картину мы видим в случае религиозного сознания средневекового христианства. Как показал Гегель в «Феноменологии духа» это надломленное сознание, ищущее «свою цель исключительно в недостижимом, потустороннем мире: оно живет в этом мире, но всецело обращено к другому (недостижимому); всякое приближение к трансцендентному Божеству несет несчастному сознанию умерщвление и ощущение собственной ничтожности» [8, с. 83] (Эту традицию продолжили экзистенциалисты). Если мыслить последовательно, с учетом положенного в основу религиозного принципа «Все существующее сотворено», то необходимо поставить и ответить на вопрос: существует ли Бог. Обычно у верующих и у Гегеля не возникает сомнений в существовании Бога. Но если Бог существует, и если действует принцип «Все существующее сотворено», тогда Бог, как существующее, должен быть сотворен. Надо думать, Творцом, Богом более высокого порядка. Но ведь и тот существует, и так далее до бесконечности. С точки зрения введенного принципа религиозная и идеалистическая фантазия впадает в дурную бесконечность, уходит от ответа, что признать первоначалом всего существующего.

Реальность «в» или «на границе» и есть не что иное как их единство. Граница не есть лишь простое прекращение, она принадлежит этому самому нечто самому по себе. Нечто без своей границы ничего не значит, без границы нечто перестает быть тем, что оно есть [1, с. 96-97]. Получается, во-первых, что граница принадлежит «нашему» миру. Но, с другой стороны, она принадлежит «другому» миру. Значит, граница демонстрирует черты, «качества» как «нашего», так и «другого» мира, объединяя их, и ничего больше «в» ней нет.

Этот стандарт фантастической реальности или реалистической фантастики, синтеза или наложения друг на друга реальности «нашего» и фантазии «другого» давно преодолели религиозное мышление и объективно-идеалистическая философия. Они исходят из принципа: «Все, что существует, сотворено». Для этого с самого начала ими утверждается, что никакого «нашего», земного мира нет, не существует. Не существует Вселенной. Этот принцип отрицает самостоятельность, субстанциальность окружающего нас мира. Следуя этому принципу мы, в нашей фантазии допускаем, что вначале никакого мира не было. Но уже тогда существовала Мысль, которая не принадлежала никому из людей, она была до самих людей, как и до окружающего нас мира. Эта Мысль, фантазируем мы дальше, эволюционировала так, что уже можно было создать учение о ней и ее эволюции. В конце этой эволюции, фантазируем мы дальше, «чистая» Мысль, то есть мысль, не имевшая никакого материального воплощения, решает сама из себя создать Природу и «отпустить» ее в самостоятельное, независимое от нее существование. Происходит отрицание чистой мысли Природой. Понятно,

что мысль здесь «первична», а Природа – «вторична», ибо Природа создана Мыслью. Далее Природа развивается. В это «развитие» фантазер включает все содержание знаний, которое получили ученые, изучавшие природную эволюцию, вплоть до появления высших животных, из которых развился и человек. Человек отличается от растений и животных, не говоря уже о минералах, в которых не обнаруживается сознание, присущее людям. Значит, природа порождает бессознательных существ, хотя в них присутствует психика, которая действует на базе развивающейся нервной системы и мозга. В отличие от животных, жизнедеятельность которых ограничена экологической, природной нишей, человек способен отражать в своем сознании весь бесконечный процесс эволюции. Ему становится известно, что он порожден эволюцией Природы, которой предшествовала Мысль и ее эволюция, развитие форм чистого мышления. В отличие от животных он сознает, что чистая Мысль в его лице дошла до разумного существа, который способен понять, что он и есть воплощение Мысли, которая «отпустила» из самой себя Природу, в результате эволюции которой возник сам человек.

Рефлексия, размышление над этим образом системы показывает, что он тождественен системе философии Гегеля, его объективному идеализму, который соответствует системе религиозной мысли. Гегель сам пишет, что «абсолютный идеализм», который выходит за пределы обыденного реалистического сознания, не может рассматриваться «как собственность философии», ибо он «образует основание всякого религиозного сознания, поскольку именно последнее рассматривает совокупность всего существующего, вообще весь существующий мир как сотворенный и управляемый Богом» [2, с. 163].

Собственно, религиозная и идеалистическая фантазии идут дальше стандартной фантазии, утверждая первичность Идеи, Бога, Мысли в качестве начала, которое творит человека и окружающий его мир: «Бог... есть чистая сущность, превращающая себя в предмет, но созерцающая в нем лишь себя самое, другими словами... которая в своем превращении в другое просто возвращается в себя самое и остается равной самой себе». Это идеальное начало является чем-то потусторонним, сверхъестественным, трансцендентным в отношении к земному миру. «Бог, согласно моментам его сущности есть... 1) внутри себя совершенно всеобщая сущность, 2) абсолютное всемогущество... то есть он является вечным *творцом Вселенной*, 3) *мудрость*... 4) *доброта*, так как единичное получает от него полную свободу действий, 5) *справедливость*, так как он вечно возвращает единичное к всеобщему» [1, с. 77], 6) *хитрость*: хотя люди действуют «свободно», преследуют свои собственные цели, эти цели сталкиваются между собой, в результате происходит только то, что задумал Бог. В то же время Гегель в «Науке логики» эволюцию мысли в духе стандартной фантазии он наполняет опытом развития человеческой мысли, который выражен в языке, выделяя в ней учение о бытии, сущности и понятии, которое выходит за пределы форм чувственности, представления и формальной логики. С одной стороны, Гегель утверждает первичность Идеи, с другой

стороны, Науку логики он начинает с учения о бытии, продолжает учением о сущности и заканчивает учением о понятии, на вершине которого выступает абсолютная идея, несущая в снятом виде весь логический процесс эволюции мышления. В силу этого в этом наиболее идеалистическом произведении читатель обнаруживает всего меньше идеализма и всего больше материализма. Рефлексия приводит к обнаружению внутреннего противоречия религиозной и идеалистической фантастики.

Поэтому неудивительно, что Л. Фейербах выбросил Идею Гегеля, признал первичность, субстанциальность Природы. Другое дело, что он не поднялся к учету того, что сознание человека и его телесная организация формируются под влиянием исторически развивающейся трудовой деятельности, поэтому чувственность он рассматривает как *созерцание* , человек остался в его философии абстрактным, внеисторическим существом, созерцающим мир теоретиком, не помышляющим изменить мир, хотя миллионы пролетариев не удовлетворены условиями своей жизни.

Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (9, с. 13-14) писал, что «материализм рассматривает природу как единственно действительное, в гегелевской системе природа является всего лишь «отчуждением» абсолютной идеи, как бы ее деградацией; во всяком случае, мышление и его мыслительный продукт, идеи, являются здесь первичным, а природа – производным, существующим лишь благодаря тому, что идея снизошла до этого. В этом противоречии (фантазии, истины и неумении разграничить отображение внешнего, материального мира и тех образов фантазии, которые таковыми не являются – *М.П.*) и путались на разные лады младогегельянцы». И лишь появление сочинения Л. Фейербаха «Сущность христианства» одним ударом «рассеяло это противоречие, снова и без обиняков провозгласило торжество материализма», что «природа существует независимо от какой бы то ни было философии», что она есть «основа, на которой выросли мы, люди, сами продукты природы», что «вне природы показало, и человека нет ничего». Что же касается религии и абсолютного идеализма Гегеля, то они есть плод человеческой фантазии, а не отображения внешнего, материального мира, ибо «высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией, это – лишь фантастические отражения нашей собственной сущности», которые «существуют только в воображении». Испытав «освободительное действие» книги Л. Фейербаха «все мы стали сразу фейербахианцами», признается Ф.Энгельс.

Список использованной литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1971. С.
2. Гегель. Энциклопедия филос. наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 163.
3. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 18, М.: С. 131.

4. Ленин В.И. Философские тетради // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 29, М.: С. 199.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое, т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 69.
6. Никифоров А.Л. Понятие истины // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2018. С. 44.
7. Прохоров М.М. О специфике мифологического мировоззрения // 18-й Международный научно-промышленный форум «Великие реки, 2016». [Текст]: [труды конгресса]. В 3 т. Т. 2 / Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т; отв. ред. А. А. Лапшин. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2016. С. 423-425.
8. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. От романтизма до наших дней. Санкт-Петербург: Петрополис, 1997. С. 83.
9. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М.: Политиздат, 1973, с. 13-14.

НАШИ АВТОРЫ:

Владимиров Александр Анатольевич

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Волжский государственный университет водного транспорта», город Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: Vladimirov-1945@mail.ru

Волкова Татьяна Ивановна

Кандидат социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный медицинский университет», г. Челябинск, Российская Федерация. E-mail: VolkovaT-soc@mail.ru

Гагаев Андрей Александрович

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарева», г.Саранск, Российская Федерация. E-mail: gagaev2012@mail.ru,

Гагаев Павел Александрович

Доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Пензенского государственного университета, г. Пенза, Российская Федерация. E-mail: gagaevp@mail.ru

Димитрова Светлана Васильевна

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская федерация. E-mail: sve-dimitrova@yandex.ru

Елхова Оксана Игоревна

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета, Уфа, Российская федерация. E-mail: philozof@mail.ru

Ермолович Дмитрий Валентинович

Кандидат философских наук, доцент, Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Республика Беларусь, г. Минск. E-mail: ermolovichdv@gmail.com

Зеленко Сергей Викторович

Кандидат филологических наук, доцент, факультет журналистики
Белорусского государственного университета, Республика Беларусь, г. Минск.
E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Зеленов Лев Александрович

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Нижегородский
государственный архитектурно-строительный университет, город Нижний
Новгород, Российская Федерация

Зеленцова Марина Григорьевна

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный химико-технологический университет», г. Иваново,
Российская Федерация. E-mail: marigumm@gmail.com

Кожуховская Анастасия Анатольевна

Аспирантка кафедры философии, Челябинский государственный
университет, Российская Федерация, г. Челябинск. E-mail: VolkovaT-soc@mail.ru

Кудряшев Александр Федорович

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Башкирский
государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация. E-mail:
philozof@mail.ru

Лойко Александр Иванович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
философских учений, Белорусский национальный технический университет,
Республика Беларусь, г. Минск. E-mail: alexander.loiko@tut.by

Ляпанов Артем Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент, Владимирский государственный
университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых г. Владимир Российская Федерация. E-mail: Lyapanov@mail.ru

Магомедов Камиль Магомедович

Кандидат философских наук, доцент, Дагестанский государственный
университет, г. Махачкала, Российская Федерация E-mail:
magomedov49@mail.ru

Петров Вадим Петрович

Доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО Нижегородский
государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний
Новгород, Российская Федерация. E-mail: vadpetrov54@gmail.com

Прохоров Михаил Михайлович

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация. E-mail: mmpro@mail.ru

Туркулец Алексей Владимирович

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, теории и история государства и права, Хабаровский государственный университет экономики и права, г. Хабаровск, Российская Федерация. E-mail: sve-dimitrova@yandex.ru

Фатенков Алексей Николаевич

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация. E-mail: kfa@fsn.unn.ru

Шрейбер Виктор Константинович

Кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», г. Челябинск, Российская Федерация, E-mail: shreiber@csu.ru

Коллективная монография

Мировоззренческая парадигма в философии:
истина и имитация

Под общей редакцией профессора М.М. Прохорова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»
603950, Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65.
<http://www.nngasu.ru>, srec@nngasu.ru